

Дормула невозможного

Дормула
невозможного

Формула невозможного

фантастические
рассказы,
повесть и пьеса

АЗЕРБАЙДЖАНСКОЕ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
Баку—1964

Е. ВОЙСКУНСКИЙ, И. ЛУКОДЬЯНОВ

ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО

«РАЗРЕШИТЕ ПРОГУЛЯТЬСЯ ПО ПЛАНЕТЕ»

Мудрые мужи, всеведущие составители инструкций! Вы знаете, что надлежит делать при пожаре и наводнении, что — если попадешь в водоворот, и что — если укусит незнакомая собака. Вы установили, что улицы надо переходить на перекрестках. Вы совершенно справедливо запрещаете высовываться из окон троллейбусов и приходить на танцплощадки в нетрезвом виде. Вы настоятельно рекомендуете не гладить синтетические ткани горячим утюгом.

Ваши потомки, о незнающие сомнений составители инструкций, верны вашим заветам.

Когда «Юрий Гагарин» после встречи с метеоритом был вынужден совершить посадку на этой планете, его экипаж, несмотря на смертельную опасность, не нарушил правил. Инструкция предписывала совершать не менее двенадцати витков вокруг неисследованных планет. И «Юрий Гагарин» совершил все двенадцать, хотя регенераторы, испорченные страшным ударом, не справлялись с углекислотой, хотя в пробитом отсеке температура упала до 82 градусов по Кельвину, а в рубке — до минус 82 по Цельсию. Двенадцать оборотов, пока не были достоверно установлены показатели атмосферы и ионосферы планеты. Двенадцать витков, каждый из которых мог стать последним.

Задыхаясь и замерзая, люди допустили только одно нарушение инструкции. Пункт «д» параграфа 17 предписывал разбить предохранительное стекло кнопки «С9» посредством специального молотка, подвешенного рядом, а Алексей Новиков, кибернетист, разбил его собственным локтем.

Позднее, когда живительный воздух, похожий на воздух родной Земли, наполнил легкие космонавтов, командир звездолета Прошин сделал Новикову строжайший выговор.

— Вы думаете, — сказал он, тяжело и часто дыша, — вы думаете, зря повесили спецмолоток? Разбивая стекло локтем, вы могли нарушить герметичность комбинезона.

И биофизик Резницкий кивнул, подтверждая слова командира, и Новиков виновато развел руками.

В нежно-зеленом небе пылало чужое красноватое солнце, недвижно стоял лес, на горизонте громоздились зубчатые рыжие холмы. Велик был соблазн заняться исследованием этой планеты. Здесь хорошо дышалось. Здесь легко ходилось: планета была поменьше Земли. Но «Юрий Гагарин» требовал серьезного ремонта, а экипаж его состоял всего из шести человек, и Прошин не считал возможным тратить время на приведение в порядок киберразведчиков, которые, на свою беду, хранились в отсеке, пробитом метеоритом.

На исходе вторых суток (сутки здесь составляли семнадцать с четвертью земных часов) из фиолетовых зарослей высунулась отвратительная жующая морда на длинной чешуйчатой шее.

— Привет, — негромко сказал Новиков, первым заметивший гостя. — Посмотрите, ребята, на этого красавца.

Биофизик Резницкий кинулся за кинокамерой, но «красавец», видимо, не был склонен к популярности. Продолжая жевать, он попятился и исчез в зарослях. Послышался треск ломаемых деревьев, потом все стихло.

— Командир, — взмолился Новиков, — не будьте жестокосердны, разрешите прогуляться по планете.

— У нас другая задача, — сказал Прошин. — Нам нужно спешить.

Резницкий кивнул, подтверждая слова командира. Затем он произнес ломким голосом, похожим на голос обиженного ребенка:

— Трехчасовую вылазку, полагаю, можно бы сделать. Вездеход не пострадал. А первичную информацию следовало бы собрать.

Прошин вопросительно взглянул на бортинженера, тот коротко махнул рукой: пусть, мол, идут, управимся.

— Хорошо, — сказал Прошин. — Отправляйтесь, Сергей Сергеевич, и вы, Алексей. Ровно через три часа прошу быть на месте. До наступления темноты.

Так вот и получилось, что Резницкий и Новиков отправились в свой злополучный поход.

Вездеход, покачиваясь на неровностях почвы, описал большую дугу вдоль лесной опушки и вышел к рыхлым холмам. Дважды Новиков останавливал машину, и Резницкий брал информацию: пробы грунта и образцы растительности. Перевалив через гряду холмов, вездеход некоторое время шел по плоской, как стол, равнине. Она была будто спекшимся черным стеклом выложена. Из-под гусениц летели стеклянные брызги. Резницкий и здесь взял образцы.

— Что это? — любопытствовал Новиков. — Обсидиан?

— Н-не похоже, — задумчиво отозвался Резницкий, разглядывая черные стекляшки на ладони.

Новикову надоела ровная езда, он повернул к лесу, стоявшему километрах в двух фиолетовой стеной, и прибавил скорость. Резницкий взглянул на спидометр и молча перевел рычаг назад — привел скорость в соответствие с ИПДП — Инструкцией по Поведению на Других Планетах.

Вездеход продирался сквозь лес. Тугие ветки с фиолетовыми лопатообразными листьями стегали по смотровым стеклам

— Где же эти три «е»? — ворчливо сказал Новиков.

— Что? — не понял Резницкий.

— Ну, длинношеее.

— Н-да. Не видно... Позвольте, а это что?

Новиков посмотрел вбок, в указанном направлении, и увидел за купой деревьев, как ему показалось, этажерку. Он подъехал ближе. Лес поредел, расступился, открылась поляна. На вертикальных опорах лежали в три этажа огромные плиты. Кое-где столбы покосились, и вокруг них валялись обломки плит. Все было сделано из

того же черного стекла. Выющиеся растения густо оплели черные столбы.

— Ну вот, — возбужденно сказал Новиков, доставая кинокамеру. — Поздравляю. Такое сооружение могли воздвигнуть только разумные существа.

Разведчики откинули люк и собрались было вылезти наружу, как вдруг услышали тяжкий топот и треск. На поляну, ломая заросли, выбегало зверье, словно сошедшее со страниц учебника палеонтологии. В смотровых стеклах замелькали чешуйчатые бока, пилообразные хребты и длинные шен со страшными мордами. Целое стадо ящеров, волоча тяжелые хвосты, торопливо прошло мимо вездехода, — и тут появились теннисные ракетки.

Их было несколько штук. Они были ростом метра в три, но формой напоминали именно теннисные ракетки. Подняв над черными массивными рукоятками решетчатые лопасти, они летели почти задевая траву.

Новиков коротко свистнул, переглянулся с Резницким. Затем он захлопнул люк и включил двигатель. ИПДП предписывала в случае встречи с неизвестными беспилотными устройствами немедленно выйти из зоны возможного столкновения и удалиться на расстояние, соответствующее скорости и направлению упомянутых беспилотных устройств.

Вездеход помчался назад, но на втором десятке метров резко остановился. Разведчиков тряхнуло, заскрипели предохранительные ремни, благодаря которым они избежали удара о пульт управления. Двигатель продолжал работать, гусеницы рвали почву, но вездеход стоял, словно упершись в невидимую стену. В смотровых стеклах мелькнули две-три ракетки.

— Вот я вас! — зло сказал Новиков и повернул машину влево.

Но и влево путь был закрыт. И направо тоже. Лишь в одном направлении вездеход мог двигаться свободно — в ту сторону, куда шли ящеры.

— Они загоняют нас куда-то, — сказал Резницкий. — Вызовите Прошина.

На экране телесвязи появилось озабоченное лицо командира.

— Что случилось?

— Невидимое препятствие, — сказал Новиков. —

Могу двигаться только в одном направлении, а туда бежит зверье...

— Какое зверье?

Новиков коротко доложил обстановку.

— Попробуйте остановиться и переждать, — сказал Прошин.

Новиков остановил машину. И тотчас страшная сила прижала разведчиков к сиденьям. Тело налилось такой тяжестью, будто кровь превратилась в ртуть, черная пелена застлала глаза, лица безобразно исказились от деформации кожи. Космонавтам не впервой было испытывать подобные перегрузки, но менее всего они ожидали столкнуться с ними здесь.

— Двенадцать «же», — прохрипел Новиков.

Он потянулся к рычагу и, мыча от пронзительной боли в костях, включил сцепление. Вездеход двинулся, ощущение тяжести исчезло. Но оно возникало каждый раз, как разведчики пробовали изменить курс. Тяжесть гнала машину вперед и вперед, в одном направлении, вслед за зверями.

— Влипли, — сказал Новиков. — Гравитационная ловушка.

Резницкий, поджав губы, внимательно смотрел на черную ракетку, которая летела справа от вездехода.

— Сергей Сергеевич, — тихонько сказал Новиков, — мне очень хочется угостить этих решетчатых тварей плазменной струей.

— Чепуха, — ответил Резницкий. — Это роботы. Они гонят зверей и приняли вездеход за животное, которое сопротивляется. У них, видно, такая программа.

— Что же будем делать?

— ИПДП позволяет применять оружие только в случае прямого нападения. Прямого нападения нет. Будем выжидать.

Всю ночь вездеход шел, освещая фарами чешуйчатые туловища зверей. Долго тянулось слева не то озеро, не то стеклянная равнина, она отсвечивала розовым, потом местность стала холмистой. Ящеры, видно, устали, они плелись еле-еле, и вездеход шел на малой скорости в середине стада, и свернуть по-прежнему мешала невидимая стена.

Утро наступило сразу, без рассветных сумерок.

Вперед в рыжем склоне холма зияло полукруглое отверстие, и в это отверстие начали втягиваться звери.

Новиков взглянул воспаленными глазами на Резницкого.

— Хватит. Надо вылезать из машины. Я в этот чертов туннель не поеду.

— Да, пожалуй, — отозвался Резницкий.

Он перекинул через плечо ремешок кинокамеры и взял футляр с бортовым журналом. Новиков быстро рассовал по карманам обоймы к плазмострелу, взвалил на спину портативную рацию и выключил двигатель. Затем, преодолевая навалившуюся тяжесть, затянул тормоза и вылез из машины. За ним выполз Резницкий. Перегрузка сразу исчезла. Новиков освобожденно вздохнул и вдруг отшатнулся: на него летела ракетка. Он выхватил плазмострел, но робот деликатно обогнул его. Разведчики отбежали в сторонку. Они смотрели, как несколько роботов повисли вокруг вездехода.

— Кишка тонка. — Новиков криво усмехнулся. — Стараются сдвинуть — не выходит... Дайте-ка кинокамеру.

Прилетела целая стая роботов. Они окружили машину, выпустили крючковатые манипуляторы. Зарываясь заторможенными гусеницами в землю, подымая клубы пыли, вездеход сдвинулся с места и медленно скрылся в черной дыре туннеля, уже поглотившей зверей. На разведчиков роботы не обратили ни малейшего внимания.

СЕРЫЕ СУЩЕСТВА

Новиков поставил рацию на мягкую фиолетовую траву и связался с «Юрием Гагариным». Слышимость была скверная. Новиков охрип, пока прокричал Прошину о случившемся, каждую фразу приходилось повторять. Прошин запеленговал место, где находились разведчики, и обещал вылететь за ними на вертолете — как только его соберут.

Новиков повеселел.

— Сергей Сергеевич, — сказал он, — я проголодался. Нет ли у вас в кармане баклажанной икры?

Они подкрепились шоколадной пастой и решили немного прогуляться, не отходя, впрочем, далеко от того

места, которое запеленговал Прошин. Идти было необыкновенно легко, и воздух был свеж и приятен.

— Надо задержаться на этой планете, — говорил Резницкий. — Чужая разумная жизнь — не шутка. Впервые сталкиваемся.

— Да, — отвечал Новиков. — Надо убедить Прошина. Разыскать тех, кто управляет роботами...

Вдруг они разом остановились. Знакомое ощущение тяжести навалилось, пригнуло их к земле. С трудом передвигая ноги, они сделали еще несколько шагов — перегрузка стала нестерпимой. Разведчики отступили. Они пошли вдоль невидимой преграды, нащупывая ее вытянутыми руками.

— Гравитационная стена, — сказал Новиков. — Кто-то определенно хочет познакомиться с нами... Интересно, высока ли она?

Он подобрал камень и швырнул его вверх, в сторону преграды. Сначала камень летел по привычной для глаза баллистической кривой, потом резко свернул вниз и с необычайной силой врезался в почву. Разведчики принялись метать камни. Вскоре они поняли, что гравитационная стена была не вертикальной, а искривлялась внутрь.

— Привет, — сказал Новиков, шумно отдуваясь. — Мы под сплошным колпаком.

— Вызывайте Прошина, — сказал Резницкий. — Лететь сюда нельзя. Вертолет не пройдет сквозь купол.

Прошин встревожился, выслушав сообщение разведчиков.

— Ищите проход! — закричал он. — Не теряйте времени, идите вдоль стены и ищите проход. Слышите, Алексей? Будьте осторожны! Будьте осторожны! Связывайтесь со мной каждый час!

И разведчики пошли вдоль невидимой стены.

— Заметьте, Алеша, — сказал Резницкий своим высоким ломким голосом: — растительность здесь другая.

И впрямь, деревья здесь были низкорослые, с прямыми белыми стволами и, видимо, слабо развитой корневой системой. Не то, что джунгли в районе посадки корабля...

Новиков остановился, схватил Резницкого за руку.

— Ущипните меня, Сергей Сергеевич... Я брежу...

Резницкий посмотрел в направлении взгляда Нови-

кова. Справа, в глубине роши, что-то мелькало. Было похоже, что крутится огромное вертикальное колесо — вроде тех, что издавна ставят на Земле в местах массовых гуляний.

Разведчики переглянулись и быстро направились в глубь роши.

— Там люди сидят, — сдавленным шепотом сказал Новиков. — Как у нас в парках... Бред какой-то...

Они вышли на большую поляну и остановились, пораженные. Крутилось аттракционное колесо с подвесными креслами, в креслах сидели бледно-серые существа, похожие на людей... И в то же время непохожие. Вокруг колеса бродили и лежали на траве такие же существа — видно, ждали своей очереди. Они не носили одежды. У них были непропорционально маленькие головы, длинная шея переходила в туловище, расширяющееся книзу, руки-коротышки едва доходили до живота, а ноги были толстые, массивные, как тумбы. Чем-то эти существа напоминали кенгуру.

Они молчали. Ни выкрика, ни смеха, ни обрывка разговора. В полной тишине существа крутились на колесе, то взмывая на пятидесятиметровую высоту, то проносясь над густой травой, — а другие молча ждали своей очереди.

Так вот они, повелители роботов, разумные существа чужого мира, носители Иной Цивилизации! Впервые, впервые вас отыскиали в безбрежном Космосе люди Земли. Братья по Разуму! Долго мечтали мы, люди Земли, о Великом Контакте — и вот он настал, исторический миг...

Воодушевление победило естественную осторожность. Разведчики пошли к Братьям по Разуму, протягивая им дружественно руки.

— Дорогие товарищи! — закричал Новиков, сияя от счастья. — Дорогие друзья! Вы не понимаете нашего языка, но это ничего! Мы обязательно пойдем друг друга...

Братья по Разуму вели себя странно. Они не обратили на разведчиков никакого внимания. Кое-кто из них, правда, оглянулся на голос, но тут же, скользнув взглядом, отвернулся. Улыбки погасли на лицах разведчиков. Новиков встал на пути одного существа, которое брело вокруг колеса, и знаками показал, что хотел бы с ним

поговорить. Существо равнодушно взглянуло ускользающими узкими глазками и медленно свернуло в сторону. Оторопь взяла Новикова: таким холодным взглядом могла бы посмотреть лягушка.

— Не забывайте ИПДП, — проворчал Резницкий, — держитесь от них подальше.

И тут же присел возле существа, лежащего в траве, и принялся внимательно его разглядывать.

— Алеша, — позвал он негромко. — Очень интересно: у них на черепе третий глаз.

Действительно, на голой макушке была небольшая прорезь, полуприкрытая пленкой. Вот пленка дернулась, открылся водянистый глаз, затем он снова задернулся. Новиков испытал гадливое чувство.

— Очень интересно, — повторил Резницкий. — Третий, теменной глаз был когда-то у панцирноголовых земноводных. Он и теперь остался у некоторых осетровых рыб, сомов, ящериц...

— У ящериц? — усомнился Новиков.

— Да, у ящериц. Только у них теменной глаз закрыт кожей. Но устроен он, как обычный, соединяется с мозгом непарным нервом. У некоторых ящериц он даже воспринимает различие в освещении.

— Что-то они мне не особенно нравятся, эти здешние, — сказал Новиков. — Непохоже, что они управляют роботами. Может, наоборот?

— Ну, бросьте.

— А чего? Описал же Свифт страну, где лошади управляют людьми...

Между тем, колесо крутилось все быстрее. Кресла с серыми существами взмывали к небу и падали вниз, и снова взмывали.

— А кожа у него мелко-чешуйчатая, — сообщил Резницкий. — Пальцы на руках очень слабо развиты... Интересно было бы взглянуть на зубы...

— Только не кладите ему палец в рот, — рассеянно сказал Новиков, глядя на колесо. — Ничего себе раскрутили. Тихие, а любят острые ощущения... Ох! — вырвалось у него.

Серое тело вылетело из подвешного кресла. Подброшенное центробежной силой, оно взвилось в зеленое небо, перекувыркнулось и с глухим стуком упало на землю.

— Остановите колесо! — заорал Новиков и бросился к упавшему телу.

Резницкий побежал за ним. Помощи никакой не требовалось: серое существо разбилось впрах. Обитатели роши неспеша сходились к месту происшествия, молча смотрели на труп сородича, молча брели дальше на своих тумбообразных ногах.

Вдруг откуда ни возьмись появилась теннисная ракетка. Она выпустила манипуляторы, подхватила труп и умчалась куда-то, скользя над травой и ловко огибая деревья.

А колесо все крутилось, правда, уже медленнее.

— Ф-фу! — выдохнул Новиков, обращая к Резницкому расстроенное лицо. — Духотища какая... — Он отер пот со лба и шеи. — Что скажете, Сергей Сергеевич?

— Пойдемте-ка, Алеша, к стене. Надо искать проход.

— Пойдемте...

Их внимание привлекли небольшие усеченные пирамидки, стоявшие тут и там на поляне. Они были из того же черного стекла, и на каждой был желтый круг, а внутри круга — черный квадратик.

Подавленные, молчаливые, разведчики вернулись к невидимой стене и пошли вдоль нее. Среди деревьев то и дело мелькали серые тела обитателей роши, но разведчикам уже расхотелось устанавливать с ними контакт.

— Сдается мне, — сказал Новиков, — что мы попали на планету непуганых идиотов.

Резницкий промолчал. Он никогда не делал обобщений, пока не накапливал достаточной информации.

РЕЗНИЦКИЙ НАРУШАЕТ ИПДП

Прохода не было. Разведчики убедились в этом, когда к концу дня вернулись к тому месту возле рыжих холмов, где в загадочном туннеле исчез вездеход. Гравитационный колпак накрывал добрую сотню квадратных километров.

— Неужели эта мощная силовая защита существует лишь для того, чтобы оградить идиотов от зверья и других неприятностей? — сказал Новиков. — Чтобы они тут ходили голышом и катались на колесе? Они ведь ничем не заняты, Сергей Сергеевич. Бродят по роше, валяются

в траве, жрут из автоматических кормушек .. Чем не райская жизнь?

— Да, — задумчиво отозвался Резницкий. — Райская жизнь...

— Но разумные существа должны здесь быть определено, — продолжал Новиков. — Мы с вами угодили в какой-то инкубатор, птичник, если хотите, в котором они зачем-то содержат этих идиотов. А сами они где-то за пределами огороженной зоны. Согласны?

— Не знаю, Алеша, не знаю...

— Надо с ними связаться. Надо их искать.

Разведчики сильно проголодались и испытывали жажду. Вездеход, в котором был пятисуточный запас провианта, исчез, тюбик шоколадной пасты, обнаруженной Резницким в кармане комбинезона, давно опустел. Два часа назад они видели, как тихие идиоты потянулись к черным пирамидкам, стали извлекать из них какие-то желтые диски и меланхолично жевать эти диски, рассевшись на траве вокруг кормушек.

— Давайте попробуем, что за еда, — предложил Новиков, глотая горячую слюну.

— Нельзя, — сказал Резницкий.

— Знаю, что нельзя. — Новиков тяжело вздохнул. — Полжизни отдал бы за капсулу концентрата.

Резницкий тоже вздохнул.

Положение было просто отчаянным. Прошин, с которым они снова связались, очень тревожился.

— В самом крайнем случае, — сказал он, узнав, что прохода в стене не обнаружено, — мы раздвинем стену корабельным тау-излучателем.

— Вряд ли удастся, — с сомнением ответил Новиков. — Павел Иванович, на планете существует разумная жизнь. Мы просим выслать кибер-разведчиков. Надо искать контакт с теми, кто создал здесь огороженную зону.

— Хорошо. Я вышлю кибер-разведчиков. Вызовите меня через час.

Резницкий и Новиков двинулись в глубь зоны. Вскоре роща расступилась, и они увидели решетчатый купол, окруженный кольцевым рвом. Кроме купола на острове возвышалась большая башня, башенки поменьше, мачты, похожие на весла, воткнутые в землю лопастью

вверх, еще какие-то сооружения, — все из того же черного стекла.

Ров был широк, метров в двадцать, и заполнен водой, похожей на земную. Разведчики стояли на берегу, вглядываясь в сооружения по ту сторону рва.

— Явно центр управления, — сказал Новиков. — А ров, должно быть, для того, чтобы эти слабоумные не могли прийти и что-нибудь испортить. Они, конечно, боятся воды.

Резницкий хмыкнул.

— А мы не боимся воды, правда, Сергей Сергеевич? — Новиков искательно посмотрел на биофизика.

— Воды мы не боимся, но...

— ИПДП не предусматривает запрещения форсирования водных преград, — быстро сказал Новиков.

— Ладно. — Ввиду чрезвычайных обстоятельств Резницкий сделался покладистым. Кроме того, он был очень голоден.

Разведчики разделись и повесили комбинезоны повыше на ветки дерева, чтобы низкорослые обитатели зоны не смогли до них дотянуться. Они переплыли ров и с некоторой опаской ступили на внутренний берег.

— Так. — Новиков ладонями согнал воду с тела. — Мы здесь, и мы живы. Центр нас не уничтожил. Нам не угрожает опасность. Мы переплыли ров, и мы живы...

— Помолчите, Алеша, — тихо сказал Резницкий. — А то я подумаю, что вы трусите.

— Я? Трушу? — Новиков храбро зашагал к куполу. — Тоже мне, психолог, — проворчал он себе под нос.

Они осторожно пролезли под широкими клетками решетки. Здесь, под куполом, стояло несколько групп установок, похожих на химические аппараты. Они соединились причудливо изогнутыми магистралями. В прозрачных голубоватых трубах пульсировала пузырчатая жидкость. На черных корпусах аппаратов были нанесены разноцветными красками сложные комбинации спиралей, прямых и кривых линий.

— Ишь, разрисовали, — сказал Новиков, разглядывая установку. — Напоминает наши печатные схемы...

Он представил себе неведомого конструктора, который, с набором кистей и проводящих красок, вдохновенно переносил на корпуса аппаратов то, что рождалось в его напряженном мозгу.

В жуткой тишине рисованные схемы непрерывно меняли свои цвета. Центр работал.

— Ну что ж, — бодрым голосом сказал Новиков. — В конце концов, это кибернетическое устройство. Очень совершенная и хорошо защищенная счетно-решающая машина. А раз так, то мы с вами, Сергей Сергеевич...

— Алеша, — прервал его Резницкий. — Наклонитесь ко мне. — И он прошептал Новикову в ухо: — Не надо здесь разговаривать. Оно может слушать и анализировать наши разговоры. Оно наверняка наблюдает.

— Гм... Верно.

— И не трогайте ничего руками. Мало ли что, сработает какое-то защитное устройство...

— Ну, само собой. А говорить давайте эзоповым языком. Машина его не поймет.

Разведчики тщательно осмотрели установки под куполом. Затем, обойдя трубы, поднимавшиеся из скважин, пролезли под решеткой в большую башню. Здесь помещалось устройство, которое живо напомнило Новикову древнюю индийскую игру «счет вечности»: стоят три палочки, на первую нанизаны кружочки — самый большой внизу, на нем кружок поменьше, еще меньше, и так далее. Надо перенести кружки — по одному — в том же порядке на третью палочку, пользуясь второй как вспомогательной и не допуская, чтобы большие кружки ложились на меньшие. Дело, на первый взгляд, немудреное, но при шестидесяти кружках, если делать по одной перестановке в секунду, оно займет около 500 миллиардов лет...

У Новикова загорелись глаза.

— Товарищи родители, — сказал он. — В наш университет поступила очень интересная игрушка.

С этими словами он вытащил из пластмассового футляра, висевшего у него на ремешке, бортовой журнал и карандаш и принялся зарисовывать схему «игрушки».

— Дети будут визжать от восторга, — приговаривал он. — Ничто так не развивает здоровую любознательность ребенка, как настольные игры..., а также игры на свежем воздухе... Вот так... — Карандаш быстро бегал по бумаге. — А свежий воздух, товарищи родители, это, как говорится, свежий воздух...

Начало темнеть. Зеленое небо померкло — и вдруг вспыхнул неяркий приятный свет. Казалось, светился

сам воздух. Разведчики изумленно огляделись. Тишина. Бегущие, меняющиеся краски на панелях. А на том берегу — мягко освещенная роща, по которой бродят тихие бесполезные существа.

Новиков долго и старательно рисовал. Затем разведчики вышли из башни и осмотрели маленькие, совершенно одинаковые башенки-шкафчики, стоявшие вокруг. Их было двенадцать.

— Пошли обратно, — сказал Резницкий.

Они переплыли ров. Вода была теплой, и воздух был теплым, — видно, работала установка искусственного климата. От голода кружилась голова. Разведчики побрили на поляну с кормушками и без сил опустили на траву.

Был как раз час очередной кормежки. Идиоты меланхолично жевали желтые диски, в вечернем освещении их тела казались серебристыми.

Вдруг Резницкий поднялся и решительно пошел к ближайшей кормушке. Он чуть помедлил, потом тронул пальцем черный квадратик в центре желтого круга. Подоспевший Новиков увидел, как круг подался назад и из отверстия вывалился на ладонь Резницкого желтый диск.

— Сергей Сергеевич... — пробормотал Новиков, но было уже поздно: биофизик впился в диск зубами.

«ИНСПЕКТОР УКУСИЛ МУХУ...»

Резницкий проснулся от топота ног. Кто-то ходил вокруг да около, шуршала трава. Сергей Сергеевич поднял голову и увидел серое существо. Оно то одной ногой, то другой медленно подталкивало футляр с кинокамерой.

Резницкий тронул за плечо Новикова, спавшего рядом. Тот сразу сел, русые волосы его были спутанны, к небритой щеке прилепились голубые травинки.

— Что случилось?

Биофизик указал на серое существо.

— Ха! — воскликнул Новиков и направился было к существу, чтобы отнять кинокамеру, но Резницкий схватил его за руку.

— Подождите, Алеша, давайте понаблюдаем.

— Но этот футболист раздавит камеру! Посмотрите на его ножищу!

— Лучше взгляните на его зад. Видите? Хвостик. — Резницкий нацелился фотоаппаратом и несколько раз щелкнул затвором. — Очень интересно, — продолжал он. — Проявление любопытства к незнакомому предмету... Это какой-то проблеск, Алеша... Стойте! — воскликнул он.

Новиков кинулся к существу и выхватил кинокамеру из-под его занесенной ноги.

— Игрушку нашел? — грубо спросил он. — Давай-ка проваливай! Катайся на колесе, а сюда не лезь.

Существо безропотно пошло прочь. Резницкий поспешил за ним, встал у него на дороге и протянул карандаш. Существо скользнуло передними глазами по ладони Резницкого, а теменным глазом — по его лицу. Затем оно медленно протянуло четырехпалую руку и взяло неуклюжими пальцами-обрубками карандаш. На миг Резницкий испытал неприятное прикосновение холодного и шершавого. Он вынул из кармана другой карандаш и блокнот и показал, как надо писать. Но существо уже не смотрело на Резницкого. Зажав карандаш в кулачке, оно повернулось и побрело в сторону. Резницкому показалось, будто оно издало легкое, чуть слышное повизгивание.

— Знаете, Сергей Сергеевич, кого оно мне напоминает?—сказал Новиков.—Отдаленно, конечно. Помните, на космодроме Луна-6 был сантехник, он дезинфицировал корабли, приходящие из межпланетных рейсов? Не помните? Ну, вялый такой, сонный... Как же его звали, имя еще было такое... А, вспомнил! Севастьян его звали. Чем-то этот футболист напоминает Севастьяна.

— Возможно, — рассеянно отозвался Резницкий. Он быстро писал что-то в блокноте. — Вызывайте командира, Алеша.

— Их пища годится для еды? — переспросил Прошин, выслушав доклад Новикова. Голос командира звучал недоверчиво. — Вы уверены, Алексей?

— Вполне, Павел Иванович. Вкусно даже. Утоляет не только голод, но и жажду.

— Все-таки вы очень неосторожны. Удивляюсь, как Сергей Сергеевич не удержал вас от такого риска. Передайте, пожалуйста, ему трубку.

Новиков, хитро прищурясь, протянул трубку Резницкому.

— Да, Павел Иванович. Видите ли... — Резницкий смущенно кашлянул. — Конечно, я помню ИПДП. Но... Он, конечно, горяч, но, Павел Иванович, я, как биолог, решил первым попробовать... Да, я... Это синтетическая пища, она вполне пригодна, подтверждаю.

Затем Резницкий доложил о центре управления и о том, что Новиков надеется разгадать его устройство.

— Вот как, — сказал Прошин. — Странная планета. Кибер-разведчики пока ничего не обнаружили, кроме ящеров и развалин каких-то очень древних сооружений. Сплошные джунгли. Значит, автоматический центр? Ну, раз у вас появилась пища, изучайте его. Но помните, что времени у нас мало. И будьте осторожны!

— Умыться бы, — сказал Новиков после окончания радиосеанса. — Нет ли у них автоматов-умывальников?

— Умоемся, когда переплывем ров.

— Гениальная мысль, Сергей Сергеевич!

Между тем настал час утренней пищи. Медлительные серые фигуры потянулись к кормушкам.

— Тупые, а знают время кормежки, — сказал Новиков. — Чем нас угостит сегодня центр?

Желтые диски оказались совсем другого вкуса, чем вчера. В них была приятная освежающая кислинка, а вчерашние напоминали скорее сладковатую сдобу. Диски легко таяли во рту.

— А как у них насчет добавки? — Новиков снова нажал черный квадратик.

Автомат, однако, не сработал. Новиков пошел к соседней кормушке, но и она не выдала ему диска. И третья тоже.

— Здорово! — восхитился Новиков. — Больше одной порции здесь не положено. И правильно: эти непуганые идиоты обожрались бы до смерти, они ведь не умеют владеть своими желаниями. Видно, автоматы снабжены запоминающим устройством: поел у одной кормушки — и иди себе с богом, больше ни одна не выдаст тебе корма. Только вот — как автоматы различают их, они ведь все на одну морду. По запаху, что ли?..

Резницкий, присев возле одного из обитателей райской рощи, внимательно следил за тем, как он сжевывал диск: его челюсти ходили влево-вправо, как поперечная

пила, они перетирали пищу. Рот обитателя — безгубая узкая щель на гладкой тупейшей морде — был обсыпан бородавками.

Новиков сплюнул, ему противно было смотреть на идиотов.

— Да, — сказал Резницкий и сделал пометку в блокноте. — Они очень похожи друг на друга, как у нас на Земле схожи низшие животные. И все-таки... — Он замолчал в раздумье.

— Что — все-таки? Может, они различаются по числу бородавок? Вы не пробовали подсчитать?

Резницкий не ответил: у него еще не было достаточной информации.

— Ну, Сергей Сергееч, пойдемте работать.

— Моя работа здесь, Алеша... Хотя, лучше я пойду с вами. В кибернетике я не очень силен, но за вами надо присматривать.

Новиков ухмыльнулся:

— Вчера вечером я убедился, что присматривать надо не столько за мной, сколько...

Резницкий поджал губы и промолчал.

Они пошли к центру, выверяя по дороге план действий. Прежде всего следовало изучить блок программирования, схему которого Новиков уже зарисовал. Принципиально в блоке, как утверждал Новиков, не было ничего резко отличного от земных счетно-решающих устройств. Но в частности различия, разумеется, имелись, — их-то и требовалось разгадать. Затем надо было найти участок электронного мозга, управляющий силовой защитой зоны, — службу безопасности, так сказать, — и заставить его принять команду о снятии силовой защиты. Или, по крайней мере, заставить открыть в гравитационной стене проход. Ведь был же сделан проход для загона животных, — значит, в программе центра имелась такая задача.

— Кстати, — сказал Новиков, шагая по мягкой траве, — не из этих ли зверей сделаны желтые пряники, которые столь приятны на вкус, а, Сергей Сергееч?

— Возможно.

— Бедные динозаврики! Ну конечно, их загоняют сюда и разделяют под пряники. Боюсь, что на обед нам подадут шестеренки от нашего вездехода. Он ведь тоже сошел за динозавра..

Тут мимо них проковыляла теннисная ракетка. Не пролетела, а именно проковыляла на суставчатых манипуляторах. Разведчики переглянулись и пошли за ракеткой в глубь рощи. Вскоре они увидели приземистое мелкорешетчатое сооружение с круглой дырой — входом. Вход был закрыт автоматическим турникетом. Ракетка остановилась перед турникетом, он резко крутанулся, и ракетка влетела внутрь.

— Поликлиника для роботов, — вполголоса сказал Новиков. — Видали? Он чего-то приболел и пошел на прием к врачу. А ну-ка...

— Не трогайте, Алеша!

Новиков попытался пройти, но турникет не пропустил его.

— Ишь ты! Как говорят у нас на Земле, «фулл-пруф». Защита от дурака... Здесь это надо понимать буквально.

Из помещения донеслось ровное стрекотание.

— Заряжается робот, — сказал Новиков. — Толково сделано: они сами являются в мастерскую для зарядки и ремонта. Хотел бы я знать, кто создал этот автоматический рай. Совершенная техника для обслуживания кучки жалких идиотов... Кто и зачем, черт побери?..

— Могу сказать одно: они, создатели, были живыми и мыслящими.

— А если так, — подхватил Новиков, — то и они подходят под древнюю земную поговорку — «*errare humanum est*»*. Иными словами — на всякую старуху есть проруха. Верно, Сергей Сергеевич? При всей своей мудрости они уже допустили один просчет: не учли, что мы умеем плавать и ров для нас не преграда...

Резницкий предостерегающе приложил палец к губам.

Они переплыли ров.

Как и вчера, на черных панелях аппаратов менялись цвета рисованных схем. В башне блок программирования вел нескончаемую игру в «счет вечности». Разведчики несколько часов подряд наблюдали за работой электронного мозга. Новиков исписывал тетрадь рядами алгебраических знаков, перемежаемых принятыми в ки-

* Человеку свойственно ошибаться (лат.).

бернетике значками понятий формальной математической логики: и, или, если, то, нет...

В черном куполе, возвышавшемся над блоком программирования, светился зеленоватый кружок. Куда бы ни переходили разведчики с места на место, зеленый глаз все время был устремлен на них. Умная машина явно наблюдала за ними, от этого было как-то не по себе.

— Петух схватил мокрую тряпку и повесил ее на балконе, — говорил Новиков.

— Слон бэ-семь шах! — отвечал Резницкий.

Они нарочно несли чепуху, чтобы сбить машину с толку.

— Последнее дело — запивать шашлык лимонадом.

— Инспектор укусил муху за левую ногу...

Обмениваясь подобными замечаниями, они внимательно изучали систему перестановок и систему включений, и зеленый глаз испытующе смотрел на них, и они вдруг ощутили непреодолимое желание поскорее уйти из башни.

Разведчики постояли возле скважин, над одной из них курился желтоватый дымок. Осмотрели высокие мачты, похожие на весла, — это были, несомненно, локаторы—приемники информации. Потом зарисовали схемы аппаратов под решетчатым куполом. Усталые, они покинули Центр и возвратились на лужайку с кормушками.

Вдали — они ясно видели — гнулись деревья под порывами ветра, клубились тучи, быстро растекаясь по зеленому небу. А в роще по-прежнему было тихо, не колыхался ни один лист на деревьях, и серые существа бесцельно бродили тут и там, валялись на траве, и, когда настал час ужина, потянулись к кормушкам.

Разведчики тоже подкрепились, а потом принялись за вычисления.

— Ничего себе схемочка, — проговорил Новиков. — Аж затылок трещит... Сколько функциональных рядов вы решили?

— Пока два. Вот что, Алеша. Мы вручную не справимся. Вызывайте корабль и сообщите наши данные, пусть их дадут вычислительной станции.

— И то верно. — Новиков озабоченно осмотрел передатчик. — Питание на исходе, Сергей Сергееч.

— Значит, надо его экономить.

«А то я не знаю», — неодобрительно подумал Новиков и вызвал «Юрия Гагарина».

— Как там у вас? — услышал он далекий голос Прошина. — У нас сильнейшая буря. Тепловая буря! Пришлось прекратить работы.

— У нас все тихо, — ответил Новиков, — Живем под колпаком... Под колпаком, говорю! Павел Иванович, примите данные для вычислительной станции, нам тут самим не справиться, очень сложная комбинаторика. — И он продиктовал командиру данные и договорился об утреннем сеансе связи.

В роще зажглось вечернее освещение. Новиков лег на траву, закинув руки за голову, и задремал. А Резницкий подсел к идиоту, отдыхающему поблизости, и осторожно коснулся пальцами его запястья, отыскивая пульс. Идиот даже не взглянул на Резницкого — видно, лень было шевельнуть веками. Он медленно перевалился на другой бок, и тогда неугомонный Резницкий занялся его хвостом.

Тут над рощей пронесся долгий печальный звук, он забирался все выше, выше и сделался нестерпимым для слуха. У Резницкого заныли зубы. Новиков сел и, скривившись, зажал уши ладонями. По всей роще подымались серые существа, а те, что бродили, — останавливались, задирая морды кверху.

Высокий звук оборвался, возникла странная музыка: медленное трезвучие повторялось в разных тонах. Серые существа принялись раскачиваться из стороны в сторону. Нельзя сказать, что они попевали за ритмом, но, видимо, им нравилось раскачиваться.

— Идиоты танцуют! — Новиков изумленно смотрел вокруг. — Недурно их развлекают, однако...

— Посмотрите на вашего Севастьяна, — сказал Резницкий.

— Где он? Как вы его отличаете?

— Вон тот, с карандашом в руке.

— А, — Новиков засмеялся. — Танцует с научным видом. Ну, умора! — Он застрекотал кинокамерой.

Танцы продолжались около получаса по местному времени. Затем последовало длинное воющее «вл-вл-вл-вл-вл», и вдруг голос Резницкого отчетливо произнес:

— Инспектор укусил муху за левую ногу.

Разведчики ошалело переглянулись.

А над рошей неслось:

— Последнее дело — запивать шашлык лимонадом.

— Слон бэ-семь шах!

— Петух схватил мокрую тряпку...

Машина в строгом порядке — от конца к началу — повторила все, что разведчики говорили во время двух посещений Центра. Все, включая шепот Резницкого: «Не надо здесь разговаривать, оно может слушать...» Все, вплоть до первой фразы Новикова: «Ишь, разрисовали...» Затем машина в быстром темпе прогнала запись в обратном порядке и занялась вариантами.

— Шашлык запивать свежий воздух... Петух укусил слон на балконе... Визжать от восторга будут инспектор...

Центр громоздил фразы, усложнял их, отбирал слова с одинаковыми окончаниями: «запивать—визжать—слушать—анализировать».

— Ловко работает, собака, — прошептал Новиков, ему было и интересно, и страшно. — Изучает язык...

— Ногу—муху—тряпку, — деловито группировала машина.

— Хорошо еще, что мы не выболтали там своих намерений, — тихо сказал Резницкий. Лицо у него было бледное, в крупных каплях пота.

Кррак! Все стихло. И после короткой паузы — смена пластинки. Теперь роща наполнилась неприятными звуками — будто пустые консервные банки перекачивали на деревянном полу. Банки безобразно дребезжали то на низких нотах, то на высоких.

— Посмотрите на Севастьяна, — шепнул Резницкий.

Серые существа после окончания танцев почти все улеглись спать, лишь несколько фигур бродили среди деревьев. А Севастьян стоял возле разведчиков в напряженной позе, вытянув длинную шею, — будто прислушивался к перезвону банок, и безгубый рот его слегка шевелился. Резницкий не сводил с него глаз.

Но вот неприятные звуки смолкли. «Вл-вл-вл», — провыла машина, и воцарилась глубокая тишина.

— Концерт окончен, — проговорил Новиков и утомленно опустил на траву. — Такие-то дела, брат Севастьян.

ЦЕНТР НЕ ПРИКИМАЕТ ЗАДАЧИ

В семь утра по местному времени разведчики связались с кораблем и получили свои данные, обработанные вычислительной станцией.

— Это гипергеометрический ряд с пятью параметрами, — сказал Прошин. — Вы уверены, Алеша, что сможете спрограммировать задачу о снятии защитного поля?

— Уверен, Павел Иванович, — без колебаний ответил Новиков, но голос у него был тусклый. — Если, конечно, Центр не будет активно противодействовать...

— Поторопитесь. Мы скоро закончим ремонт. Вы слышите?

— Слышу. У нас на исходе питание передатчика. Придется ограничиться двумя сеансами—утренным и вечерним. В девять вечера мы сообщим следующие данные.

— Хорошо. — Прошин говорил очень спокойно. — Но вы поторопитесь. Пожалуйста, поторопитесь.

Позавтракав, Новиков отправился в Центр продолжать работу. Резницкий напутствовал его подробными предостережениями и остался в роще: он тоже торопился закончить свои исследования.

Когда Новиков около трех часов дня возвратился в рощу — «к обеденному прянику», как они говорили, — он застал Резницкого в сильном возбуждении.

— Они катались на колесе... Да, они катались, и колесо очень сильно раскрутилось. Двое вылетели из кресел, понимаете, двое, один за другим, и расшиблись насмерть...

— Да вы успокойтесь, Сергей Сергееч, это у них...

— Понимаете, что-то шелкнуло — раз-раз! — и двое вылетели. Потом, когда колесо остановилось, я посмотрел — там есть устройство для раскрытия шарниров на ходу. С довольно сложным приводом. Но ведь они не могли сами включить его, вы понимаете?..

— Сергей Сергееч...

— И эта рабская покорность судьбе — ужасно, Алеша! Какое страшное вырождение! Поразительно: совершенная техника, выверенное на века управление — как могут при всем при том происходить несчастные случаи?..

— Да послушайте. — прикрикнул Новиков. — Чего вы разволновались? Я разобрался в пищевом блоке и в

устройстве, которое ведает развлечениями. И вот что я вам скажу: несчастные случаи запрограммированы.

— То есть как? — Резницкий уставился на кибернетиста. — Вы хотите сказать...

— Они запрограммированы так же строго, как выдача пищи. Для того, чтобы точно регулировать количество населения. Учет ведется по счетчикам кормушек, и если появляются лишние рты...

— Но, Алеша, если так, то мы...

— Да, Сергей Сергееч, очень возможно. Очень возможно, что наше появление стоило жизни двум идиотам. Вы сказали — вырождение. Что это значит? Вы думаете, их предки были развитее?

Резницкий не ответил. Он был подавлен настолько, что не захотел обедать, и Новиков с трудом уговорил его подкрепиться «пряником».

— У них великолепные синтезаторы, — рассказывал Новиков, энергично расправляясь с обеденным диском. — Они из воды, воздуха и подземного газа — видели, скважины там? — ну вот, они готовят из этого добра синтетическую пищу. Программирующее устройство обеспечивает колоссальное количество практически неповторяющихся комбинаций, поэтому еда всегда разная. Здорово, правда? — Он вдруг насторожился, потянул носом. — Вы чувствуете? Запахло чем-то. Фиалка, что ли... Нет, не фиалка...

Запах усилился. Он ежесекундно менялся, и разведчики не могли определить ни одного запаха из этой мелодии ароматов. Их чередование, комбинации и сила подчинялись какой-то стройной, неуловимой гармонической закономерности.

Райские жители разнеженно лежали на траве и впили в себя льющийся аромат. Резницкий и Новиков тоже размякли от симфонии запахов — люди Земли не слыхивали о подобных развлечениях. Они невольно заслушались, вернее занюхались, и блаженные улыбки блуждали на их небритых размягченных лицах.

Первым стряхнул с себя странное очарование Новиков.

— Еще немного, и мы сами превратимся в тихих идиотов, — зло сказал он, поднимаясь и отряхивая комбинезон. — Я пошел, Сергей Сергееч.

Новиков работал в Центре до позднего вечера и вернулся усталый и мрачный, бросился на траву.

— Она выживает меня из башни, — сказал он негромко. — Проклятая машина. Работаю и все время чувствую: надо уйти. Так и тянет за душу: уйди, уйди. На психику давит, сволочь...

— Ну и? — Резницкий тревожно смотрел на него. — Пришлось уйти?

— Нет... Выдержал кое-как... Уф-ф!.. Сергей Сергеевич, что-то я здорово устал, вызовите, пожалуйста, корабль и продиктуйте эти ряды. — Новиков протянул сумку с журналом. — Если я не ошибся, завтра можно будет программировать. Я приготовил алгоритмы* задач.

— Это самопрограммирующаяся машина, Алеша. Примет ли она задачу извне?

— Она может принимать, — уклончиво ответил Новиков. — Там есть устройство для приема программ в виде перфокарт. Более того: я обнаружил там бланки для перфокарт с намеченной сеткой. Похожи на наши... Видимо, кто-то когда-то... — Он замолчал, задумался.

— Значит, все в порядке. — Резницкий удовлетворенно кивнул и откинул крышку передатчика.

Рано утром Прошин передал результаты вычислений. Он диктовал долго и старательно и напоследок сказал: «Желаю успеха. До скорой встречи, ребята».

Резницкий хотел пойти в Центр вместе с Новиковым, но тот резковато отказался от помощи.

— Не надо. Справляюсь сам.

И ушел. Резницкий огорченно посмотрел вслед его прямой удаляющейся фигуре, потом призвал себя к самодисциплине и занялся обитателями рая.

Севастьян, с карандашом в кулаке, держался поблизости, он то и дело крутился возле людей, и Резницкий подверг его тяжким испытаниям. Он сделал стойку на голове. Упираясь ногами в ствол дерева, он следил снизу вверх за Севастьяном. Тот вначале не среагировал, но

* Алгоритм — система вычислений, выполняемых по заранее определенным правилам, которая после какого-то числа «шагов» приводит к решению задачи.

Это понятие ввел еще в IX веке узбекский математик Аль-Хорезми, от его имени оно и получило свое название «alhorismus» — «алгоризм». Позднее в произношение вплелось греческое слово «аритмос» — число.

потом остановился перед Резницким. Взгляд его скользнул по ногам биофизика, ушел в сторону, но сразу вернулся. Резницкий чувствовал, как мучительно трудно этому тупому существу заставить себя зафиксировать внимание на чем-то определенном, как упрямо сопротивляется его гладкий мозг возбуждению, поступившему от глазных нервов. Севастьян топтался на месте, вытягивал шею, повизгивал, вдруг взгляд его соскользнул вниз и устоялся на лице Резницкого. Он смотрел в одну точку не менее трех секунд!

Сергей Сергеич был очень доволен. Он принял нормальное положение, отер пот с красного лица, отдышался.

— Ну, Севастьянушка, — сказал он, — поздравляю: ты еще не совсем пропащая скотина. Эх, жаль, нет энцефалографа, посмотреть бы, какие биотоки у тебя в мозгу...

Затем он проделал второй эксперимент. Он вытащил из сумки карандаш и сунул себе в рот. Севастьян медленно ворочал головой, пытался прилечь, но Резницкий был терпелив, он заставил Севастьяна увидеть карандаш, торчащий изо рта. Некоторое время обитатель райской роши колебался. Он сделал две-три неудачных попытки поднести руку с зажатым карандашом к лицу. Примерно через час Сергей Сергеевич все же добился своего: Севастьян неуверенными движениями принялся тыкать карандашом себе в лицо и наконец попал в рот. Запыхавшийся Резницкий подскочил к нему, схватился за карандаш и, действуя им, как рычагом, достаточно широко раскрыл рот Севастьяна.

— Ага! — сказал он. — Так я и думал.

Зубов у Севастьяна не было, а были две сплошные желтые пластинки, как у черепахи, — две пластинки для перетирания пищи.

Резницкий чуточку передохнул и принялся за эксперимент номер три. Он отломил у дерева ветку и стал побуждать к такому же действию Севастьяна. Но тут настал час катания на колесе, и Резницкий не мог ничего поделать: могучий инстинкт поволок Севастьяна кататься.

На сей раз обошлось без жертв: никто не слетел с колеса, никто не расшибся. Сергей Сергеевич понаблюдал немного за детенышами серых существ. Юные идио-

ты были под стать своим родителям: бесцельно бродили по роще, валялись где попало; никаких игр или баловства, ни малейших попыток к преображению природы — хотя бы в форме копания ямок и нагромождения песочных куч.

Вдруг Резницкий ощутил беспокойство: как там Алеша? Удалось ли сформулировать задачу для машины?

Мимо пролетела ракетка, держа манипуляторами какое-то, как показалось Резницкому, решето с круглыми серыми булыжниками. Биофизик побежал было за ракеткой, но та летела быстрее и скрылась за холмом.

К «обеденному прянику» Новиков не пришел. Резницкий подождал еще немного, а потом решительно направился в Центр. Он переплыл ров и пошел к башне.

Новиков лежал под решеткой, ограждавшей башню с электронным мозгом. Лежал ничком, головой наружу, ногами внутрь. Рядом валялась сумка с журналом.

Резницкий кинулся к нему, вытянул из-под решетки, затормошил.

— Алеша, Алеша... Алеша!

Новиков открыл глаза и посмотрел на биофизика тусклым взглядом.

— Что с тобой? — крикнул Резницкий.

— Ничего, — ровным голосом сказал Новиков. — Очень устал. Хочу спать.

Сергей Сергеевич помог ему подняться и повел к рву. В воде Новиков немного отошел. Он освободился от поддерживающей руки Резницкого и сам поплыл к противоположному берегу.

Он сел на траву, обхватив руками голые колени, взгляд его стал сосредоточенным. Резницкий, сидя против него, терпеливо ждал.

— Значит так, — сказал Новиков. — Ошибки не было... Я все проверил и наколол перфокарту. Я правильно запрограммировал и закодировал, ошибки быть не могло... — Он замолчал.

— Дальше, Алеша.

— Я запрограммировал задачу: снять силовую защиту зоны. Я заложил ей перфокарту. Что-то в ней крякнуло, и она выбросила перфокарту обратно. Она не приняла задачи. — Новиков опять помолчал немного. — Она затарахтела банками, а потом сказала мне, чтобы я ничего не трогал руками...

— Она сказала?!

— Она это сказала вашим голосом. Но я рассчитал и наколол новую перфокарту — с другой задачей: сделать проход в защитном поле. Очень трудно было. Она выживала меня из башни... Очень хотелось спать... Я дал ей новую перфокарту, но она и ее выплюнула... Дальше я что-то не помню... Помню только, что дьявольски устал, и спать хотелось...

— Алеша, надо попытаться снова.

Новиков покачал головой:

— Нет смысла. Она не примет.

— Вы отдохнули? Пойдемте. — Резницкий встал. — Это наша единственная возможность. Вы же сильный программист, Алеша.

Новиков понуро молчал.

— Давайте, давайте, — понукал его Резницкий. — Спрограммируйте так: не просто проход в защитном поле, а проход для загона зверей. Так будет естественней, такую задачу она должна принять.

Новиков пожал плечами:

— Попробуем.

Он вытащил из сумки свои таблицы и пачку бланков — тонких пластинок с нанесенной сеткой. Сверяясь с таблицами, тщательно проколол на бланке группы отверстий.

Затем они переплыли ров и пролезли под решеткой в башню. Зеленый глаз тотчас вспыхнул и уставился на них. Резницкий ощутил тяжесть в голове. Сонно моргая, он смотрел, как Новиков подошел к устройству, похожему на челюсти тисков, и вложил в него перфокарту. Раздался звук, будто переломили кость — и перфокарта вылетела обратно, она была смята и слегка дымилась. Задребезжали перекачиваемые банки, а потом...

— Это хорошо защищенная машина, — отчетливо произнес голос Новикова, и усиленный голос Резницкого громко прошептал: — Не трогайте ничего руками.

Новиков сел, безвольно раскинув руки и прислонившись спиной к решетке ограждения. Резницкий, с невероятным трудом преодолевая желание повалиться и заснуть, растормошил Новикова, и они вылезли из башни.

Стало немного легче, сонливость прошла.

— Вызывает торможение, — тихо сказал Резницкий по-английски. Да, сильная защита...

Они побрели к берегу.

— Видите эти башенки? — сказал Новиков, тоже по-английски. — Двенадцать штук. Это автоматы усиления гравитационного поля. Не пробить нам такую защиту...

— Может быть, испортить ее? Разбить блок...

— Ну, если вам надоела жизнь...

— Что же делать, Алеша?

— Не знаю.

Отчаяние охватило разведчиков.

ОТЧАЯНИЕ. НЕЧТО ИЗ ИСТОРИИ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Они снова обошли всю зону вдоль невидимой стены. Их тренированные тела умели выносить тяжкие перегрузки, и они попытались прорваться на волю. Десяток шагов, полметра на четвереньках, чуть-чуть ползком. Нет, не одолеть... Расплющит насмерть... Пришлось вернуться...

Вон, совсем рядом, колышатся на ветру деревья, там свобода, корабль, товарищи...

Выхода не было.

— Остается одно — тау-излучатель, — сказал Прошин на очередном сеансе связи. — Давайте обдумаем, ребята...

— Павел Иванович, подождем еще немного, — прервал его Резницкий. — Переводить сюда корабль — взлет и посадка — такая трата энергии.

— Но другого выхода нет!

— Но гарантии, что тау-поле нейтрализует поле сверхгравитации, тоже нет. Подождем еще день, Павел Иванович. Завтра утром мы свяжемся с вами.

Резницкий выключил рацию. Питание в передатчике подходило к концу. Сергей Сергеевич тоскливо оглядел райскую рощу.

— Давайте пойдем к тому туннелю, куда загнали вездеход, — предложил Резницкий.

Новиков не ответил. Он лежал на траве, закинув руки за голову.

— Алеша, что за апатия у вас? Так нельзя... Почему вы молчите? Алеша! — крикнул Резницкий.

— Что вам надо?

— Возьмите себя в руки! Пойдемте поищем вездеход. Попробуем разогнать его, и на большой скорости...

— Чуть.

Все же Резницкий заставил его подняться. Они отыскали холм с зияющей дырой туннеля, но вход в туннель оказался заперт силовым полем. Разведчики побрели обратно, в рощу. Резницкий присел: в шелковистой траве лежали два круглых серых булыжника. Биофизик осторожно поднял один из них, потряс на ладони. Худое небритое лицо его оживилось.

— Так-так, — сказал он, любовно разглядывая кругляш. — Они откладывают яйца. Так я и думал. Они такие же ящеры, как прочее местное зверье, только повыше организованные.

Новиков безучастно стоял рядом. Резницкий сунул кругляш в карман, и разведчики пошли к поляне с кормушками.

— А что, — сказал вдруг Новиков, съев «обеденный пряник». — Пропитание, во всяком случае, здесь есть. Резницкий пристально посмотрел на него.

— Может быть, вы пойдете кататься на колесе?

Язвительный вопрос остался без ответа.

— Послушайте, Алеша, что я думаю о здешних порядках, — сказал Резницкий немного погодя. — Конечно, у меня еще не вполне достаточно информации, но в первом приближении... Словом, некогда на этой планете существовала высокоразвитая цивилизация. Думаю, много тысячелетий тому назад. Предки этих идиотов были деятельными и разумными существами. Но, видимо, бурное развитие техники пришло в столкновение с социальными формами жизни и приняло уродливый характер. Самоуверенная правящая верхушка решила, что настало время обеспечить сытую и беззаботную жизнь для избранных. Лишние, ненужные производители были истреблены. Да, истреблены каким-то мощным оружием. И заменены роботами. Тогда-то и был построен Центр, на который полностью возложили все заботы о жизни и развлечениях. В огороженной жилой зоне с мягким искусственным климатом, с гарантированной синтетической пищей пошла праздная жизнь. Возможно, первое время за «мозгом» следили программисты, от них остался запас бланков перфокарт. Но машина была совершенной,

она непрерывно самосовершенствовалась, и пограммисты от безделья выродились... может, немного позже остальных... Поколения сменялись поколениями, и потомки, лишённые радости труда и творчества, стали вырождаться. Их постройки за пределами зоны разрушились и были поглощены джунглями. Помните, в начале похода мы видели полуразрушенное сооружение? Должно быть, их много на планете. Ну вот... Вы слушаете или спите, Алеша?

— Слушаю.

— Вырождение шло полным ходом. Верхние конечности, незнакомые с орудиями труда, стали слабенькими, а нижние от малоподвижной жизни превратились в тумбы. Зубы от мягкой пищи атрофировались. Неупражняемый мозг постепенно разгладился и сохранил лишь элементарные животные инстинкты. Они разучились говорить — им нечем было обмениваться. Кстати... Мне почему-то кажется, Алеша, что эти странные звуки перекатываемых банок — речь их предков. А? В памяти Центра сохранилась ее запись, и когда Центр услышал нашу речь, он, естественно, попытался перевести ее на свой язык. Вернее, на язык своих создателей. Вы не находите? Эту речь никто из тихих идиотов уже не понимает, но... Я наблюдал за Севастьяном. Когда затарахтели банки, он замер на месте и четыре минуты — я засек — тупо слушал. Что это? Смутный далекий инстинкт? Или, как раньше говорили, зов крови? — Резницкий задумался. — Кстати, о крови, — продолжал он. — Они холоднокровные. Вырождаясь, они все больше и все быстрее приближаются к ящерам, от которых, вероятно, некогда произошли. В этом смысле, дорогой мой Алеша, показателен хвост. Рудиментарные нижние позвонки у них превращаются в хвостик. Мне удалось прощупать у одного детеныша целых семь позвонков, а у Севастьяна в хвосте — шесть. Понимаете? Им предстоит сделаться длиннохвостыми ящерами, и, возможно, настанет время, когда они опустятся на четвереньки. Ужасный, чудовищный регресс...

Ломкий голос Резницкого одиноко звучал в мертвой тишине райской роши. Охваченный исследовательским пылом, Сергей Сергеевич не замечал, как страдальчески исказилось лицо Новикова.

— Теперь о колесе. Это дьявольский замысел, Але-

ша, просто дьявольский! Вы сами видели, они откладывают яйца. Роботы подбирают их и, видимо, уносят в какой-то инкубатор. Когда юное поколение подрастает и начинает пользоваться кормушками, тогда появляются лишние рты — и учащаются несчастные случаи на колесе. Вы правы, это запрограммировано... Центр ведет точный счет населения и уничтожает лишних... И все же они каждый день лезут кататься. Создатели колеса позаботились о минимуме острых ощущений — чтобы эти жалкие существа не теряли интереса к жизни. Элемент опасности, риска — как некий стимулятор жизни. Понимаете?

— Довольно! — заорал Новиков на всю рощу. Он иступленно заколотил кулаками по траве, лицо его было страшно. — Всю душу вымотали!.. Вы понимаете, черт вас возьми, что нам не выйти отсюда?!

Резницкий изумленно уставился на него.

— Не хочу быть хвостатым идиотом, не хочу! — Новиков бросился ничком на траву, рыдание сотрясло его тело.

— Перестаньте, прошу вас... — Сергей Сергеевич тронул его за плечо. — Нас не оставят в беде... Перестаньте...

НА АРЕНЕ—ДИНОЗАВРЫ

И еще сутки прошли. Утром Резницкий вызвал «Юрия Гагарина».

— Не знаю, что делать, Павел Иванович, — кричал он в микрофон. — Мы не видим выхода... Что? Не слышу!.. — Он не различал ответных слов, бесконечно далекий голос Прошина затухал. — Павел Иванович! — надрывался Резницкий, отчаянно цепляясь за последнюю ниточку надежды. — Павел Иванович!.. Товарищи! Товарищи, не слышу...

Он швырнул трубку и пнул ногой теперь уже бесполезный ящик рации. Крепко потер виски ладонями. Рядом прохаживался Севастьян со своим карандашом, всем видом показывая, что готов к новым экспериментам. Сергей Сергеевич даже не взглянул на него. Долго сидел он, уронив голову в ладони, пытаясь упорядочить встревоженную скачку мыслей.

Новиков безучастно лежал неподалеку, закинув руки за голову и закрыв глаза. Он и двух слов не произнес за истекшие сутки.

Резницкий встал и подошел к нему.

— Вот что, Алексей. — Он пытался говорить бодро. — Надо идти в Центр.

— Не пойду. — Новиков даже глаз не раскрыл.

— Нет пойдете. Вы, кибернетист! Противно на вас смотреть. Спасовали перед простой электронной машиной!

— Уйдите.

— Сейчас же вставайте! — крикнул Сергей Сергеевич, и голос его дал петуха на высокой ноте. — Я не верю, что нельзя справиться с этой проклятой машиной. Мы — люди!

— Мы — люди! — откликнулось четкое эхо.

Тишина...

Резницкий напряженно размышлял, стоя над Новиковым: «Схватить его под мышки и рывком поднять... Нет, он сильнее меня. Да и нельзя так... Нельзя... Мы люди, вот именно. Надо его убедить...»

Тут его внимание отвлекло какое-то движение в роше. Между деревьями летели роботы, все в одном направлении, их полет сопровождался долгим свистящим звуком. Серые существа поплелись вслед за роботами. Они шли гурьбой, тяжело и медленно передвигая ноги-тумбы, и Севастьян тоже направился в ту сторону.

— Алеша, — сказал Резницкий, — что-то происходит. Идиоты уходят. Пойдемте посмотрим, в чем дело. Я очень прошу.

Новиков открыл глаза. Приподнялся на локтях. Да, творится что-то необычное. Он молча встал, откинул нечесаные волосы со лба.

«Как у него запали щеки, — подумал Резницкий, — и под глазами круги... Да и я, наверное, выгляжу не лучше...».

Разведчики пошли за стадом серых существ, и Резницкий пытался на ходу подсчитать число обитателей райской роши.

Через три четверти часа они, обогнув рыжий холм, вышли к каменистому обрыву. Здесь, под обрывом, простиралась ровная площадка, разведчики уже видели ее во время первого обхода зоны, тогда она не показав

лась им примечательной. Теперь по площадке прохаживались, ковыляя на манипуляторах, штук восемь роботов. Серые существа расположились на краю обрыва, и разведчики тоже сели — рядом с Севастьяном. Судя по всему, предстояло какое-то развлечение. Центр выполнял свою программу.

— Гляньте-ка, — Резницкий показал на склон холма, замыкавший площадку с противоположной стороны.

В склоне чернела дыра — не второй ли вход в тот самый туннель, куда роботы загнали зверей и вездеход?..

Это предположение вскоре подтвердилось. Роботы выстроились в две шеренги возле туннеля, ни дать ни взять, как служители в цирке, и тут из туннеля на площадку полезло зверье. Опираясь на толстые конические хвосты, динозавры медленно разбрелись по площадке. Маленькие головы беспокойно крутились на длинных шеях, — не головы, а сплошные многозубые пасти.

— Здорово! — восхитился Резницкий. — Выдерживали ящеров в туннеле, чтобы они изголодались, а теперь устроят бойню! На потеху райским жителям...

Он застрекотал кинокамерой.

У входа в туннель произошла заминка. Целая стая ракеток слетелась туда. И вот, окруженный роботами, из туннеля выполз вездеход. Он зарывался неподвижными траками гусениц в песок, он как бы сопротивлялся, бронированный упрямец, и было похоже, что роботам приходилось нелегко. Они оставили вездеход метрах в трех от туннеля, а сами отошли в сторонку и замерли, будто отдыхая и перекуривая.

— Он, вроде бы, в порядке, — сказал Резницкий, любовно глядя на вездеход. — А что, если мы спрыгнем вниз и заберемся в него? И на большой скорости, а, Алеша?..

— Смотрите! — Новиков подался вперед.

Один из роботов вышел на арену и остановился между двумя динозаврами. Он замешкался, решетчатая лопасть ракетки повернулась налево, направо... Затем робот направился к тому динозавру, что сидел слева. Животное попятилось, оскалило жуткую пасть. Робот подошел к нему вплотную и вдруг выбросил вперед руку-манипулятор. Динозавр повалился на бок. Несколько судорожных ударов хвостом по песку — и все было кончено.

Подлетело еще несколько роботов, они быстро разрезали огромную тушу на куски. Затем все роботы покинули арену, замерли у входа в туннель.

Стрекотала короткими очередями кинокамера Резницкого.

Динозавры зашевелились, их шеи тянулись туда, где в коричневой луже крови лежали куски мяса. Сосед растерзанного зверя, бороздя тяжелым хвостом песок и вертя головой, подошел и начал торопливо жрать, придерживая мясо короткими передними лапами. Тогда и другие звери поспешили принять участие в кровавом пиршестве. Те, кто опоздал, стали выхватывать куски у жующих, — и произошло неизбежное.

— Ну и ну! — выдохнул Новиков, глядя, как голодные чудовища молча рвали и пожирали друг друга. — Ликует буйный Рим...

— Взгляните на Севастьяна,—прошептал Резницкий.

Севастьян казался необычно оживленным. Глазки его так и бегали, серые щеки вздувались и опадали, будто он полоскал рот, подрагивали коротышки-руки. Он тихонько верещал — ему очень нравилось зрелище. Прочие идиоты тоже повизгивали от восторга.

Новиков решительно поднялся.

— Хватит с меня острых ощущений. Пойдемте сюда.

— А вездеход? — спросил Резницкий. — Может быть, попробуем...

— Какой там вездеход! — Новиков схватил биофизика за руку и потащил прочь. — Вы видели, как робот остановился между двумя динозаврами? Он не знал, какого зверя выбрать.

— Ну и что? — Резницкий посмотрел на бледное возбужденное лицо Новикова. — Он остановился, потому что его счетно-решающее устройство выбирало: до какого зверя ближе, какой зверь крупнее, тут каждый миллиметр играет роль. Он ожидал, пока...

— Вот именно — ожидал! — вскричал Новиков. — Математическое ожидание! Ну, а если бы робот оказался идеально посередине? А если бы оба зверя оказались идеально одинаковы? Что тогда?

— Вы хотите сказать...

— Да! Да! Вспомните задачу Буридана!

ЗАДАЧА БУРИДАНА

В далеком XIV веке французский философ-схоласт Иоанн Буридан, ректор Парижского университета, сформулировал философское положение, известное под названием «Буриданов осел». Задача проста: голодный осел стоит между двумя одинаковыми копнами сена — стоит точно посередине. Так вот: из какой копны он начнет есть? Если осел будет мыслить логично, он неизбежно погибнет от голода, так как не сможет выбрать. Это очень трудная штука — выбор из двух равных. Если бы хоть маленькая разница...

Осел останется живым только потому, что он живое существо, а, следовательно, способен на нелогичные поступки. Вопреки логике он жрет сено из одной копны, хотя она ничем не лучше другой. Конечно, перед тем как осуществить выбор, осел испытает некоторое колебание.

Но эта электронно-вычислительная машина умела принимать только логические решения...

Новиков снова был полон энергии.

— Помните, там двенадцать башенок? Двенадцать аварийных систем усиления защитного поля. — Он понизил голос. — Давайте заставим Центр выбрать одну из них, понимаете?

— Да, но Центр не принимает никаких задач...

— Он не принимает извне задач, связанных с ослаблением защиты — это так. Но мы ему подкинем другую задачку... Хор-рошую задачку, дорогой Сергей Сергееч. Надо только сформулировать...

И вскоре задача была сформулирована по всем правилам формальной логики — науки средневековых схоластов, воскрешенной в новом качестве кибернетикой. На зону надвигается некая Опасность. Чтобы предотвратить ее, Центру необходимо включить одну из двенадцати аварийных систем. Срок приближения Опасности равен сроку выбора одной из систем. Вот и все.

Новиков разложил на траве таблицы и, закусив губу, принялся переводить задачу на язык программирования. Он аккуратно разметил, а потом проколол на бланке перфокарты группы отверстий. Он не спешил, но пальцы его слегка вздрагивали.

— Так. — Новиков полюбовался своей работой и еще раз проверил, все ли правильно сделано. — Так. Пусть

попробует не принять! Не имеет права не принять: его основная программа требует защиты от опасности. Ну что, пойдём?

Когда они забрались в башню, на них уставился зеленый глаз, словно вопрошая: зачем пришли? Что вам надо?..

Новиков, не мешкая, вложил в приемное устройство перфокарту. Навалилось знакомое ощущение сонливости, отяжелели руки и ноги. Разведчики смотрели на щель, поглотившую перфокарту. Сколько уже — целая минута прошла... Минута прошла, а машина не выплевывает задачу... Только бы не свалиться, ужасно хочется лечь... Еще минута...

Новиков усилием воли стряхивает с себя сонное ощущение.

— Скушала? — говорит он тихонько и улыбается Резницкому. — Кушай на здоровье, — говорит он и хлопает Резницкого по плечу.

Они выбираются из башни и проходят под купол, где размещена исполнительная часть Центра. Они видят, как линии рисованных схем меняют цвета — все быстрее и быстрее.

— Давай, давай, работай, — весело говорит Новиков. — Работай, Буриданов ишачок!

Собственно, задача очень проста. Анализаторам не нужно определять свойств Опасности и искать способа ее предотвращения, так как вместе с информацией о наличии Опасности поступила программа готового решения: включить одну из аварийных систем. Обычно эти системы включались все одновременно — на случай, если какая-нибудь из них не сработает. Но программа предписала включить только одну. Какую? Безразлично, они же все одинаковы. А все-таки какую? Задача для малого ребенка: ткни пальцем в любую башенку — и вся недолга. Но для мощного электронного мозга такая задача — формула невозможного. Ведь логичного решения нет...

Машина напряженно работала. Вспучивались разноцветными огоньками рисованные схемы. Панель за панелью, блок за блоком включались в решение задачи: какую из двенадцати выбрать? До сих пор машина «знала» только два случая: включать все башенки — или ни одной. Да или нет. Наличие импульса во всех двенадца-

ти системах, или его отсутствие. Единица или ноль на двоичном языке программы. Но одну из двенадцати...

Определила ли машина, что решение лежит вне логики? Может быть. Но отказаться от работы машина не могла: не позволял сигнал Опасности.

— Нам тут больше делать нечего, — сказал Новиков.

Разведчики переплыли ров и возвратились в рощу.

Надвигался вечер, светло-зеленое небо быстро темнело, его, как гигантскую перфокарту, прокололи первые звезды.

Резницкий лежал на спине и отыскивал среди звездной россыпи маленькую звездочку на периферии Галактики. Звездочку под милым сердцу названием — Солнце. Вот она! Над самым горизонтом... А вокруг нее, невидимый отсюда, мчится в черной бездне голубой шар Земли. Чудесная зеленая планета! Ее населяют разумные и веселые люди, способные не только на логичные, но и на нелогичные поступки, способные пожертвовать жизнью ради общего блага, во имя Знания. Они не нуждаются в искусственном колпаке. Они дружат с животными, и ласковые собаки, закрутив бубликом рудиментарные хвосты, дожидаются у калиток своих обожаемых владельцев. Там, к величайшему счастью для человечества, большинство не дало меньшинству поработить себя и заменить покорными роботами. Там машины разумно служат людям, а не властвуют над ними...

— Сергей Сергеич, — негромко окликнул его Новиков. — Я очень хочу, чтобы вы... Ну, забудьте о моем вчерашнем...

Резницкий не дал ему договорить.

— Конечно, Алеша. Уже забыл, — быстро ответил он. И, помолчав, добавил: — Надо пойти к вездеходу.

— Подождем немного. — Новиков принялся ходить взад и вперед, размышляя вслух: — Решить задачу Центр не может. Отказаться от нее — тоже не может. Значит, он будет наращивать мощность мышления за счет резервов. Это логично... Энергетическая база у него огромная — но не безграничная. Новые мощности он вводит по гигантски-нарастающей, значит — скоро резервы иссякнут. И тогда... Что ж, другого выхода у него нет: он начнет подключать энергию с других участков. Да, только так...

— А вдруг питание защитного поля — неприкосновенно? — спросил Резницкий.

— Насколько я понял схему, неприкосновенен только источник мощности, предназначенный для синтезаторов пищи.

— А если машина перестроится на нелогичные решения?

— Тогда она победит нас. Но вряд ли. Она способна к самосовершенствованию, но она просто «не знает», что есть на свете нелогичные решения. Это в нее не заложено. Это ей не нужно, Сергей Сергеевич. Пойдемте ужинать.

Кормушки исправно выдали им по желтому диску. Вообще, ничего пока не переменялось. Светился ночной воздух, пролетели по своим делам роботы. Обитатели рощи укладывались спать на мягкую траву, незнакомую с утренней росой. Но машина, оберегающая их никчемное существование, работала на полную мощность, решая формулу невозможного, работала, чтобы уберечь эти жалкие существа от выдуманной опасности, и тем самым приближая Опасность подлинную... Разведчики пошли к границе защитного поля. Невидимая стена оказалась на месте.

— Давайте поспим, — предложил Резницкий. — Видно, еще не скоро.

— Ну что ж, — согласился Новиков.

Но сон не шел. Сомнения снова начали одолевать разведчиков. Резницкий, чтобы отвлечься от беспокойных мыслей, раскрыл блокнот, стал приводить в порядок записи. Новиков ворочался с боку на бок, поглядывая на часы.

— Сергей Сергеич, — позвал он вдруг. — Вы не замечаете? По-моему, стало прохладней.

— Н-не замечаю.

— Значит, показалось...

Резницкий снова углубился в записи. «Какой у них цикл дыхания во время сна, — подумал он. — Надо, пожалуй, уточнить». Он встал и направился к ближайшему обитателю рощи. Что это? Серые существа, оказывается, не спали. Они, жалобно повизгивая, собрались в кучки, жались друг к другу. А ведь верно, заметно похолодало...

— Алеша! — крикнул Резницкий. — Вставайте! Климатическая установка не работает!

Радостно взволнованные, разведчики побежали к защитной зоне. Стена была на месте. Они пошли вдоль стены и наткнулись на странное зрелище. Возле ремонтной мастерской вповалку лежали несколько роботов, а один повис на турникете, преграждавшем вход. Значит, и мастерская отключена!

Они возвратились в рошу.

— Теперь у них жизнь пойдет похуже, — сказал Новиков. — Без нянек придется пожить.

— Мне их жаль, Алеша, — признался Резницкий.

— А мне ничуть. Пища для них гарантирована, а в остальном — ну что ж, надо когда-нибудь перестать быть идиотами.

— Они же не виноваты...

— Посмотрите-ка на этого деятеля.

Один из идиотов стоял у дерева с крупными широкими листьями и пытался спрятаться от прохлады под лист. Но лист рос слишком высоко. Тогда он потянул лист к себе.

— Видите? Хочет оторвать. Ничего-ничего, дело пойдет. Просто они ужасно обленились, а теперь придется поработать. Ба, да это Севастьян!

Резницкий огляделся и подобрал с земли острый камень. Затем он подошел к Севастьяну и стал рубить камнем толстый стебель листа. Оторвал лист, протянул камень Севастьяну...

Тут внезапно погас свет, непроглядная тьма поглотила райскую рошу.

Резницкий взвыл не своим голосом.

— Сергей Сергеич! — Новиков извлек из кармана фонарик и кинулся к биофизику. — Эй, где вы?

Лучик света выхватил из тьмы фигуру Резницкого, приплясывающего на одной ноге.

— Что с вами? — удивленно спросил Новиков.

— Он наступил мне на ногу... Ничего, уже легче...

Томительно тянулась эта ночь. Центр бросил всю энергию на решение задачи древнего француза, сигнал Опасности не позволял ему остановить работу. Но защитное поле зоны все еще не было снято.

Утро застало разведчиков у невидимой стены. Бледные от волнения и бессоницы, они то и дело пробовали

выйти из зоны, и гнетущая сила тяжести отбрасывала их назад, и тревога камнем лежала на сердце.

— Пошли к вездеходу, свяжемся с кораблем, — сказал Резницкий.

Новиков не ответил. В тысячный раз он, протянув руки вперед, вошел в защитное поле. Тяжесть заставила его пригнуться. Он хотел было отступить, но вдруг почувствовал, что нагрузка ослабевает. Шагнул вперед — ничего... Еще шаг, еще...

— Ур-ра! — заорал Новиков и, вскинув руки, побежал сквозь защитную зону, которой больше не существовало.

Вертолет был готов к полету. Прошин озабоченно возился у автопилота, настраивая его на курс. Хорошо еще, что он успел запеленговать место, откуда разведчики вызывали его в последний раз. Сейчас он, Прошин, полетит туда и посмотрит сам, что можно сделать...

Он высунулся из люка и помахал рукой оставшимся членам экипажа. Те тоже помахали ему руками. Лица у них были встревоженные, никто не улыбнулся.

Прошин захлопнул люк и включил двигатель.

Вертолет плавно взмыл.

Двое быстро шли по склону рыжего холма.

— Минуточку, Алеша, — сказал Резницкий и полез наверх.

С вершины холма он оглядел фиолетовую рощу. Утренний ветерок колыхал ветви деревьев, среди которых бродили серые существа. Отсюда, с холма, они казались особенно маленькими и беззащитными.

Новиков тронул Сергея Сергеевича за локоть.

— Будет вам.

— Они вымрут, Алеша.

— Приспособятся. Планета, в общем, теплая, они привыкнут. Ну, конечно, те, кто послабее, погибнут. А за этого парня, Севастьяна, я спокоен. Накидал на себя листьев и ничего, не замерз. Он и шалаш сделает. Голова у него варит.

— Да, — сказал Резницкий. — Севастьян не дурак.

— Ну, вот видите... Придется им второй раз пройти путь эволюции. Вначале поможет инстинкт самосохранения, а там и мышление появится... Надеюсь, когда их потомки дойдут до кибернетики, они поосторожнее будут с ней обращаться.

— До кибернетики им еще — ох, как далеко... — Резницкий печально улыбнулся.

— Мы еще вернемся сюда, Сергей Сергеевич. А если не мы, то другие прилетят.

Разведчики стали спускаться к площадке, на которой стоял вездеход. Вдруг они разом остановились. С неба донесся ровный гул, он нарастал, нарастал... Разведчики кинулись обратно на вершину холма. Они прыгали, кричали и размахивали руками. Вертолет сделал над ними круг и пошел на снижение.

ЭМИН МАХМУДОВ

ЛЕКАРСТВО ИЗ ОБЛАКА

Дядя Фаррух большой шутник. К шуткам его у нас в селе привыкли и не удивляются. А ведь должность у него ответственная — провизор, и возраст солидный. Я еще был ребенком, а он уже колдовал в маленькой комнате аптеки: что-то смешивал, кипятил, разливал в пузырьки...

Друзья ему говорили:

— Бросай работу, переходи на пенсию. Будешь сидеть в саду, дышать свежим воздухом. За четыре десятка лет ты так пропах лекарствами...

— Что меня можно нюхать вместо нашатырного спирта? — перебивал старик. — Пойми, дорогой: рецепты оберегают меня, как кочерыжку капустные листья. И потом: кто уходит от счастья? Самый богатый человек берет лекарство, которое дают ему в аптеке. А я — сам хозяин, выбираю, что хочу.

Весной и летом настроение у дяди Фарруха хорошее — дел мало. Он открывает дверь аптеки настежь, а сам устраивается поблизости, в тени красавицы-чинары. Негромко напевает свои любимые песни. Слушает, как монотонно верещат сверчки. Слушает и дремлет...

Но первые осенние тучи, — и он на ногах.

— Скоро придет ко мне столько больных, что некогда будет причесать свою лысую голову, — говорит он. — Наверное, у всех здесь такие длинные носы, что задевают за облака и подхватывают насморк. — Ворчит и работает: лекарства от гриппа раскладывает на отдельной витрине, под стеклом.

Предсказания его всегда сбываются. Но старики не перестают удивляться: «Этот Фаррух... Настоящий ку-десник!».

Дядя с удовольствием приглаживает редкие волосы, незаметно усмехается:

— Эх, друг, что удивительного, — с притворной скромностью вздыхает он. — Я здесь состарился, каждый нос знаю. И опять-таки: сколько раз предупреждал — и жену твоего сына тоже — чтоб осенью детям не разрешали бегать босиком. Говорю, а какой толк!!.. Кому говорю — никто не слушает! Смеешься? Думаешь, ребенку полезно босиком — будет здоровым? А я говорю, осенний дождь не похож на летний. Осень приносит хандру и болезнь. Кому говорю... Людей нашего села не убедишь, люди упрямые...

Но на этот раз произошло недоразумение. Босиком ходил я, а гриппом почему-то заболел отец. Вызвали врача. Тот, конечно, выписал рецепт. «Примите микстуру, — сказал он успокаивающе, — и через два-три дня будете здоровы».

Надевать ботинки было долго и скучно — тем более, что по крышам весело вызванивал дождь. Я схватил рецепт и помчался.

Старый провизор, сидя у окна, читал газету. Он так увлекся, что не заметил моего прихода. Позвать его я не решился, со страхом наблюдая, как на полу от моих ног расплываются серые пятна.

— А, все ясно, грипп, — сказал он вдруг. — Сколько раз я предупреждал, что если будешь ходить босиком... Я робко заметил, что болен не я, а отец.

— Отец? Гм-м... Странно... Впрочем, в этом селении все только и делают, что назло новейшим данным медицины ходят босиком.

Я осторожно намекнул, что мой отец ходит в ботинках.

— Но ты-то, его сын, ходишь босиком? — дядя Фарух победно посмотрел на меня. Спорить против этого было невозможно, и я промолчал. Моя сдержанность понравилась провизору.

— А ну-ка, милый, дай рецепт. Посмотрим, что новенького придумали врачи..., — бормотал он добродушно. — Так... так... Значит, так! — повторил он совсем другим тоном и глубоко задумался.

— Простите, пожалуйста, — я начал волноваться. — Когда будет готово мое лекарство?

Кажется он меня не слышал. Бормоча что-то под нос,

он подошел к потускневшему окну, широко распахнул створки. Показал на небо (небо было серое, но дождь прошел), сказал тихо:

— Сынок! Вот откуда ты должен ждать помощи...

Я понял и побледнел. Вот почему доктор так долго выстукивал отца! А два-три дня? Конечно, он хотел успокоить... Да и что можно сказать, когда остается одна надежда — на небо...

Кажется, дядя Фаррух заметил мой ужас. Он подошел, погладил мои волосы (никогда он раньше этого не делал, и мне стало еще страшнее).

— Не волнуйся, малыш! Болезнь твоего отца неопасна. Но, конечно, нужно лекарство. Совсем несложное. Врач выписал ему однопроцентный раствор хлористого кальция. Мы получаем его вполне достаточно. Однако вчера, будто назло, оно кончилось. И теперь я должен съездить в район, привезти.

Если он думал, что меня успокоил, то напрасно. Из всех его объяснений я понял одно: отцу необходимо лекарство, и этого лекарства нет! К чему это приведет — страшно было даже подумать...

— Сейчас я поеду, — с ужасающим спокойствием продолжал старый провизор. — А пока... пока я могу посоветовать только одно. Собери в тазик три литра дождевой воды. Кипяти до тех пор, пока останется стакан. Потом... потом обязательно процеди воду через несколько слоев марли... Ну, и дай отцу выпить. Ты взрослый мальчик, все сделаешь как полагается. Я верю: твоему отцу небо поможет!

Мне, пионеру, не полагалось надеяться на небо. Но я растерялся: отец тяжело болен, врач ушел, старый провизор, которому все у нас верили, показывает на небо... Вернувшись домой, я незаметно взял чистый эмалированный тазик, еще раз вымыл его и поставил во дворе. Если бы в этот момент мама или сестренка спросили меня, что я делаю, я бы, наверное, сгорел от стыда. Но все были заняты отцом, мне никто не мешал.

Я с надеждой смотрел на небо. Оно по-прежнему было серым, однако, дождя не предвиделось. В полдень задул ветер. С севера двигались тучи. Одна, особенно низкая, мутно-свинцовая от воды, задержалась над нашим селом. «Ну же... Ну, пожалуйста», — шептал я. Но туча стояла и медленно двинулась дальше, в сторону гор.

И тут... тут я увидел самолеты. Их было всего два — не такая уж редкость для меня, который на параде в Баку видел целые стаи самолетов. Однако эти вели себя странно: они бросались на тучу, исчезали, снова ныряли...

«Тук... Тук...» — редкие крупные капли дождя били по дороге, поднимая узкие фонтанчики пыли. Еще и еще... Дождь стал чаще, стремительнее. Наконец, превратился в настоящий ливень. Лужи разрастались, кипели, как вода в кастрюле на горячей плите...

Прыгая от радости, я помчался к калитке и спрятался под навесом. Сюда же в панике прибежали куры с цыплятами. Мокрые, они сердито хлопали крыльями и досадливо шурились на меня: «Подглядывает, а потом будет дразнить сестру: «Эх ты, мокрая курица!...»

Высунувшись из-под навеса, я с удовольствием ловил ртом крупные капли. Странно, дождь был как-будто солоноватым... Впрочем, мне было не до него. Тазик во дворе наполнялся водой, и сердце мое наполнялось радостью.

Нужно было все приготовить. Я сбегал домой, нашел литровую бутылку, воронку. Труднее всего оказалось достать марлю: марля лежала в комод, а комод стоял в комнате отца. Пришлось ждать, пока мама выйдет в кухню... В общем, все это затянулось, наверное, на час.

Наконец, я выскочил во двор и замер. Туч нет и в помине, небо, насколько хватал глаз, чистое-чистое. Горячие солнечные зайчики прыгают в лужах...

Но не это потрясло меня. Посреди двора, прямо над тазом, стояла пегая корова и лениво облизывала губы. Я кинулся к ней! Таз был пуст. Проклятое животное выпило нашу последнюю надежду до дна...

И снова я услышал шум мотора. Только шел он теперь не с неба, а с улицы. Я выглянул. Прямо у нашей калитки стояла легковая машина сельской больницы. Из окошка выглянул дядя Фаррух и, заметив меня, крикнул:

— Ну-ка сынок, быстро! Неси рецепт, я приготовлю лекарство.

Лекарство помогло, скоро отец был совершенно здоров. У нас дома все успокоилось. Все, кроме меня. Дядя Фаррух, я знал, не верил в бога. Зачем же он послал меня собирать воду? Хотел успокоить? Или в этот страшный момент у него осталась одна надежда — на аллаха?..

Дядя Фаррух выслушал меня внимательно. Не отвечая, полез в стол, достал газету.

— Узнаешь? — он хитро прищурился.

— Н... нет, — растеряно сказал я.

— Газета, которую я читал в тот самый день, — торжественно провозгласил старый провизор.

— А-а-а, — вежливо протянул я, хотя ничего не понимал.

— Неясно? — дядя Фаррух подмигнул. — А ведь так просто. В статье — видишь, отчеркнуто красным — говорится, что сегодня (то есть в тот день) над селом пройдет искусственный экспериментальный дождь. Ну, опыт такой, понимаешь?

— Понимаю, — неуверенно подтвердил я.

— Слушай дальше. Самолеты, летая над облаками, распыляли раствор соли — хлористого кальция. А хлористый кальций, как известно, вызывает охлаждение. Водяная пыль уже не может держаться в воздухе, собирается в капли — именно так начинается дождь... Ясно? Он спрятал газету.

Тут я уже не мог молчать.

— Ах, дядя Фаррух, это замечательно! Дождь несет радость садам, полям и лугам. Но при чем тут болезнь моего...

— Имей терпение. У меня голова на плечах, я в здравом уме. Искусственный дождь несет в себе частицы хлористого кальция. А ведь это и есть лекарство! Наблюдательный человек, как видишь, умеет извлечь пользу даже из неба. Если, конечно, он думает, а не бежит целыми днями по улицам босиком... Впрочем, зачем я это тебе говорю? — он ласково подмигнул мне. — Ты теперь взрослый и все понимаешь лучше старого дяди Фарруха...

Прошло уже несколько месяцев с того дня. Газету он мне не дал, так что я не знаю: говорил он серьезно или, как всегда, шутил. Спрашивать, вы понимаете, неудобно. Мне кажется, он был прав. По крайней мере наша пегая корова раньше покашливала, а теперь чувствует себя превосходно.

Я — тоже. Хотя, скажу по секрету, мечта осталась. Если старый провизор шутил, если ничего такого пока нет, я сам это сделаю: приготовлю из облака лекарство.

ФЕНОМЕН

Ей не было восемнадцати лет, когда она появилась у нас в редакции. Это была смуглая девушка среднего роста — самая обыкновенная.

Я хорошо помню, как она вошла и, окинув меня беглым взглядом, застенчиво спросила:

— Вы будете здесь секретарь?

— Да, я.

— Я прочла объявление в газете. Кажется, вам нужна машинистка?

Прежде, чем ответить, я оглядел ее. Новое, но старомодное платье. Короткие косы, небрежно заброшенные за спину. Опускает глаза, стараясь избежать моего взгляда. Словом, — типичная девушка из райцентра, недавно попавшая в большой город. Выйдет ли из нее редакционная машинистка — быстрая, грамотная, понятливая? Сознаюсь, первое впечатление было не в ее пользу.

— Вы работали раньше где-нибудь?

Она несмело ответила:

— Всего несколько месяцев... Я окончила курсы машинописи, работала в редакции... в нашей районной газете. Потом заболела, меня перевезли сюда. Здесь я теперь и живу, учусь в вечернем отделении университета, на биологическом...

Она разговорилась, и это мне понравилось. Я попросил заведующего отделом информации Мамедхана провести девушку для пробы в машинбюро и продиктовать ей пару страничек.

По правде говоря, я даже не спросил ее имени. Я

был уверен, что Мамедхан, покачивая головой, объявит недовольным тоном: «Она даже расположения букв не знает. Пусть поступает куда угодно, лишь бы не к нам».

Но оказалось, что Наргиз, как ее звали, прекрасная машинистка. Она работала десятью пальцами, слетым способом, — не глядя на клавиши.

Вскоре эта внешне неприметная девушка стала полноправным членом редакционного коллектива и завоевала всеобщее уважение. В этом немалую роль играла ее замечательная память.

Иногда, не отрывая пальцев от клавиш, она говорила диктовавшему сотруднику:

— Четыре дня назад вы употребили эту же фразу в передовой статье. Лучше бы немного изменить.

Или, печатая письмо внештатного корреспондента, замечала:

— Такую же информацию мы публиковали на прошлой неделе за подписью «Зоркий». Об одном и том же писали двое.

Она никогда не ошибалась. У этой девушки из райцентра была феноменальная память. Стоило прочесть при ней целую поэму, как она запоминала ее навсегда.

И ученье давалось ей легко. Когда Наргиз появилась у нас, она плохо говорила по-русски. А теперь она не боялась даже латыни. Честное слово, я видел сам, как она, в ожидании материала, читала в подлиннике «О природе вещей» Лукреция и улыбалась от удовольствия.

Она не вела конспектов и не делала выписок — при ее памяти в этом не было нужды.

Скажу прямо: нас, газетчиков, не удивишь хорошей памятью: специфика, сами понимаете. Но память этой девушки далеко выходила за рамки понимания.

И еще скажу: я не был бы газетчиком, если бы оставил это без внимания. Я решил во что бы то ни стало понять: что это, необыкновенная одаренность от природы, или результат тренировки...

Я знал, что есть несколько видов памяти. Сильнейшая форма — двигательная или моторная память. Человек не может, например, разучиться плавать или ездить на велосипеде. Не может — и все.

Есть память эмоциональная, есть образная, сохраняющая звуковые, зрительные и тому подобные ощущения. А главная форма памяти у людей — словесно-логиче-

ская. Она и была особенно развита у Наргиз — об остальных формах я не мог судить.

Я достал книгу Занкова — «Проблема памяти в свете учения И. П. Павлова». Я расспрашивал стариков-бакинцев, помнивших, как в двадцатых годах наш земляк, математик Шишкин вызвал на соревнование знаменитого Араго, и на цирковой арене произошло невиданное и неповторенное до сих пор состязание — решение в уме биквадратных уравнений с подстановкой четырехзначных чисел. Но мне кажется, что если бы эта девушка из райцентра захотела популярности...

Но популярность ее не интересовала. А я не успел исследовать способности Наргиз: одно событие опередило меня.

Стояла поздняя осень. Я был дома — отдыхал перед вечерней сдачей в типографию. Свиристый бакинский норд-ост завывал во дворе, жалобно шумели обнаженные ветви деревьев. Слушая пение чайника на газовой плите, я задремал, но телефонный звонок заставил меня очнуться.

— Извините, пожалуйста, — сказал незнакомый мужской голос. — С вами говорит главврач «скорой помощи». У вас в редакции работает Азад Самедов?

— Да, да, — поспешно ответил я. — Это наш курьер. А что случилось?

— Не волнуйтесь, товарищ Рзаев, — продолжал врач. — Ваш курьер совершил настоящий подвиг. Он вынес двух детей из горящего дома. Ожоги у него легкие, через два дня он будет на работе. Но, — врач немного замялся, — понимаете, у него сгорел пиджак.

— Пиджак? — мне показалось, что я ослышался, врач явно не договаривал чего-то. — Черт с ним, с пиджаком, скажите, что случилось с Азадом?

— Ничего опасного, товарищ Рзаев, я же сказал. Но он просит передать, что в кармане пиджака были какие-то газетные материалы.

— Как, как?

Вместо ответа — противные гудки отбоя. Врач, видимо, не хотел входить в детали.

Только что я завидовал героизму Азада, мысленно готовя заметку, — уж такие мы люди, газетчики. Но последнее сообщение затмило все. Ведь через час я должен быть в типографии, чтобы пропустить эти материалы.

Погибла целая полоса, простите, по-вашему — страница. А редактор — в отпуску. А я отвечаю за все. А газета не может запоздать, пусть хоть землетрясение...

Механически я набрал номер редакции. Я услышал знакомый голос Наргиз. Она сидит и учит какую-то гистологию. Больше никого нет — и не могло быть: уже восьмой час вечера.

Я рассказал ей все. В противоположность мне, она была совершенно спокойна — как будто ничего особенного не произошло.

— А что Азад нес в типографию? — спросила она. — Материалы третьей полосы? Я постараюсь сделать все, что в моих силах, а вы попробуйте собрать всех, кто готовил материалы...

Я забыл поблагодарить ее. Я обзвонил полгорода — конечно, все расползлись в разные концы. Потом я объехал полгорода, но я нашел всех: мы, газетчики, такие люди. Одного я нашел в кино, другого — на вокзале, третьего... впрочем, это его дело.

Все закончилось лучше, чем я предполагал. Когда я наконец попал в редакцию, все было уже заново отпечатано на машинке. Статья профессора Кудратли — «Новые методы радиоактивного лечения», очерк Мамедхана «На морских буровых», международное обозрение, два стихотворения, три читательских письма...

Из типографии уже звонили раза три. Поспешно собрав материалы в папку, я кинулся к выходу.

У дверей меня остановил Мамедхан.

— На пару слов, товарищ Рзаев.

— Завтра, Мамедхан, газета опаздывает!

Все закончилось благополучно. Газета вышла вовремя. А утром аккуратный Мамедхан сказал свою «пару слов»:

— Обязательно надо вынести Наргиз благодарность в приказе. Молодец она, выручила нас!

Я не стал возражать: Наргиз здорово помогла нам. Не считаясь с тем, что служебное время истекло, она...

— Дело не в служебном времени, — сказал Мамедхан. Все материалы она напечатала до нашего прихода. Когда мы собрались в редакции, все было готово, она дала нам на проверку.

— Так у нее оставались оригиналы?

— Нет, товарищ Рзаев. Оригиналы были заперты в

шкафах и столах. Она печатала «из головы». Ведь вам известна ее феноменальная память.

— Что, что? — Я швырнул связку ключей на стол. — Из головы? Хорошая память — это прекрасно! Но как можно доверить памяти девушки столько ответственных материалов?

Меня охватил ужас. Ведь вчера вечером Наргиз по памяти отпечатала больше двадцати гранок — по-вашему страниц, насыщенных цифрами, фамилиями, географическими названиями...

Схватившись за голову, я малодушно зажмурился. Мне страшно было представить третью полосу сегодняшней газеты. Перевернутые имена, цифры и термины злобно смеяться надо мной, упрекали...

Подняв голову, я встретил укоризненный взгляд Мамедхана.

— Не беспокойтесь, товарищ Рзаев, — уверенно сказал Мамедхан, — все проверено трижды. Ни одной ошибки.

Мне не терпелось увидеть Наргиз, но сначала я съездил в больницу навестить Азада. Парень был вне опасности. Узнав все подробности, я приготовил на завтра корреспонденцию о его героическом поступке и позвал к себе Наргиз.

Она вошла неторопливым шагом, тихо поздоровалась и застенчиво спросила:

— Что, разве была какая-нибудь ошибка?

— Нет, Наргиз. Ваша феноменальная память помогла нам. Если бы не вы, газета опоздала бы.

Я усадил ее против себя и начал прямо:

— Наргиз, я в жизни не встречал человека, который мог бы с такой точностью запомнить наизусть такое количество разнообразного материала. Это выше человеческих способностей. Поэтому мне интересно узнать: это у вас от рождения, или...

— Нет, товарищ Рзаев. От рождения у меня была хорошая, но самая обыкновенная память. А это... Это развилось у меня недавно. Этим я обязана врачам.

Я сразу, чутьем газетчика, понял, что «это» — новое достижение медицины.

И вот что мне рассказала Наргиз:

Это было в марте, когда в горном районе, где она жила, земля еще была покрыта белой скатертью снегов.

Днем таяло, а к ночи подмораживало, и грязь на дорогах, замерзая, делалась твердой, как булыжник.

Рано утром она шла на работу. В узкий переулок свернул тяжелый грузовик-лесовоз. Девушка бросилась в сторону, поскользнулась и упала, ударившись головой о заледеневшую мостовую, и потеряла сознание.

Наргиз очнулась в районной больнице. От страшной головной боли она еле смогла поднять отяжелевшие, как чугун, веки. Комната казалась наполненной туманом. Мелькали белые халаты врачей, лица она не различала.

Несколько дней она пролежала в полузабытии. Потом начала поправляться, но головные боли не прекращались. Оказалось, что девушка лишилась памяти. Все путалось у нее в голове, она не могла вспомнить даже свой день рождения.

Первые попытки лечения не увенчались успехом, и Наргиз перевезли из райцентра в Баку. Ее осмотрел доцент Искендеров — психиатр, занимавшийся восстановлением памяти.

Он терпеливо расспрашивал девушку, добиваясь от нее толковых ответов. Он оставил ей листок с маленьким стихотворением и просил к вечеру выучить его наизусть. Но когда он зашел к ней вечером и спросил про стихотворение, девушка удивленно сказала:

— Вы мне ничего не поручали.

Он вытащил из-под подушки листок со стихами — тогда девушка вспомнила про задание и заплакала от стыда.

На следующее утро Наргиз перенесли в другую комнату, где стоял высокий аппарат, сверкавший белой эмалью и никелем.

Молодой доцент усадил ее в кресло и взял за руку, будто приготовился следить за пульсом. На голову Наргиз надели нечто вроде шлема, от которого шли длинные, гибкие провода к аппарату. Задавая ей разные вопросы, Искендеров не сводил глаз с экрана катодно-лучевой трубки, по которому бегали зеленые зигзаги, с циферблатов измерительных приборов.

Прервав беседу, от отошел к пульту управления и повернул несколько рукояток. В ушах Наргиз раздался непонятный гул, в голове разлилось приятное ощущение тепла, как будто от невидимой печки. Вспыхивали кро-

шечные цветные лампочки на пульте, что-то не больно, скорее приятно покалывало в голове. И она заснула.

Проснувшись она на своей койке, освеженная сном. Голова больше не болела. Было хорошо и легко. Наргиз повернулась на другой бок и снова заснула.

Каждый день ей надевали шлем с проводами и после каждого сеанса она подолгу спала.

На третий день Искендеров дал ей на пробу стихотворение — она выучила его без затруднений. Память ее улучшалась с каждым днем.

Через три месяца Наргиз выписалась из клиники Искендерова с твердым намерением посвятить себя новым методам лечения заболеваний мозга — наиболее сложной и во многом загадочной части человеческого организма. Той же осенью она поступила в университет.

— А память у меня с тех пор, действительно, феноменальная, — сказала Наргиз, заканчивая рассказ. — Даже самой мне удивительно. Но пока я должна быть под наблюдением. Два раза в месяц я хожу к доценту Искендерову, он меня тщательно исследует и пока, кажется, очень доволен. Но только, товарищ Рзаев, прошу вас — эта история не для печати. Еще рано. Так сказал сам Искендеров.

Когда Наргиз вышла, я задумался. Если бы у нее после лечения память восстановилась в нормальных пределах, я сейчас же послал бы Мамедхана и фотографа к Искендерову, чтобы они приготовили хороший фотоочерк для газеты. Мамедхан из самого неразговорчивого человека вытянет все, что надо. А заглавие? «Лаборатория памяти»? Или — «Загадка мозга»? «Доцент Искендеров победил безумие»?

Но почему она — значит, и он — говорят «не для печати»? Значит, это было не обычное лечение, а эксперимент, может быть, опасный эксперимент? Может быть, Искендеров не уверен в том, что будет дальше? Ведь феноменальная память девушки с каждым днем откладывает в ее мозгу массу ненужных сведений. И настанет день, когда перегруженный мозг...

Я не мог оставить этого так. Адрес Искендерова я без труда нашел в телефонной книге.

Доцент Искендеров — молодой человек с живыми, веселыми глазами — усадил меня и, откинув со лба прядь непослушных волос, сказал:

— Понимаю ваше беспокойство и любопытство. Прежде всего я должен вас успокоить: память не может перегрузить мозг. По простой причине: жизнь человека для этого слишком коротка. Если Наргиз проживет сто лет, то, несмотря на феноменально острую память, ее мозг не исчерпает возможности получать и хранить информацию. Понимаете, физиологическая основа памяти — это образование систем временных связей в коре больших полушарий мозга, точнее — в сером веществе. Кора — это нечто вроде мозаики из перемежающихся групп нервных клеток — пунктов раздражения и торможения. И отбор нужной информации сводится к тому, что в нужных группах клеток идет раздражение, а во всех остальных — торможение. А у Наргиз были повреждены некоторые узлы торможения. Мне надо было восстановить их...

Я слушал его. Я узнал, что мозг потребляет в двадцать раз больше кислорода, чем мышцы. Что еще в прошлом веке начались опыты по воздействию электрическим током на кору мозга. Данилевский, Бехтерев, Миславский, нукленновая кислота, нуклеопротеиды, биотоки мозга — имена и факты сыпались на меня, как из рога изобилия.

Я узнал, что электроэнцефалография — способ измерения частоты колебаний токов, возбуждаемых головным мозгом, была создана Правдич-Немчинским, Кауфманом, Ливановым и еще многими на основании трудов Сеченова... А «Рефлексы головного мозга»! Я знал об этой книге, но, каюсь, не читал.

Искендеров рассказал, как применяют электрический наркоз для торможения коры полушарий мозга. Как лечат шизофреников короткими импульсами — электрошоком...

— Но Наргиз, доктор? — прервал я его. — Ведь у нее память-то ненормальная? Ведь это слишком...

— Не бойтесь за нее, — сказал, улынувшись, Искендеров. — Я применил к ней новый метод, воспользовался своим новым аппаратом. Расчет был такой: или она останется без памяти или серое вещество восстановит свои свойства. Конечно, я предварительно тщательно изучил все энцефалограммы ее мозговой деятельности, но... понимаете, мы еще мало знаем мозг. И вот, получилось...

— Однако, вы каждые две недели осматриваете ее. И не разрешаете публиковать...

— Не я один. Так постановил ученый совет. Дело в том, что наблюдения за деятельностью ее мозга дают нам ценнейший материал для того, чтобы... ну, как вам сказать проще? Ну, чтобы не только лечить людей с ослабленной памятью, но и... понимаете? А так как работа не закончена, то еще рано пускать ее в печать. Да мало ли для вас интересного, кроме этого. Вот, почитайте «Известия Академии Наук». Есть одна статейка: установили, что нуклеопротеиды мозга в условиях парамагнитного резонанса проявляют ферромагнитные свойства. Путь к познанию сущности памяти, не правда ли? Электрические заряды раздражения...

Я ничего не понял, но согласился. Я был ошеломлен перспективами, которые раскрыл передо мной Искендеров. Усиление памяти...

И в мою голову вкралась странная мысль: а что, если бы я оказался пациентом этого талантливого парня?

Впрочем, понимаете сами, еще рано. Все это — не для печати. Так сказал сам Искендеров.

ИСЧЕЗНОВЕНИЕ СТИВА БРАЙТА

Я не суеверен. Абсолютно не суеверен. И все-таки никакая сила не заставит меня назначить какое-нибудь важное дело на тринадцатое число или на понедельник.

Вечером тринадцатого, когда я с облегчением подумал, что день прошел, а ничего плохого не случилось, мне сказали, что какой-то человек хочет видеть меня.

Я был занят, чертовски занят, и сказал, что не хочу никого видеть. Особенно здесь в тренировочном зале. Я собрался добавить еще кое-что, благо в зале для бокса не бывает женщин, но в это время человек вошел в зал. Вошел, хотя я категорически приказал никого не пускать, когда тренируется Кид Мердок... Нечего посторонним соваться в такие дела! Я не намерен рисковать, когда до чемпионата мира осталось меньше трех месяцев.

— Выведи его, — сказал я Джиму, который работал у меня массажистом и которому я иногда поручаю еще кое-что.

У человека, очевидно, был тонкий слух.

— Не трудись, старина, — весело сказал он, идя мне навстречу, — ты что, не узнал Стива Брайта?..

Так это же Стив! Я сразу отогнал Джима. Последний раз я видел Стива пять лет назад — мы оба были студентами одного университета. Я играл в футбол за университетскую команду, а Стив учился. И здорово учился. Его прочили чуть ли не в академики. Я в этом деле плохо разбираюсь — в университете я занимался только футболом, пока не повредил ногу и не стал тренером по боксу, но все говорят, что Стив в науке был дока. Еще

в университете он придумывал разные мудреные штуковины, а после одной... Впрочем, я вам лучше расскажу.

Стив однажды объявил, что человеческое тело, с его высокоразвитой нервной системой, может, если в него внести небольшие изменения, принимать радиопередачи лучше любого радиоприемника. Он предложил внести эти «небольшие изменения» в мое тело (Стив всегда ко мне хорошо относился), но я наотрез отказался и, как потом выяснилось, правильно сделал.

Парень, который на это согласился — Стив приспособил ему в кость черепа какую-то металлическую штучку — стал действительно принимать все радиопередачи. Он дни и ночи слушал музыку, последние известия и всякое другое... Отдыха у него не было ни секунды. Где бы он ни находился, он слышал радио — изо дня в день. Наконец, парню это надоело. Он пришел к Стиву, но тот ничего не мог сделать. Парень продолжал слушать эти передачи даже после того, как вынули из кости металлическую штучку. Словом, через некоторое время парень пошел с воспалением мозга в больницу, а Стив на скамью подсудимых.

Теперь Стив стоял рядом со мной, как всегда тщательно выбритый и элегантный, и с любопытством смотрел на Кида, обрабатывающего мешок ударами, после которых противник на ринге обычно открывал глаза не раньше, чем через полчаса и с изумлением спрашивал: «Что здесь делает врач?»

— И это твоя темная лошадка? — спросил Стив.

Я сказал, что не такая уж темная. Я с гордостью рассказал Стиву, что Кид выбивал всех претендентов на звание чемпиона мира еще в первом раунде, что у него объем легких больше восьми тысяч, что после того, как через три месяца Кид выиграет финальный бой у Паттерона, он станет чемпионом мира, а я обладателем двух миллионов.

— Читал в газетах, — небрежно сказал Стив. — А если твой Кид проиграет?

Он умел задавать неприятные вопросы, этот Стив. Я не сказал ему, что потеряю все и стану нищим, — я просто промолчал.

— Все предыдущие бои — только увертюра. Паттерона твоему Киду не вышибить. Тот не таких выдывал. Кид для него еще сырой.

Стив как будто заглянул мне в душу. Я боялся этого боя с Паттероном. Кид начал тренироваться недавно; за короткое время он стал первоклассным бойцом, но этого было мало. Еще бы немного тренировок... Но до матча оставалось всего три месяца. Я вспомнил страшные свинги Паттерона и поежился.

— Зашел к тебе кое-что предложить, — сказал Стив.

Я насторожился. После того случая я всегда настораживаюсь, когда Стив что-нибудь предлагает.

— Я могу сделать так, что Кид выиграет бой.

В профессиональном боксе такое делается. Но я никогда не думал, что Стив станет спортивным «жучком».

— Сколько ты хочешь? — осторожно спросил я.

— Ни гроша, — засмеялся Стив. — Сколько часов в сутки ты спишь, старина?

Я же вам говорю, что он может спросить самое неожиданное. Я сказал, что восемь часов и что к боксу это не имеет никакого отношения.

— Посмотрим, — сказал Стив. — Выйдем. Здесь слишком шумно.

И вправду в зале стоял страшный шум. Зал был маловат для будущего чемпиона мира, — на большой не было денег. Я согласился со Стивом, что лучше пройти. Трудно разговаривать, когда рядом прыгает со скакалкой шестифутовый детина.

— Значит, ты говоришь — восемь часов, — сказал Стив, когда мы сели за столик в баре, что напротив моего бокс-зала. — И тебе это не кажется странным?

Я сказал, что нет, так же как и то, что я ежедневно ем и пью.

— Удивительно сильна в нас власть привычки, — задумчиво заметил Стив. — Никому не кажется странным, что человек спит. Человек, который создает ракеты, электронные машины и играет в покер, одну треть жизни проводит беспомощным, в бесчувственном состоянии. Лучшие годы своей молодости, когда он может с пользой для себя и других провести это время, и в старости, когда дорог каждый час. Спящий царь природы. Разве это не странно?

Я внимательно посмотрел на него. Нет, у сумасшедших такого аппетита не бывает — Стив доедал второй бифштекс. А впрочем... В университете он много занимался. Это бесследно не проходит.

— Нет, нет, — засмеялся Стив, — я не пьян и не сумасшедший. Сейчас попытаюсь растолковать тебе, что я придумал. Как бывший спортсмен и тренер, ты должен знать, что уставший человек нуждается в отдыхе. Формы отдыха самые различные: можно сидеть, лежать или нежиться в ванне. Но есть форма отдыха, которую нельзя заменить ничем, — сон. Несколько дней бессонницы, и человек умирает. Это оттого, что в процессе работы человеческого организма мозг, нервная система и мышцы выделяют ядовитые вещества, которые растворяются только во время сна... Впрочем, какого черта я тебе все это объясняю?

Я сказал, что если Стив полагает, что имеет дело с ослом, пусть убирается ко всем чертям.

— Не обижайся, старина, — ласково сказал Стив и улыбнулся. Когда он улыбается, я сразу перестаю на него злиться. — Просто я подумал, что деловая сторона, может быть, тебя интересует больше. Короче говоря, — торжественно сказал он, — я, Стивен Брайт, нашел средство, которое при введении в организм растворяет вещества, вызывающие сон. Я могу освободить человечество от рабства сна!

Я спросил Стива, какое это имеет отношение к боксу и почему он обратился ко мне, а не в бюро патентов.

— Умный вопрос, — сказал Стив. — Видишь ли, человек остается эгоистом даже во сне. Но к моему эгоизму примешивается чувство признательности. Я не забыл, как в университете ты заступился за меня, когда меня хотел избить этот Холливен. Два миллиона, которые ты получишь после чемпионата мира, оставишь себе — мне они не нужны. Ты говоришь — «обратись в бюро патентов», а кто гарантирует, что изобретение неизвестного, вдобавок недавно выпущенного из тюрьмы Брайта не выйдет в свет под чужим именем? На рекламу денег нет. Победа Кида будет и моей победой. Брайт станет знаменит. И тогда никто его не посмеет обжулить. Ведь ты, старина, не против, если узнают, как выиграл бой Кид. Опротестовать никто не имеет право — мое средство не допинг. А в своде законов ничего не сказано насчет количества сна спортсмена. Тебе же, моему, больше нужны деньги, чем слава.

— Может быть, это и так, но какое это имеет отношение к боксу? — снова спросил я.

— Чего же непонятного? — нетерпеливо сказал Стив. — Твой Кид будет принимать средство Брайта и перестанет спать. Он будет всегда бодр и свеж, как человек, который только что выспался. Тренироваться будет и днем и ночью.

— Мы можем угощать его твоим снадобьем и между раундами. Представляешь — боксер, выспавшийся между раундами? Он справится с двумя Паттеронами.

— Уловил? — весело сказал Стив. — А ты представляешь, что это даст мне? Я получу столько, что твои два миллиона покажутся дневной выручкой нищего.

— За что же? — спросил я.

— Он не понимает! — восхитился Стив. — Ведь будут решены все экономические проблемы. Люди, которые захотят, смогут работать круглые сутки. Устал — принял снадобье — «выспался», и снова ты работоспособен. Нет, даже мне трудно представить все возможности.

Когда я сказал, что сомневаюсь в этом снадобье, Стив даже обиделся. Он сказал, что кроме Кида это снадобье будут принимать он, я и массажист Джим. Стив уверил меня, что мои сомнения сразу исчезнут.

На следующий день Стив заявился с утра. Он притащил с собой клетку с белыми мышами и повесил ее в дальний угол зала.

-- Мыши будут снабжаться средством Брайта автоматическим устройством, через равные промежутки времени. Это для твоего успокоения.

Это было что-то невероятное. Мы — Кид, Стив, Джим и я -- совершенно перестали спать. Кид тренировался круглые сутки и чувствовал себя прекрасно. Сразу после тренировочного боя он, приняв «снадобье Брайта», начинал отрабатывать серии ударов по груше и работать на «лапах».

Через месяц его нельзя было узнать. Он «спал» столько, сколько не мог позволить себе раньше. Несмотря на усиленные тренировки, он даже прибавил в весе — в пределах нормы, конечно.

Я же слегка ошалел оттого, что бодрствую днем и ночью. Когда я в четыре часа утра зашел в бар напротив, одна из девиц с удивлением посмотрела на меня.

— Ты что, железный, котик? — спросила она, с трудом подавляя зевоту. — Днем ты шнырял в этом зале, всю ночь не спал, а сейчас выглядишь, как после мор-

ского купания Молодчина. Я с ног валюсь. Пойду спать.

Стив появлялся часто, исчезая на два-три дня. Он уходил в море на яхте,—так он гордо именовал старую шаланду, купленную за бесценок у какого-то мудрого рыбака, который, очевидно, понял, что любой другой способ самоубийства связан с меньшими хлопотами.

Он много раз уговаривал меня выйти на ночь с ним в море, ловить рыбу. Но было достаточно одного раза, когда я увидел, как он одной рукой вычерпывает воду, а другой держится за руль, чтобы навсегда отбить у меня охоту к рыбной ловле.

Я сказал Стиву, что лучше, когда разбогатеет, купим новую яхту, а пока у меня достаточно хлопот с Кидом.

Но это я ему приврал. Хлопот с Кидом не было. Все шло, как по маслу.

Честно говоря, первое время я относился к снадобью Брайта с недоверием. Потом я привык. Мы принимали его на ночь — в час, когда раньше ложились спать, а а кроме того, мы устраивали себе дневной «сон».

Белые мыши без усталости возились в своей клетке. весело поглядывал на меня блестящими бусинками глаз: они получали снадобье в те же часы, что и мы.

Стив вернулся из очередного морского похода с какой-то новой идеей. Это я сразу понял, заметив, как он нервно потирал руки.

— Насколько я знаю, старина, тебе нужны деньги,—сказал он. — Платить за аренду зала, налоги — и вообще нужны.

Это было верно. После того как мы перешли к новому образу жизни, расходы увеличились. Больше уходило на еду, сигареты и на выпивку. Приходилось больше платить Джиму — ведь его работа увеличилась в два раза. Я так и сказал Стиву.

— Ты как-то говорил, что Кид без труда расправляется с обычными противниками?

— Да, но на боях с малоизвестными боксерами много не заработаешь. А до чемпионата мира еще два месяца.

— Все в порядке, — сказал Стив. — Я кое-что придумал. Объяви через газеты, что претендент на звание чемпиона мира Кид Мердок вызывает всех, кто желает с ним подраться. Бой — пять раундов. С каждым сле-

дующим противником он дерется сразу после окончания предыдущего боя. За вечер — пять-шесть противников. Уловил? А между боями и раундами пусть «спит».

Я уловил.

Наше объявление, помещенное во всех газетах, вызвало сенсацию. Все газеты единодушно объявили, что Кид и его тренер наглые хвастуны. Обалдевшие репортеры выкладывали во всю газетную полосу свои скудные мыслишки, из которых явствовало, что в истории спорта такого еще не бывало. Боксер без отдыха проводит подряд шесть встреч со свежими противниками?? Умора!

Но в нашем объявлении была одна фраза, которая заставляла отнестись к нему серьезно: «За каждый проигранный бой менеджер Кида Мердока платит победителю тысячу долларов; в случае выигрыша получает от клуба противника пятьсот долларов».

Над нами издевались целую неделю. Мы получали анонимки и перестали подходить к телефону. Я нервничал, а Стив хохотал до упаду, рассматривая газетные карикатуры на меня и Кида.

Странное дело — в зал «Спорт», где должны были проходить бои Кида, не осталось ни одного билета: все были проданы, даже входные.

И это — в дни, когда в городе гастролировал Вилли Синтри с новой программой.

— Это будет неплохой психологический щелчок и для Паттерона, — заметил Стив.

Он сидел рядом со мной и смотрел на Кида, который на ринге выколачивал очередные пятьсот долларов.

После каждого Боя Джим, который был секундантом Кида, давал ему полоскать рот водой с небольшим количеством снадобья, обеспечивая таким образом Кида перед свежим противником «двухчасовым сном».

Гонг. Изумленный судья поднимает руку Кида. Две минуты перерыва, Кид «спит», массаж и снова бой.

Это было что-то потрясающее. Кид укладывал противников одного за другим. Зал неистовствовал. В первый же вечер Кид провел восемь боев — на три больше обещанного нами.

— Все хорошо, — сказал Стив Киду, — но ты все же делай вид, что устаешь.

Газеты выходили с портретами Кида, даже на страницах, где обычно печатают только некрологи.

Вилли Синтри исполнил новую песенку «Твой взгляд — нокаут, крошка», написанную в честь Кида. Эту песенку повторял весь город и все зрители после очередной победы Кида.

Наши денежные дела улучшились. Каждый день Кид выколачивал из кассы спортивных клубов изрядную сумму.

Мы купили Стиву настоящую яхту, а часть денег положили в банк. Стив отвел меня к лучшему портному, и когда я появился в сшитом им костюме в «Спорте», менеджер Паттерона заговорил со мной, сказав мне — сэр. Не знаю только, подействовал ли на него мой вид в новом костюме или победы Кида. Я все же думаю, победы Кида.

Паттерон мрачно смотрел на то, что делается на ринге. На Кида, который стоял с поднятой рукой около судьи, отсчитывающего секунды над лежащим противником. Настроение у Паттерона, если судить по выражению его лица, было не из лучших.

Вам приходилось видеть медведя-гризли? Так вот представьте себе тридцатилетнего гризли в костюме и ботинках — и вы увидите Паттерона. А Кид похож на статую этого... Нет, не скажу, вы будете смеяться. Стив всегда смеется, когда я говорю об искусстве.

Прошло еще полтора месяца. Мы основательно разбогатели. У каждого из нас, даже у Джима, были отложены денежки на черный день.

Кид теперь тренировался в новом просторном зале. Туда же я перетащил клетку с белыми мышами — они принесли нам счастье.

Стив уходил в море на своей яхте в любую погоду.

Итак, все у нас было в порядке. Каждый день приносил что-нибудь приятное. Кид тоже радовал меня с каждым днем все больше и больше, из мальчика получился настоящий боксер.

Все газеты писали о предстоящем матче. Они единодушно сулили Киду победу.

Вечером, накануне матча, ко мне позвонил менеджер Паттерона. Он сказал, что ему необходимо со мной поговорить.

Через час в нашем зале должна была состояться

пресс-конференция. Журналисты хотели потолковать со мной и Кидом. Я так и сказал ему. Он мне ответил, что разговор наш займет всего десять-пятнадцать минут и очень просил приехать.

Никогда не могу отказать, если меня просят таким тоном.

В комнате были двое — Паттерон и его тренер. Менаджер начал сразу. Он сказал, что Паттерон наверно завтра проиграет. Но что Паттерон не хотел бы так уйти с ринга. Ведь шесть лет он бессменно был чемпионом.

— Кид еще свое возьмет, он молод, — сказал менаджер, — а моему боксеру уже за тридцать. Дайте ему победу.

Короче говоря, они предлагали полмиллиона отступного. Я посмотрел на Паттерона. Он съезжился в кресле.

— Надо посоветоваться, — сказал я, имея в виду Стива. Я хотел его уговорить. Теперь мы будем богаты и без победы, а его изобретение не пропадет.

И потом... Нет, угрызений совести у меня не было, в профессиональном боксе бывает и не такое. Но очень уж мне стало жалко Паттерона.

Стива не было. Он ушел в море удить рыбу. Должен вернуться завтра, к началу матча.

Когда я вошел в зал, меня ослепили вспышки блицев. Пресс-конференция была в разгаре.

Я отошел в угол, к белым мышам, с ними как-то веселее.

И вдруг у меня подкосились ноги. Мыши, час назад принявшие снадобье, неподвижно лежали на спинках, задрав лапки.

Я с ужасом почувствовал: у меня подкашиваются ноги. Нет, не от неожиданности — я смертельно хотел спать.

Очнулся я через месяц в больнице. На соседней кровати лежал Кид, а еще дальше — Джим. Оказывается, мы все это время спали. В общей сложности проспали столько, сколько не спали три месяца до этого. Нас держали на искусственном питании.

Стива с нами не было. Он в тот вечер ушел один на яхте в открытое море. Он, наверно, заснул так же, как и все принявшие его снадобье, — люди и белые мыши. Я с тоской вспоминал, что в тот вечер с берега дул сильный ветер.

Вот, пожалуй, все, что я хотел вам рассказать про Стива Брайта.

Через неделю «Большие скачки», и я готовлю к ним «Малыша».

А сегодня — сегодня тринадцатое число, и я почему-то уверен, что с минуты на минуту откроется дверь и войдет, как всегда улыбаясь, он.

Как вы думаете, придет Стив?

ПРЫЖОК В ВЫСОТУ

Это было до того неожиданно, что Эзра остановился у порога, не решаясь войти в лабораторию. В воздухе, на высоте двух ярдов от пола плавал, словно воздушный шар, тяжелый стальной сейф. Тот самый сейф, который с трудом внесли в лабораторию шесть дюжих грузчиков.

Эзра был уверен, что не спит, и поэтому не тратил времени на традиционные щипки и протирания глаз. Он просто попытался осмыслить то, что увидел. Влез на стол, ухватился за стальное дно и попытался стащить сейф на пол. Сейф не шелохнулся, правда, он двигался по горизонтали, словно на шарнирах, в любую сторону, но это было единственное, чего удалось добиться Эзре. Неудача постигла его и когда он попытался приподнять сейф. Тщетно — сейф не двигался.

— Перестань толкать его вверх, чужак! Начиная с этой точки, тебе надо преодолеть тяжесть в полторы тысячи фунтов, — услышал Эзра голос Хевингема. Тот стоял и насмешливо смотрел на балансировавшего на краю стола тщедушного, нескладного парня.

Я ничего не понимаю, — сказал Эзра, недоуменно глядя то на висящий в воздухе сейф, то на Хевингема.

— Твоя откровенность умиляет, — усмехнулся Хевингем. — Ты меня чертовски удивил бы, сказав, что тебе все понятно. Но ты все же слезь со стола, он непригоден для прогулок, даже имеющих чисто научную цель.

Эзра покорно спустился и помог Хевингему установить небольшую стремянку, принесенную из библиотеки.

Хевингем, поднявшись по стремянке, открыл дверцу сейфа и просунул руку внутрь. Что-то щелкнуло, и сейф плавно опустился на пол.

— Прямо не сейф, а вертолет, — хмыкнул Эзра.

Хевингем взглянул на него.

— Похоже. Но вертолет, неподвижно паря над землей, тратит горючее на включенный мотор, а мой сейф не нуждается ни в бензине, ни в моторе. Все дело вот в чем, — сказал Хевингем и достал из сейфа крошечный, величиной со спичечную коробку, прибор. — Это — антигравитационный аппарат. При нажатии кнопки вокруг него создается антигравитационное поле, а земное притяжение сводится к нулю. А вот эти деления показывают, на какую высоту распространяется поле антигравитации. Сейчас прибор настроен на высоту двух ярдов. На этой высоте и находился сейф, который подталкивался изнутри моим аппаратом.

— А как сейф опустился? — недоверчиво спросил Эзра.

— Когда нажимаешь кнопку вторично, аппарат медленно выключается.

— А это что за лежащая восьмерка? — спросил Эзра, показав на непонятный ему знак на шкале с делениями.

— Бесконечность, — кратко сказал Хевингем. — Установи на это деление стрелку, нажми кнопку — и аппарат устремится в бесконечность пространства.

Мозг Эзры лихорадочно работал.

— А если за него в это время держаться? — осведомился он.

— Отправишься в мировое пространство, если не догадаешься вовремя разжать руки, — последовал ответ.

— Эту штуку вы сами придумали, сэр? — почтительно спросил Эзра. При каждом посещении домашней лаборатории соседа, профессора Хевингема, он находил что-то новое, но это превосходило все до сих пор им виденное.

— Собственно, я продолжил то, что начали Ньютон, открывший закон всемирного тяготения, Эйлер и Эйнштейн, давшие новые данные о природе тяготения. И ныне во многих лабораториях ведется большая работа по созданию антигравитационного поля. Но исследователи идут по ошибочному пути.

— Вот поднимется шум, когда вы об этом расскажете! И денег, наверно, получите уйму.

— Нет, — грустно сказал Хевингем. — Людям рано знать о моем изобретении.

— Рано? — изумился Эзра.

— У меня был друг, его звали Энрико Ферми. Ты слышал о нем?

— Как же! — сказал Эзра. — Известный боксер-тяжеловес.

— Нет, — усмехнулся Хевингем, — мой Энрико — его менее известный однофамилец. Так вот Ферми — это человек, который был первым на земле, кому удалось осуществить самоподдерживающуюся цепную реакцию. Это один из физиков — создателей атомной бомбы. Его последние годы были омрачены мыслью о смерти тысяч людей. А мое изобретение в руках безумца или фанатика, каких немало у нас в правительстве, гибель для человечества. Нет, подождем до лучших времен.

— Наплюйте на человечество, сэр, — с жаром сказал Эзра. — Поверьте мне, это миллионное дело. Неужели только мы вдвоем и знаем о вашем изобретении? — вдруг спохватился Эзра. — Вы, значит, доверяете только мне?

— Да, — засмеялся профессор, твоя научная эрудиция позволяет мне это.

— Что же вы будете делать с аппаратом?

— Вот буду развлекаться фокусами.

— Эта штука поднимает любой вес?

— Да.

— На любую высоту?

Я же тебе объяснял! — нетерпеливо сказал Хемингем: Эзра о чем-то усиленно думал.

— Сэр, а нельзя ли ваш аппарат приспособить так, чтобы я с его помощью поднимал большие грузы? Может, повезет, устроюсь на работу грузчиком. А так, — Эзра грустно оглядел свои худые плечи, — со мной и разговаривать не хотят.

Хевингем пристально смотрел на Эзру. В его добрых глазах мелькнуло сострадание и грустная ирония.

— Подними руки, — он измерил расстояние от пола до поднятых кулаков Эзры.

— Ты не будешь грузчиком, ты станешь штангистом-профессионалом. Я сделаю аппарат из двух блоков, что-

бы ты мог носить его в виде браслетов. Только береги его от сотрясений. Пользоваться им я тебя научу, это совсем просто. Но запомни — ты будешь профессионалом, и только. Любительский спорт не для обмана. Даешь слово?

— Обещаю, — торжественно сказал Эзра.

Через два дня Эзра отправился в Спорт-Палас. Огромный пустой зал был погружен в полумрак, и только посредине у освещенного помоста стояла группа людей.

— Я—Эзра Шелтон, — сказал он менеджеру О'Брейди, окруженному атлетически сложенными штангистами. Исполнины равнодушно оглядели Эзру.

— Мне не нужен массажист, — раздраженно сказал О'Брейди. Он был занят и не пытался это скрыть.

— Я штангист, — важно сказал Эзра, — пришел на пробу.

— Не дури, парень, — угрюмо сказал стоявший рядом штангист. — Шеф сегодня не в духе, ему не до шуток. Убирайся подобру-поздорову.

— Но я действительно штангист, — упрямо повторил Эзра. — Дайте мне возможность показать себя.

— Ну, парень, — рассердился О'Брейди, — если ты невыжмешь сию минуту штангу своего веса, а весишь ты фунтов полтора, то тебе понадобится не штанга, а носилки.

— Я начну с пятисот фунтов, — спокойно сказал Эзра.

Стоящие в зале переглянулись. Этот наглый парень действовал всем на нервы.

— Вот как раз пятьсот, — сказал О'Брейди. — И если ты не оторвешь этот вес хотя бы на полдюйма от пола, то попадешь в морг той самой больницы, откуда сюда приперся.

Эзра подошел к штанге и взялся за гриф.

— А запястья у него перетянуты, как у заправского тяжелоатлета, — усмехнулся мрачный штангист.

Приседая, Эзра незаметно нажал кнопку аппарата. Один из штангистов зашел сзади, готовясь дать дебютанту основательного пинка... И вдруг замер с раскрытым ртом. Штанга взлетела на выпрямленных руках Эзры, на секунду застыла над головой и легко опустилась на пол. Эзра в это время добросовестно с шумом вдыхал и выдыхал воздух.

Не веря глазам, О'Брейди тупо смотрел на Эзру.

— Ты... Ты... Мне показалось? — обратился он к штангистам. Ответом ему были растерянные лица.

— Поставьте шестьсот фунтов, — сказал Эзра. Он входил во вкус. В первый раз в жизни он находился в центре внимания, и ему хотелось продлить это сладостное ощущение.

Шестьсот он отжал даже не находя нужным имитировать усилие.

Когда менаджер убедился, что это не гипноз, он понял, что набрел в лице этого изможденного штангиста на золотую россыпь, которую бесплодно проискал на Аляске его отец, старый Ральф О'Брейди.

Нет, не так просто было достать билет на представление «Супермен Эзра Шелтон». Хевингем купил билет, уплатив за него вдвое больше обозначенной на нем и без того высокой цены.

Зато посмотреть было на что. Эзра в красочном сверкающем золотыми блестками костюме творил чудеса. Он легко, без напряжения поднимал клетку с двумя огромными львами. Львы рычали и бросались на прутья клетки.

Эзра поднимал автомобиль с шестью любой полноты пассажирами из зрителей.

Хевингем аплодировал. Он улыбался своей обычной грустной, чуть иронической улыбкой.

Гастроли Эзры проходили с небывалым успехом. В любой газете можно было найти его портрет с описанием последних подвигов. Специалисты терялись в догадках. Несмотря на режим, установленный О'Брейди, на массаж и гантели и на хорошее питание, Эзра был мало похож на спортсмена.

— Все дело во внутренней силе, — решили специалисты.

— Эзра Шелтон — олицетворение нашей расы, — сказал мистер Чарлз Уинтворт, председатель общества «Планета — белым».

Эзра был объявлен национальным героем. В газетах возникла горячая полемика: должна ли международная федерация тяжелой атлетики утвердить рекорды Эзры в качестве официальных мировых.

Последний сенсационный газетный заголовок гласил: «После трех бутылок виски — четыре тысячи фунтов на вытянутых руках! Новый рекорд после бессонной ночи!»

Эзра блаженствовал. Он привык к приемам, он был избран членом самых фешенебельных клубов. О, Эзра был совершенно счастлив, но одно ему не давало покоя — Хевингем.

После того как Эзра произнес блестящую речь в клубе, члены которого иногда облачались в капюшоны с узкими прорезями для глаз, на выступлениях Эзры нельзя было увидеть ни одного негра.

Хевингем сказал:

— У тебя появились новые взгляды, Эзра. В этом, кажется, виноват мой аппарат. Ну что ж! Но я забыл тебя предупредить, что терпеть не могу расистов. Даже если расист — национальный герой. А аппарат можешь оставить себе!

Дверь захлопнулась за Эзрой.

— Наплевать, — кричал вечером Эзра, кидая бутылки в увертывающегося бармена.

Слава имеет и свои неудобства. Эзре приходилось каждый день просматривать множество писем от многочисленных почитательниц. Фотографии он просматривал, а письма, не читая, выбрасывал.

В этот период он познакомился с Джой Нортон. Трудно сказать, что привлекло в ней Эзру — миллионы отца или красота девушки. Как бы то ни было, Эзра решил жениться.

— Нет, Эзра, — сказала Джой. — Папа ни за что не согласится на наш брак. Папа сказал, что вы — циркач, что джентльмен ни за что не стал бы выступать в цирке.

Эзра вспомнил, как мистер Нортон на вчерашнем банкете назвал его надеждой нации. «Гнусный старикашка», — горько подумал он.

— Мы можем сбежать, — сказала Джой, и романтика зажгла огоньки в ее красивых глазах.

— Нет, это не устраивало Эзру. В его планы не входило портить отношения со старым Нортонном.

— Ах! — сказала мисс Нортон. — Если бы вы не поднимали это проклятое железо, а играли бы в гольф

или футбол... Словом, занялись бы спортом джентльменов...

— Тогда отец согласится? — спросил Эзра.
Глаза Джой радостно блеснули.

... Газеты выходили с заголовками на всю страницу: «Эзра Шелтон решил стать спортсменом-любителем!». «Сегодня он бьет мировой рекорд по прыжкам в высоту».

Это была рекордная сенсация. Стадион был переполнен. Репортеры фотографировали планку, установленную на высоте двух с половиной ярдов.

— Это моя первая ступень, — заявил на вчерашней пресс-конференции национальный герой.

Зрители ждали. Оставались считанные минуты.

Эзра сошел с автомобиля в чудесном настроении.

Свой «Линкольн» он оставил у входа — ни один полисмен не посмеет отогнать машину национального героя. Антигравитационный аппарат был надежно вделан в прочный кожаный пояс, обтягивающий талию Эзры. Указатель высоты был установлен у деления двух с половиной ярдов.

Эзра взглянул на часы. Времени оставалось мало. Он у входа на стадион проскочил между каким-то парнем и девушкой, толкнув обоих, и, не останавливаясь, прошел дальше. Кто-то грубо схватил его за плечо. Обернувшись, он увидел, что от его толчка девушка упала.

Удар был резкий и пришелся в челюсть, парень неплохо владел кулаками. Эзра закрыл лицо руками. Второй удар пришелся чуть ниже солнечного сплетения, что-то хрустнуло. Эзра схватился за пояс и только боль в разбитом от нового удара носу заставила его убрать руки.

Вокруг собралась толпа. Когда парень узнал, что избил Эзру Шелтона, у него подкосились ноги.

— Я не хотел его убивать, — сказал Эзра почти-тельно внимающему полисмену, — вы же знаете мои руки — это холодное оружие.

«Берегите аппарат от сотрясений!» — звучали в его ушах слова Хевингема. Но предпринимать что-нибудь было поздно. «Если прыжок не удастся, — подумал

Эзра, — пойду к нему». Впрочем, он был уверен, что аппарат сработает: он не подводил его ни разу.

Стадион встретил Эзру с восторгом. В честь национального героя был исполнен государственный гимн. Сегодняшнее выступление Эзры транслировалось всеми телевизионными компаниями страны.

В центральной ложе рядом с отцом сидела сияющая Джой Нортон.

Эзра разбежался. Бег не производил впечатления быстроты, но комментатор тут же назвал его своеобразным и обманчиво-медленным. Эзра приблизился к площадке, незаметным движением нажал кнопку. Прыгнул. Высота взята! Но что это?! Стадион ревел, бесновался. Люди срывались с мест, кричали. Джой без сознания упала на руки отца. Эзра, не останавливаясь, беспорядочно размахивая конечностями, поднимался все выше. Непреодолимая сила тянула его вверх. Стадион потрясал отчаянный крик супермена. Но вот превратился в точку, а потом исчез в темнеющем небе.

Этот день надолго запомнился полицейским и психиатрам. Сотни тысяч людей задавали вопрос: где Эзра?!

В газетах промелькнуло сообщение, что крупнейший военный радар страны обнаружил тело национального героя над границей, в средних слоях атмосферы, но потом выяснилось, что радар ошибся. Это была стая диких уток.

Хевингем усталым жестом отложил газету.

Об Эзре больше ничего не было слышно.

ОТКРЫТИЕ

— Самостоятельное дело всегда интересно, — сказал прокурор.

— Самостоятельное, — конечно. — Валерий вежливо наклонил голову. Это самое дело было от него бесконечно далеко. Особенно после вчерашнего выговора.

— Дело, которое мы хотим вам поручить...

— Мне?

— Вам. 17 мая сего года...

(Это что: воспитание доверием? «Молодой следователь Валерий К. проводит первое самостоятельное дело. Спасает невинных, разоблачает виновных. Воспитывает и воспитывается сам, осознавая глубокую поэзию труда следователя». Все ясно, а внутри что-то дрожит — первое самостоятельное дело).

— ...на нефтеперерабатывающем заводе произошел взрыв, — продолжал прокурор. — Люди, к счастью, не пострадали. Предприятию причинен материальный ущерб в сумме 860 рублей...

— В новых деньгах? — машинально спросил Валерий.

— В новых. Следствие по делу вел Сурен Аркадьевич Мелкумян. Вчера он лег на операцию. Так что кончать придется вам.

— И много... Я хочу сказать, многое он успел?

— Осмотр места. Допросы. Получил заключение экспертизы. Набросал проект обвинительного заключения.

— Что же мне остается? Отдать заключение на машинку, проверить и принести на подпись?

— Проверить—да,—холодно сказал прокурор.—Полагаю, вы знаете: принимая дело к своему производству, вы принимаете на себя и ответственность.

— Разумеется, — Валерий равнодушно кивнул. — Какая там ответственность...

Прокурор долго смотрел на него — словно вспоминал что-то. И вдруг улыбнулся.

— Вернемся к делу. Говорить об умысле, конечно, не приходится. Обвиняемой Таировой 22 года. Окончила техникум, оператором работает недавно. Значит, одно из двух: небрежность или казус. Граница, вы знаете, тонкая.

Валерий любил железную строгость юридических формул. Ни одного лишнего слова. Все просто и точно, как в отшлифованных тысячелетиями доказательствах теорем.

Предвидел и желал наступления преступного результата (в данном случае—взрыва) — прямой умысел;

не желал, но допускал — умысел косвенный;

не предвидел, но обязан был предвидеть — преступная небрежность;

предвидел, но неосновательно надеялся предотвратить — преступная самонадеянность;

и, наконец, не предвидел и не должен был предвидеть — преступления нет, казус.

— Граница тонкая, — повторил прокурор. — Формально — прошла инструктаж, выучила правила... Но я перечитываю дело и думаю: могла она все-таки предвидеть взрыв?..

— Теоретически случай любопытный, — согласился Валерий. — Практически, однако, ничем особенным суд ей не угрожает. От силы ей дадут, по-моему, год...

— Мелочь, разумеется, — кивнул прокурор. — Жаль, что вы раньше молчали. Я бы вам устроил месяца три тюрьмы... В порядке преддипломной практики!

Валерий побледнел. Теперь все. Конец. Пишите заявление...

— Я сказал чушь, — пробормотал он.

— Глупость, — поправил прокурор.—О ходе следствия будете докладывать мне. Возьмите дело.

За проходной — плакат. На плакате — самолет, во всю ширину разбросавший стальные руки-крылья. По небесно-голубому красным: «Больше светлых» и три решительных восклицательных знака.

— Конечно, светлых нефтепродуктов, — пояснил сопровождающий.

Он не очень-то понимал, что от него требуется. Специалисту он охотно показал бы новый цех, при случае и поспорил бы. Для неспециалистов («публики», говорили на заводе) давно выработались и стиль объяснений, и маршрут. С таким посетителем он имел дело впервые. Не специалист — ясно. Но и не публика. Следовательно.

Валерий смотрел на массивные тела резервуаров, на махины колонн и башен, увитых разноцветной перевязью труб. Мелькали названия, цифры температур и давлений, крекинг каталитический, термический, специальный.

Он не очень вслушивался. Смотрел, сравнивал. Вначале терялся — масштабы здесь были совсем другие, чем в книгах. Но вот он уловил что-то знакомое. Потом еще и еще. Это было как при встрече с человеком, которого знаешь по фотографии. Мысль, упрощенная в книгах до схемы, ощущалась здесь в живой сложности. Постигать ее было трудно и радостно...

В операторных это ощущение терялось. Девушки в белых халатах, в косынках, повязанных по-домашнему, щебетали о посторонних делах. В одном месте он услышал восторженную оценку новой итальянской картины, в другом — насмешливую характеристику какой-то Зины и жалобу на чулки, у которых вечно спускаются петли.

Так же легко, небрежно, девушки перебрасывались разными «дестиллятами» и «ректификатами». Время от времени одна из них подходила к приборам, поглядывала на медленно ползущую ленту, записывала. Нажимала на кнопку и торопливо возвращалась к столу — продолжать разговор.

Думали они в этот момент над последствиями того, что делали? Это казалось сомнительным. Должно быть, чего-то такого не предвидела и Таирова. Обязана была предвидеть! Легко сказать «обязана», а могла? Попро-

буй, пойми. Одно дело классический стрелочник из учебника уголовного права, забывший перевести стрелку, или шофер, в состоянии опьянения, севший за руль... Там ты ставишь себя на место преступника и говоришь: я перевел бы стрелку, я не сел бы в машину пьяный. А тут: сумел бы я представить последствия, если бы нажал, скажем, на эту красную кнопку?..

Конечно, виновата и администрация. Нельзя доверять установку неопытному человеку. Во всяком случае надо контролировать. Хотя попробуй, успеешь. Нажал кнопку и взрыв...

— Взрыв? — переспросил инженер.

— Да, я хотел бы осмотреть установку, где произошел взрыв.

— Пожалуйста... Только зачем же взрыв? Просто авария.

Это не первый. Все, начиная с директора, избегали говорить «взрыв». Как угодно: авария, неприятность, происшествие — только не взрыв. И вообще этот случай старались забыть. Директор, например, все время подчеркивал, что ничего страшного, жертв нет. «Материальный ущерб? — он пожал плечами. — Для такого завода как наш... По секрету: мы не стали бы предъявлять иск, если бы не бухгалтер (Валерий не знал, что на всех совещаниях, с поводом и без повода, директор возвращался к взрыву).

«Объект преступления» — установка высокотемпературного крекинга — по виду не отличалась от других. Такая же махина: металл, кирпич, трубы. «Можно подняться?» — «Конечно. Но установка работает нормально».

Все-таки он поднялся — взлетел на лифте. Походил по площадке. Ничего не увидел. Даже меньше, чем снизу. Там просматривались хоть общие контуры. Здесь какая-нибудь одна труба заслоняла все.

Зашли в операторную. Тут все как будто обычно. Но девушки в косынках сразу смолкли. Двое занялись манометром. Другие что-то старательно записывали. На вопросы отвечали коротко и сугубо официально. Даже между собой стали говорить на «вы». «Анна, дайте, пожалуйста, номограмму шестой. Нет, нет, спасибо».

Начальник установки — немолодой человек с седыми лохматыми бровями — назвал себя, показал все, что

требовалось, но в разговор не вмешивался. Отвечал сопровождающий.

Да, установка управляется отсюда. Эти задвижки. Сначала следует повернуть левую, потом правую. Ошибиться трудно — цвета, как видите, разные. Покрашены недавно? Верно, краска немного стерлась. Есть схема, абсолютно ясная. Разумеется, висит давно — видите, бумага пожелтела. Если открыть в обратном порядке? Взрыв возможен. Нет, не обязателен. Все зависит от мгновенных параметров: концентрации, температуры, давления...

Начальник установки? Но ведь это случилось в третью смену. Да, сменный инженер. Имела ли право Таирова? Разумеется. Если инженер будет заниматься каждой мелочью, на что операторы... О причинах он судить не берется, это не входит в его компетенцию. В ближайшее время будет установлена автоматическая система контроля, исключающая ошибки.

Назиму Таирову он знает. Добросовестный оператор, хороший работник. Начальник установки кивает: правильно. Грустно вздыхает: что поделаешь, несчастье. С каждым может быть.

Валерий молчит. Ничего нового. Обо всем этом сказано в заключении. Даже задвижки он видел раньше — на эскизе. И представлял: сначала оператор поворачивает левую. Выжидает, пока температура снизится на 150 градусов. Открывает правую. Следит по приборам за повышением температуры. Закрывает обе. И все. Просто.

Правила Таирова, конечно, знала. И выполняла, надо думать, точно. Кроме одного: вместо левой задвижки вначале открыла правую. Температура сразу подскочила, произошел взрыв.

— Двинемся дальше? — вежливо спрашивает сопровождающий.

— А? Нет, нет... Вернемся.

Теперь они подходят к плакату с другой стороны. Самолет ничего, а буквы наизнанку выглядят диковато. Инженер, кажется, немного разочарован. Чего он собственно ждал: хитроумных вопросов, подвоха? Прощаясь, они смотрят друг на друга и улыбаются: ровесники, вчерашние студенты, специалисты...

Секретарь директора кивнула Валерию, как старому знакомому.

— Открыть?

— Пожалуйста.

Провела его в комнату (письменный стол с зеленоватым стеклом, чернильница, счеты; на стенах диаграммы: что-то поднимается, что-то падает).

— Располагайтесь, — сказала она. — Я ее сейчас вызову.

Стук...

— Войдите.

У нее было худое, смуглое, тонко очерченное лицо. Но это он увидел потом. Даже глаза — очень большие, очень темные — он умудрился не заметить.

— Садитесь, — сказал он суховато. И когда они сели: — Моя фамилия — Крымов. Валерий Петрович Крымов. Мне поручили... проверить обстоятельства дела (он не хотел сразу огорошивать ее «следователем»).

— Дела?

— Да, аварии. Вам что, не сообщили, зачем вызывают?

— Нет... Не сказали.

— Вы не волнуйтесь, — сказал он бодро. — Все выяснится. Для этого мы и назначены.

— А Сурен Аркадьевич?

— Мелкумян? Он болен. Расскажите, пожалуйста, подробно, как все произошло.

Рассказывая, она смотрела в одну точку. Лицо у нее было серое, губы дрожали. Видно, не так легко пережила она взрыв. Кстати, единственная на заводе она прямо говорила «взрыв», без фокусов.

Чуда не случилось. Не было в ее рассказе ничего неожиданного, никакой ниточки. Все знакомо, даже скучновато. Левая задвижка. Правая...

— А не наоборот?

— Нет. Я сначала открыла левую. Правую после.

— А вы не забыли? Знаете, бывает...

— Нет.

— Где вы сейчас работаете?

— В диспетчерской.

— Нравится?

Она слабо улыбнулась («Уже лучше. Так сказать, лед тронулся. Лед тронулся, господа присяжные заседатели!»).

— Ничего? И все-таки оператором лучше. Так?

— Конечно. Но это временно, правда? Пока не разберутся.

— Надо полагать, — схитрил Валерий. Выбирая наказание, суд учтет неопытность обвиняемой. Но как раз поэтому ей запретят работать оператором. И правильно. Не всегда же взрывы кончаются так... Впрочем, об этом ни слова. Пусть обвиняемая успокоится... Теперь самое время.

— Кстати, если не ошибаюсь, вы говорили, что взрыв произошел очень скоро, сразу, как вы открыли вентиль... (это не очень «кстати», но ничего, сойдет).

— Нет, — она покачала головой. — Я успела закрыть оба вентиля, подошла к столу, взяла журнал...

— И температуру успели заметить?

— А как же! Все было по инструкции: температура сперва снизилась, потом стала повышаться.

— Не может быть! — не удержался Валерий. Вентили можно спутать, это бывает с каждым. Положишь спички в левый карман, а ищешь в правом. Но температура... Если бы температура понизилась, взрыва не было бы. Значит, она говорит неправду. Впрочем, еще одна проверка...

— Вы успели сделать запись в журнале? (он отлично знает: записи нет). Тогда, заметив ошибку, она растерялась. Конечно, у нее не хватило выдержки в такой момент делать в журнале фиктивную запись...

— Нет, я не успела...

Ясно. Сошлется на взрыв.

— Помешал взрыв?

— Не совсем...—она покраснела.—Я как-то так... задумалась. А потом это... и я испугалась.

Валерий не смог скрыть недоверчивую улыбку. Сразу почувствовал — зря, но было поздно.

Лицо у нее сразу замкнулось, потеряло выражение. Будто кто-то задернул между ними тяжелую штору.

Нет, повторяла она. Нет, не помнит. Нет, не знает. Нет, не слышала. Левая задвижка, и все.

Штора. Попробуй раздвинь. Неужели один человек не может объяснить другому... Ведь ничего плохого он

ей не желает. Даже больше, в сущности, он хочет ей помочь. Все это так, а сумей убедить...

Он пробовал. Многословно и путано, оперируя юридическими терминами, он доказывал, что еще ничего не известно. Что суд учтет все моменты: как объективные, так и субъективные. Что граница между небрежностью и казусом трудно различима...

— Можно уйти? — спросила она.

— Да, пожалуйста, — он вздохнул с облегчением.

Она дошла до двери, взялась за ручку и остановилась. Кто знает, о чем она думала. Может быть, ей казалось, что именно сейчас решается ее судьба. Еще есть возможность вернуться и заставить этого человека поверить, что она не виновата. А, может быть, ей просто было трудно переступить порог и остаться одной.

Время тянулось так долго, что Валерий подумал — не всерьез, но подумал: «А если она не виновата?»

— Вы к кому?

— К товарищу Левину. Я звонил утром.

— Так это вы, Крымов? А я, извините, решил, что к моей Ольге. У меня, знаете ли, редко бывают модные молодые люди. Входите, раздевайтесь.

Валерий снял куртку и остался в тенниске — одежда для июня самая обычная. Но хозяин был в коричневом костюме, в рубашке со строгими запонками, при галстуке.

— Пожалуйста, сюда.

Валерий очутился в окружении книг. Они закрыли стены так плотно, что черные, желтые, синие корешки казались рисунком на обоях.

— Эммануил Семенович, — хозяин церемонно поклонился. — Инженер в отставке.

Валерий растерялся.

— Крымов... То есть, Валерий Петрович...

— Значит, товарищ Крымов, — протянул эксперт. И неожиданно: — Прошу садиться.

Помолчали. Конечно, физиономистика — наука темная, но эта небольшая, слишком верткая голова, хитрые, глубоко посаженные глазки, и губы — тонкие, длинные...

Левин закурил, сказал быстро, в одну фразу:

— Эксперт окончил осмотр, мнение составлено, перейдем к делу, чем обязан?

— Пришел к вам за советом.

Ответ, кажется, смутил эксперта. Он поерзал в кресле, загасил папиросу, зажег другую. Может быть, он ожидал, что новый следователь будет нападать на его заключение, и приготовился к отпору?..

— Пожалуйста, — сказал он наконец. — С удовольствием... А в чем, собственно, вопрос?

Валерий объяснил. Таирова упорно отрицает свою вину. В конце концов и у него появились сомнения. Он понимает, что это несерьезно, что сомнения — дело сугубо личное... Именно потому он не пошел к прокурору, решил сначала посоветоваться с опытным человеком.

— Опытный... первый раз в глаза видит... — пробурчал Левин и улыбнулся. Неожиданно оказалось, что улыбка у него мягкая, а морщины у губ — усталые и добрые.

Хозяин заметил взгляд Валерия. Он поправил галстук, нахмурился. Сказал сурово:

— У нас нет оснований не верить Таировой. Согласимся: она говорит правду. Что это доказывает? Только то, что она искренне заблуждается. Вы же знаете, какие выкрутасы проделывает иной раз память.

— Знаю, — Валерий кивнул. — Но в данном случае... — Он начал пересказывать эксперту разговор с Таировой.

— Так... ясно, — Левин понял с полуслова. — Значит, этот спасительный для всех нас вариант с забывчивостью отпадает. Печально... Остается одно из двух: верить или не верить. Если не верить — все просто. А если верить...

— Вот именно.

— В пользу ее невиновности говорит любопытное обстоятельство. Таирова — новичок, а по моим наблюдениям как раз новички в таких случаях ошибаются крайне редко. Для них каждый поворот задвижки дело святое... Ваши наблюдения, мои наблюдения... Субъективно. А взрыв, к сожалению, объективная реальность.

— Может быть, какие-то другие причины?

— Какие же? — холодно спросил эксперт. — Вы, товарищ Крымов, конечно понимаете, что, прежде чем писать заключение, я вместе с заводскими инженерами

облазил установку, так что посторонние влияния — всякие инфразвуки, ультралучи и тому подобная фантастика — исключаются. Могу вас заверить, что из числа известных причин ошибка, названная в заключении, единственно возможная.

— А если там в установке произошло нечто неизвестное?

— Кому? — Эммануил Семенович откровенно фыркнул.

— Науке.

— Ох, и спешите вы, молодые, с выводами. Установки подобного типа эксплуатируются добрый десяток лет. И вдруг явление, неизвестное науке! «Неизвестное науке» — это же очень серьезно, это же чрезвычайно! Не надо, дорогой Валерий Петрович, бросаться такими словами...

— Хорошо, не буду, — улыбнулся Валерий. — Подскажите, что делать. Не верить?

— Нет, этого я вам никогда не скажу. Наше поколение слишком хорошо знает, как это жить и не верить людям. Обязательно надо верить.

— Согласитесь, однако...

— Понял. Вы хотите сказать: или—или, третьего не дано?

— Именно это.

Левин закурил. Молчал, тяжело глядя на кончик папиросы. Лицо у него было сейчас утомленное и вялое. Он встал, прошелся по комнате, взял с полки какую-то книгу, долго рассматривал, поставил на место.

— Эйнштейн, — заметил он не оборачиваясь. — Великий человек.

Валерий промолчал: не хотелось говорить что-нибудь вроде: «Да, конечно» или «О, разумеется».

— Теперь о деле. Если вопрос стоит категорически: не верить человеку или сомневаться в науке... — Эммануил Семенович сделал паузу и вдруг сказал весело: — Я, например, предпочитаю сомневаться.

— В науке? — быстро спросил Валерий.

Левин рассмеялся.

— Вы меня на слове не ловите. Скажем точнее, а заодно и осторожнее: в полноте сведений, которыми наука располагает в данной области и на данном этапе своего развития. Вам ясно?

— Ясно, — серьезно сказал Валерий.

— Итак, предположим, неизвестное — икс. Где его искать: в установке, в химизме реакции? Не думаю, тут все исследовано вдоль и поперек. Остается сырье, нефть. Конечно, глубокая переработка нефти насчитывает десятки лет. За это время испытывалось сырье из тысяч скважин. И ничего. Если не считать, правда, нескольких сомнительных случаев... Раньше их объясняли просто: вредительство. Но теперь-то мы понимаем... И еще одно. Скважины уходят все глубже, и нет гарантии, что если в «п» случаях мы не столкнулись с новым явлением, то мы не столкнемся с ним и в «п+1» случае.

— Понимаю.

— Боюсь, что не вполне. Вероятность появления икса ничтожно мала. Так что работа предстоит огромная, а шансы на успех близки к нулю. Впрочем, в науке это обычно, дорогой товарищ Крымов.

— Меня интересует не наука, а справедливость. — Валерий покраснел: слишком громкое слово. Он поправился: — Я хочу знать правду.

— Вы, по-видимому, прирожденный следователь. — Пойди пойми: то ли это всерьез, то ли иронически.

— Вовсе нет. Отработаю два года и уйду в аспирантуру.

Левин посмотрел на него, покачал головой.

— Ладно, допустим. Тогда тем более, какой вам резон взваливать на себя такую обузу? Или от вас требуют?

— Нет. Дело я могу сдать хоть завтра. А резон?.. — он посмотрел на Левина. — Простите за нескромность: этот вопрос задан для изучения, так сказать, психологии молодого поколения?

— Совершенно справедливо. У меня, знаете ли, дочь вашего возраста. Так что интерес естественный. Что вами движет: человечность, служебный долг, порядочность?

— Не знаю, — сказал Валерий медленно. — Не знаю. Наверное, все проще. Когда мы разговаривали... мне показалось, что она говорит правду. И я подумал, какой это ужас, когда ты не виноват, а тебя осудили. Так бывало, я знаю. Но больше не будет. Если каждый... В общем, вы понимаете...

— Понимаю. Теперь вас, очевидно, интересует вопрос практический: где и как искать этот таинственный икс?

— Да, конечно.

— Сделать нужно многое.

Левин притянул блокнот, вынул из подставки карандаш. В нижнем углу листа возник силуэт вышки. От нее потянулись линии к ступенчатым башенкам и дальше, к домикам резервуаров. Линии раздвигались, уходили и сходились вновь, постепенно сдвигаясь вверх и вправо — к миниатюрным колоннам нефтеперерабатывающего завода.

— Начало здесь, — острый карандаш уперлось в вышку. — Отсюда нефть поступает на сборный пункт, который обслуживает группу скважин или промысел в целом. Затем — резервуарный парк промыслового управления и петековские резервуары...

— Простите?

— ПТК — производственно-товарная контора. Сюда сходится нефть всех районов. В нашем случае — объединения. Следующий этап: резервуары товарно-сырьевой базы завода. Наконец, установка. Потом идут: заводская база, эстакада... Правда, все, что после установки, нас сейчас не интересует. Но остальное надо знать назубок, если вы, конечно, не передумали.

— Нет.

— В таком случае любите книгу — источник знания.

— Благодарю. Но я не совсем понимаю, почему не предотвратили взрыв. Разве нефть не берут на анализ? Ее состав нигде не проверяется?

— Наоборот, проверяется везде. И на промыслах и по всей системе резервуаров. Но анализы стандартные: удельный вес, процент воды, механические примеси. Одним словом, поисками икса никто, естественно, не занимается. Я бы вам советовал начинать не со скважин — их тысячи, а в обратном порядке — с заводских резервуаров. Потом резервуары ПТК и так далее. — Он долго смотрел на Валерия, сказал почему-то грустно: — Молодые люди легко загораются и легко гаснут. М-да... Мне будет очень жаль, если такое случится и с вами.

На базе («Товарно-сырьевая» — мысленно определил ее назначение Валерий) его встретили сдержанно. По телефону директор завода распорядился: «Предоставь-

те товарищу возможность»... и на базе, видимо, решили, что он ревизор из треста, а может быть, даже из совнархоза. На третий день об этом рассказала Валерию девушка из конторы. «А вдруг я в самом деле ревизор?» — улыбнулся он. Девушка покачала головой. «Нет, они другие, а вы совсем другие». «Так кто же я?» «Аспирант или, наверно, корреспондент».

Он взял документы. Сидел часами, читая все эти разрешения на откачку, журналы анализов, справки, накладные. Он начал издавека: за три месяца до взрыва. Хотел привыкнуть, войти в будничный ритм этих бумаг, чтобы резче ощутить отклонение.

Конец февраля. Март. Апрель. Начался май. Приближалось 17-ое, день взрыва. Валерий двигался все медленнее. Верил: в документах за этот день удастся найти что-то особенное, необычное. Но верил не очень крепко. Справки, записи в журналах были похожи, как близнецы. В колонках цифр, в перечислении сортов нефти не оставалось места для чуда.

Он прошел 17-е мая. И 18-е. Кончил май, начал июнь. Теперь он не читал, просматривал, небрежно бросая страницы. Подолгу курил, вспоминал веселое университетское время, думал, что пора, наконец, заняться английским — года через полтора можно подавать в аспирантуру.

Когда становилось совсем уж тошно, он выходил и скучными глазами смотрел на резервуары. Ему показали резервуар, связанный с той установкой. Он был до зевоты похож на все остальные...

Однажды он увидел Таирову. Она стояла у диспетчерской и смеялась, объясняя что-то девушке в сером халате. Ему стало вдруг ужасно горько. Он переживает за нее, листает скучнейшие бумаги, а она уже забыла. И снова забудет — через неделю после суда.

— Что с тобой? Назима! — это кричит другая, в сером халате.

Он смотрел в сторону, мимо нее. Но боковым зрением он успел заметить открытые, очень бледные губы, и плечо — неестественно высокое, будто она хотела спрятать голову.

«Ее настроение тебя не касается», — уверил он себя. И в тот же день поехал в ПТК. Здесь резервуаров было еще больше. Документы другие, но в общем похожие.

Он полистал бумаги за май и, не дождавшись конца дня, вернулся в прокуратуру.

Тут его осенило: Женька. Он отыскал в записной книжке Женькин служебный телефон и позвонил. «Погосян в лаборатории, — сказал неприступный женский голос. — А это откуда?» «Из прокуратуры города!» — зло ответил Валерий и с удовольствием почувствовал, что тон сразу стал другим.

— Слушаю вас, — голос у Женьки растерянный.

— Во-первых, не вас, а тебя. Это Валерий. Во-вторых, звоню по делу. Нужно произвести анализ нефти.

— Ну... — Женька явно проглотил черта. — Какой анализ: количественный, качественный? На что?

— Пожалуйста, не глуши меня терминами. Анализ, по-моему, качественный. На что — пока сам не знаю. На что-нибудь такое... необыкновенное.

Трубка нахально расхохоталась.

— Поздравляю прокуратуру с новой классификацией элементов: обыкновенные и необыкновенные. А что такое?

— Не по телефону. Честное слово, нужно.

— Хорошо еще, что качественный... Ладно, волокит завтра. Привет!

...Женька повертел в руках бутылку с нефтью.

— Рассказывай.

— На одном заводе... — начал Валерий. Названий он избегал. За разглашение материалов следствия можно было здорово влипнуть.

— Ну тебя к черту, — сказал Женька беззлобно. — Тоже мне военная тайна. Завод я и без тебя знаю. Давай подробности.

Слушал он с интересом. Терял волосы — думал. Зажал нос в кулак и стал водить голову из стороны в сторону — признак напряженной работы мысли.

— Тебе повезло, — сказал он наконец. — Мой шеф, тот еще формалист, укатил в Ялту. А я тебе сделаю без бумаги, по дружбе. Ну, конечно, кружку пива поставишь — все-таки в неслужебное время.

— Об чем речь! Цистерну, резервуар...

— Не мешай. Анализ, надо думать, ничего не даст. Мы же понятия не имеем, что искать. Следовало бы моделировать схему контакта — понимаешь, заводская установка в миниатюре — и сунуть туда твою нефть.

Если все полетит к дьяволу, значит, эта девчонка не виновата.

— А это возможно?

— Теоретически возможно все, — философски заметил Женька.

Он схватил карандаш и на обороте какой-то ведомости изобразил эффектную схему. В центре ее были колбы, пробирки и трубки, летящие в сторону неизвестного гражданина с раскрытым от ужаса ртом. Видимо, это и был «формалист», Женькин начальник.

— Практически нужна бумага, — печально сказал Женька. — Хорошая, солидная бумага. Со штампом, с подписями. Дескать, так и так — просим собрать уставку и произвести... Ну, и на счет меня неплохо бы закинуть. Консультировались с научным сотрудником Погосяном... Люблю взрывы!

— Жень, а толк будет?

— Толк, конечно, едва ли, — честно признался Женька. — Видишь, с тех пор ни одного взрыва. Значит, так: условия возникли и исчезли. Почему возникли, почему исчезли — неизвестно. Может, случайно создалась большая концентрация этого икса, может, еще что... Переработчики правильно говорят: «Если час назад взял продукт из резервуара, скажи ему оревуар, до свидания...» А тут почти два месяца! Ладно, сделаю анализ и завтра звякну.

Ни завтра, ни на следующий день он не позвонил. А когда до него дозвонился Валерий, сказал неохотно: «Ну чего, все в норме. Стандарт. Взорвется? Обязательно. Если добавить парочку взрывчатых «Т». Скажем, тринитротолуол и тэн...

Ждать пришлось долго. Старая, обитая дерматином дверь жалобно ухала, впуская и выпуская посетителей. Своих, из прокуратуры, было мало. Все больше пожилые люди в шляпах: хозяйственники, бухгалтера. Из кабинета в приемную вползал дым, доходили сердитые голоса — разговор шел на высоких нотах. Дело явно не уголовное.

Валерию надоело ходить из угла в угол. Взял у секретаря газету, сел к окну. «В середине сезона. Футбольное обозрение». Статья была большая и, наверно,

интересная — в этой газете обозрение вел заслуженный мастер спорта, знаменитый в прошлом игрок «Спартака».

— Ко мне? — донеслось издалека.

— Да, — ответил голос секретаря.

Валерий с трудом оторвался от газеты. Прокурор стоял в дверях, улыбался.

— Входите.

Может быть, потому, что они вошли вместе, или от дыма, который теплым облаком висел в воздухе, кабинет показался Валерию не таким официальным. И прокурор держался проще.

— Вам не помешает, если я буду ходить? Очень хорошо. Ну-ну, пожалуйста.

Валерий заранее решил, что скажет. Без эмоций, только факты. Об анализе не стоит: результат отрицательный.

— Поработали вы неплохо, — мимоходом отметил прокурор. — Ничего нового? Так. Что же, надо передавать в суд?

— Как будто.

Прокурор спокойно продолжал мерить шагами комнату. Сказал, не оборачиваясь:

— Значит, нельзя передавать в суд.

— Почему? — схитрил Валерий.

— Потому что у следователя нет внутренней уверенности. А почему — это, надеюсь, вы объясните.

— Таирова не признает себя виновной.

— Знаю. Очень печально. Но одного этого мало. Она может честно ошибаться. Так бывает.

— Нет. — Валерий в нескольких словах объяснил.

— Все равно одного этого недостаточно, — стоял на своем прокурор.

— Но я ей верю, Гасан Махмудович...

Прокурор наконец-то обернулся. Сказал негромко:

— Вот это меняет дело. Вы были у эксперта?

— Был. Он считает, что возможно только одно — кроме, конечно, ошибки Таировой — неизвестная примесь в нефти. Я давал на анализ из резервуаров. Безуспешно. А мой товарищ... химик... говорит, что это ничего не доказывает, нужно проверить скважины...

Прокурор долго молчал. Устало махнул рукой.

— Погуляйте. Зайдите минут через сорок.

Полдень — самое пекло. Воздух тягучий и липкий.

Не идешь, а плывешь в парном молоке. Зачем это все? Поехать бы сейчас на море. Пешком до объединения, там на автобус—полчаса и пляж. Нужно «долбить» язык. Язык, язык. Хорошо, что Таирова говорит по-русски. Иначе пришлось бы с переводчиком: «Спросите, пожалуйста, она говорит правду...»

В подъезде прохладнее. Кажется, от тяжелых каменных стен тянет ветром. Интересно, что решил прокурор?

— Товарищ Джафаров просил подождать, — официальным тоном говорит секретарь.

В газете статья известного футбольного обозревателя. Удивительно, с какой серьезностью пишут обо всем этом. «Спартак» или «Динамо» — вопрос жизни и смерти.

— Бросайте газету. Едем к консультанту, — прокурор отдохнул, смеется. За кого болеете? Нехорошо. Не блещут? Правильно. Тем более надо болеть за своих.

Откуда у консультанта такой кабинет? Зал. Сдвинутые буквой «Т» столы. Вереница телефонов. Пульт, подсвеченный лампочками, — совсем как на заводе.

Хозяин — смуглый, большоголовый, одет превосходно (серый костюм, серые туфли, стальной галстук) — поднялся им навстречу. Долго жал руку прокурору.

— Это наш товарищ, Крымов.

Вежливо, но без особого интереса:

— Очень рад. Рустамов.

Посторонние могли бы догадаться и уйти. Ничего подобного. Посетителей становится все больше. Рустамов вызывает секретаря и просит никого не пускать. «Только по самым срочным», — поколебавшись, добавляет он.

Этих срочных, однако, много. Постоянно кто-то входит, кто-то выходит. Говорить о деле невозможно. Рустамов и прокурор обмениваются обычными вопросами: работа, семья, дети... В промежутках хозяин кабинета отвечает посетителям. Говорит он не повышая голоса, не приказывает, советует. При всем том ясно: он начальник.

И едва ли не главный в объединении. Ему докладывают о ходе добычи нефти. О бурении. О заводе, который срывает ремонт агрегатов. О нехватке труб. О катере, час назад ушедшем в море.

— Мы по делу, — пользуясь минутной передышкой говорит прокурор. — Валерий Петрович, расскажите.

— Пожалуйста, — подтверждает хозяин и берется за телефонную трубку.

Рассказывать невозможно. Кто-то вошел и стоит — ждет пока он кончит. Начальник кладет трубку и, задумавшись, берет две другие. Появляется секретарь и что-то ему шепчет. Начальник кивает.

— Продолжайте, — приглашает он. И прокурору: — Конец месяца, с планом не блестяще.

Слова приходят какие-то куцые, бледные. Здесь, в деловитой сутолоке планов, вопросов, дел, его сомнения кажутся игрой фантазии. Девушка, которая говорит правду и очень переживает. Возможно неизвестное явление. Состав нефти меняется, каждая скважина... Он спохватывается. Кому он объясняет, нефтяникам?..

— Да, да, — начальник кивает. — Постоянства нет даже в пределах одной скважины.

Снова звонит телефон, хлопает дверь. Валерий больше не может, ему душно.

— Так нельзя. Зря осудить человека! — Голос у него срывается. Это не шутка, понимаете!

— Понимаю, — медленно говорит начальник. — Это не шутка.

Лицо у него странное, отсутствующее. Рука снимает и кладет назад телефонную трубку. Отчетливо слышен щелчок — в кабинете очень тихо.

— Вы правы, это не шутка, — повторяет начальник. — Но хорошо, продолжим. Итак, вы допускаете, что взрыв вызван особой причиной: составом нефти или неизвестной примесью. Допустим. А как это обнаружить, вы думали? Ведь нам, собственно, пока не ясно, что искать.

— Можно собрать в лаборатории маленькую установку...

— Воспроизвести условия. А, Иван Христофорович?

— Пожалуй.

— Только это не моя идея. Евгения Погосяна из института переработки нефти.

— Их идея, у них и соберем. Договорись, Иван Христофорович?

— Отчего же, можно.

— Кстати, отметь, пожалуйста, еще одно. Пусть выяснят, какие резервуары питают установку, и дальше — чья нефть.

— Ясно.

— Али Ахмедович, дай команду: пусть на промыслах сделают выборку по скважинам. Которые вернулись в строй после 17 мая — в сторону. Все полегче. Кто будет обобщать?

— Крымов Валерий Петрович.

— Али Ахмедович, запиши: Крымов В. П. Предупреди на промыслах: материалы, документы, пробы... И вообще пусть помогут. Со временем туго? Ничего, попроси от моего имени.

— Благодарю, — прокурор поднялся.

— Рады стараться, гражданин прокурор, — начальник улыбнулся.

Он проводил их до двери. Выходя, Валерий услышал обрывки разговора.

— Как? — голос прокурора.

— Сомнительно. За четверть века моей работы не было ничего подобного. Но мы всячески поможем. И главное: воспитываешь правильно.

— Не я. Время.

В машине прокурор сказал, ни к кому не обращаясь:

— Товарищ, у которого мы были, вернулся домой в пятьдесят четвертом году. Издалека.

Солидность — первое, что он ощутил в установке. Два низких, прочно вклепанных в бетон цилиндра, массивные трубы, очкастые лица приборов. Установка занимала немного места, и потому большое темноватое помещение казалось пустым. Как будто здесь заранее приготовились к взрыву.

— Грохнет? — спросил Валерий.

— Будь спокоен. — Женькин голос дрожал от азарта. — Давай, тащи.

Валерий привез нефть с заводского резервуара, потом из ПТК. Испытания прошли спокойно, установка и не думала «грохать». Женька довольно хмыкал, он предсказывал это заранее.

— Гони из резервуарных парков, — сказал он весело. — Много их?

— Нужных шесть.

— Ясно. Нам вдвое легче, чем Остапу Бендеру. Стульев, как известно, было двенадцать.

И первая, и вторая, и третья пробы ничего не дали. — Это всегда так, — ворчал Женька. — Обязательно найдешь портсигар в последнем кармане. Ничего, шестая сработает.

— М-да, — сказал он мрачно, когда и шестая проба окончилась неудачей. — М-да, придется перекинуться на промысла.

Валерий вставал в пять, торопился на электричку. Ехать позднее не имело смысла, промысловое начальство исчезало на «объект». Найти его там было невозможно. Конечно, «лес вышек» — метафора. Леса нет, каждая вышка сама по себе. Но промысел занимал огромную площадь, и начальство имело привычку непрерывно двигаться: пешком, на попутных машинах, на тракторах, на трубовозках, даже на агрегатах для гидро-разрыва.

Он много читал. Дома — толстые книги по эксплуатации нефтяных месторождений, в электричке — брошюры о промысловом хозяйстве, о работе лабораторий, о мероприятиях: геологических, технических, геолого-технических...

Но в книгах, наверное, чего-то не было. И по документам, и на глаз (он пробовал их осматривать) скважины как будто ничем не отличались. Металлическая вышка. Неуклюжая махина, равнодушно отвешивающая поклоны — станок-качалка. Трубы и задвижки. Попробуй угадай, которая из этих сотен близнецов имела отношение к взрыву.

Скважины в его списке росли, как грибы. Выбирая, он мучительно боролся с ощущением, что именно эта, пропущенная, вызвала взрыв. Вписывал. С остервенением вычеркивал. Снова вписывал. В конце недели Женькин начальник сказал ядовито:

— Вы думаете, молодой человек, мы тут блины печем? Анализ требует времени. А у нас свой план. Если вы собираетесь испытывать нефть со всех скважин объединения, попросите организовать специальный институт. Через каких-нибудь десять лет...

— Все понимаю, — выслушав его, заметил прокурор. — Но нужно торопиться. Вы же знаете, сроки...

— Придется брать разрешение Генерального прокурора Союза?

— Уже запросили. Думаю, еще на месяц продлят, хо-

тя и не очень охотно, их тоже бьют. А дальше... дальше и над Генеральным есть прокурор — закон.

Эту ночь он почти не спал. Собственная судьба его не беспокоила. Человек он в прокуратуре случайный. Годом раньше, годом позже — все равно уйдет. Но подводить он никого не собирался. Для Генерального он, понятно, не фигура, отвечать будет прокурор. Просил продлить, объясняй. Прокуратура республики, союзная...

С начальником из объединения тоже не ладно. Все будет вежливо: «Не огорчайтесь, Гасан Махмудович, случается...» А подтекст: «Несолидно, товарищ прокурор, увлеклись фантазиями. С мальчишки какой спрос... Но вы?..»

И эта Таирова... Нервничает. И в глубине души надеется. Не вызывают — может быть, все кончено. Ничего не кончено, товарищ Таирова. Ничего. Наверно, вам просто не повезло со следователем. Для него нефтяные дела все еще темный лес. Не лес вышек. Настоящий, густой. Вроде Беловежской пуши.

Он проснулся с больной головой и с твердым намерением кончать. Как и что кончать, он еще не решил. Но этот день, 31 августа, должен стать переломным.

Он принял сразу две таблетки пирамеина, взял бумагу и быстро записал:

1. Обдумать дело.
2. Вторично допросить обвиняемую.
3. Принять окончательное решение («окончательное» он подчеркнул) и доложить прокурору.
4. Отдыхать.

Думать было трудно, в ушах шумело. И настроение было решительное: кончать сейчас же, немедленно. Он переставил второй пункт на место первого и поехал на завод.

В диспетчерской ему сказали, что Таирова больна, грипп. Он взял ее адрес в отделе кадров. На всякий случай — ехать к ней, конечно, не собирался. Вышел за ворота и вдруг понял, что план развалился, что делать ему, в сущности, нечего, а впереди долгий и мучительный день.

Надо кончать. Если бы не эта болезнь. допросил бы сейчас Таирову и... Ему уже казалось, что от допроса зависит все. Память услужливо подсказала, что именно он должен выяснить. Без этих сведений идти дальше невысказано.

«Ну, что же, — сказал он себе. — В конце концов следователь имеет право...» Но дело было не в правах. Ему просто необходимо было действовать. Он, как сжатая пружина, не мог не распрямиться.

Она жила в Крепости — в самом древнем районе города. Валерий долго плутал по узким, мощенным плитами переулкам, где дома по обе стороны улицы почти касались балконами, где мальчишки катались на самокатах у построек XIV, XV, XVI веков с табличками: «Памятник архитектуры. Охраняется законом».

Наконец, нашел. Маленький двухэтажный дом — не новый, но и не старинный. Вход был самый обычный: парадное, лестница, на двери номер квартиры и даже звонок.

Валерий позвонил. Открыла женщина, уже пожилая. Поздоровалась и, ничего не спрашивая, пригласила войти. Он оказался в небольшой, очень чистой кухне, разделенной занавеской.

— Зайдите, пожалуйста, — хозяйка открыла дверь в комнату. Она с трудом говорила по-русски, но это нисколько не мешало Валерию чувствовать, что гостей здесь любят и уважают. Если бы он был просто гостем...

— Мне надо видеть Таирову... Назиму Таирову.

— Извините, она немножко кашляет, — сказала хозяйка. Она чувствовала себя виноватой.

— Я из прокуратуры. По делу.

— Да-да...

Ни испуга, ни настороженности, ни суетливой любезности. Лицо такое же спокойное и ласковое. Не поняла?..

— Назима очень переживает. Она из села, далеко за Кировабадом. В город приехала, училась. Работает — такая радость. Это несчастье... Хорошая девочка, добрая. Племянница...

— Я вас прошу быть при разговоре.

— Да-да...

Назима сидела на низком стуле у печки. Когда он вошел, встала, положила книгу. С необычной для него наблюдательностью (пружина распрямлялась) Валерий увидел все: и похудевшее лицо, и зябкое движение плеч, и название книги — «Каталитический крекинг».

— Вы болели?

— Немного.

— Немного тяжело, — вздохнула женщина. Валерий понял: болезнь была серьезной.

— Может быть, мы тогда отложим? Вам трудно.

— Нет, — сказала она. — Пожалуйста, нет.

Женщина кивнула.

— Хорошо.

Вопросы были подготовлены заранее. Он не заглядывал в бумажку и не записывал ответы. Не забыл бы, даже если бы хотел. Это было его собственное дело.

Он попросил:

— Подумайте еще раз. Припомните. Не ошиблись ли вы с задвижками. Это очень важно.

И она старательно, по-детски, нахмурила лоб — вспоминала.

— По-моему — нет, — сказала она виновато. — Я же подождала, когда температура снизилась, и потом закрыла задвижку. И открыла правую... И уж совсем потом отошла, села, взяла журнал. Задумалась, вот не помню о чем, и сразу взрыв...

Валерий поднялся. Конечно, она говорит правду. Дело не удастся кончить сегодня. И вообще неизвестно, кончится ли оно когда-нибудь. По крайней мере обвинительного заключения он не подпишет.

Он вышел на бульвар. Прямо за пожелтевшей травой газона начиналось море. Мысли ясные. Этот взрыв, 17-го, явление уникальное, на протяжении десятков лет взрывов не было. Значит и скважина, которая его вызвала, должна быть необычной. Ну да, необычной. Скажем, глубже пяти тысяч метров — таких раньше не бурили. Или новая, с недавно открытого месторождения. Или, наоборот, очень старая. Случается, что промысловики возвращаются на нефтяные горизонты, которые эксплуатировались полвека назад. Тогда и крекинга не было... Итак, первое — скважина исключительная.

Второе условие. Вступить в строй она должна была незадолго до взрыва. Скорее всего, в этом году... Больше взрывов не было. Очевидно, вскоре после 17-го скважина перестала давать нефть, вышла из строя. Это третье. Очень хорошо. Скважин, которые удовлетворяли бы всем трем условиям, наберется, наверное, не так уж много.

Валерий хлопнул в ладоши. Хорошая или плохая, но это уже система. Вспомнил Левина: «Неизвестное нау-

ке — это же очень серьезно, это же чрезвычайно!» Стоп, не увлекаться. И все-таки лед тронулся, тронулся, господа присяжные заседатели...

Он научился экономить минуты. Знал наизусть расписание электричек, места остановок служебных автобусов, приспособился ездить на чем придется, даже на подводах. И все равно времени не хватало. Дни исчезали, просачивались сквозь пальцы, терялись в бумагах, в пробках, в беготне.

Он понимал, что до срока не успеет. А дальше? Выход был один: не думать. Вертеться в колесе ежедневных дел. Вставать в пять. Без четверти шесть выходить из дому. В электричке читать сегодняшние газеты и брошюры. На промысле — листать паспорта скважин, наблюдать за взятием проб. Везти очередную партию в лабораторию. Забегать или звонить в прокуратуру. Вечером — книги и центральные газеты, их приносят в конце дня. Ложиться и думать о чем-нибудь постороннем — скажем, о футболе. И засыпать.

Впрочем, по совести, все не так мрачно. С хитрым промысловым делом он как будто освоился. Может, поэтому девушки, берущие пробы, считают его своим. Вчера вечером Марутин, заведующий третьим промыслом, сказал: «Кидай свою бюрократию и иди ко мне оператором. Свежий воздух, простор. Оклад — не ниже, и премии, и будущее. Станешь мастером, кончишь заочно». Сказано было в шутку, а запомнилось — пожалуй, возьмет.

Но дела шли плохо. Давно и как-то очень уж быстро кончилась главная его надежда: глубокие скважины. Одну за другой он вычеркнул из списка скважины, пробуренные на новых площадях. Остались наименее перспективные.

Он просыпался ночью и лежал, мучительно тасуя в памяти номера скважин. Ему чудилось, что сеть, которую он забросил — частая, прочная сеть, — порвалась, и та, проклятая, скважина, ушла, выскользнула, как рыба. Он зажигал настольную лампу, брал до боли знакомые книги.

Но нет, ошибки не было. Рыба не могла уйти. И все-таки — Валерий чувствовал — она ушла...

Он освободился рано и решил съездить к Женьке. Последнее время они почти не виделись. Он попадал в институт поздно, когда лаборатория уже не работала, и оставлял бутылку у старика-сторожа. Старику было скучно. Растягивая беседу, он смотрел бутылку на свет, нюхал и, весело качая головой, говорил одно и то же:

— Опять «Юбилейный»?

Уже садясь в трамвай, он вспоминал, что вчерашние пробы остались в прокуратуре. Делать крюк не хотелось, но в этом деле он с несколько даже суеверным чувством избегал малейшей небрежности. Бутылок было всего восемь, и в сумке они чувствовали себя слишком свободно. Когда он влезал в троллейбус, бутылки так дребезжали, что на него стали оглядываться.

— Привет паукам-эксплуататорам! — встретил его Женька. — Баста! Сегодня кончаю в четыре, домой и в кино. Присоединяешься?

— А то в остальные дни трудишься до восьми...

— По крайней мере до пяти, иногда и до шести.

— Что-то не наблюдал.

— Ясно. Эксплуататорам не доставляет удовольствия видеть как на них гнут спины. Что принес? Нефть с горизонтов моей бабушки?

— Совсем наоборот.

— Ну-ну! — Женька заинтересовался.

Три дня назад на своем столе в прокуратуре Валерий нашел записку: номер телефона и короткая просьба: «Позвоните в объединение Рустамову».

Он удивился: что-нибудь случилось? Позвонил.

— Товарищ Крымов? Да-да., — мягкий, почти не искаженный телефоном голос показался давно знакомым, хотя Валерий слышал его лишь однажды. — Ну, как дела? Ничего нового? Расскажите, пожалуйста, подробно. — И еще несколько раз, пока он рассказывал: — Подробнее... Подробнее...

Потом трубка надолго замолкла: на той стороне провода думали, а, может быть, и советовались.

— Ход рассуждений верный, — услышал он наконец. — Если основная мысль правильна и такая скважина есть, вы должны ее найти. Только одно уточнение. Вы брали скважины, которые вышли из строя 17-го? Правильнее было бы с 10-го. Ведь проходят дни, прежде чем нефть попадает в резервуар. Скважина может выйти из строя, но нефть-то будет идти. Согласны?

— Да,—сказал Валерий.—Снова десятки промыслов, а где взять время?..

Но Рустамов учитывал, кажется, все.

— Вам одному будет трудно. Поэтому сделаем так. Поручим собрать данные. А завтра... нет, послезавтра... возьмете машину и объедете промысла. Договорились?

И вот эти бутылки.

— Неплохо придумано, — заметил Женька. — Эти самые? Давай поставлю отдельно. Мой шеф, кстати, опять в командировке. Часа два есть. Хочешь попробую? А вдруг...

— Пробуй, — вяло сказал Валерий. Он не притворялся. Все это уже было: и новые идеи, и надежды, и вечный Женькин оптимизм.

— Ого! С глубины в 6 километров, — Женька взял бутылку и довольно долго возился около установки. Вернулся, сел поудобнее.

— Что с аспирантурой?

Валерий махнул рукой.

— Скоро придется подавать в индустриальный...

— Идея неплохая. Специальность у тебя, прямо скажем, вымирающая. Вроде кучера. Только индустриальный не то. Надо на физический. Я сижу над анализами, а у Мишки Громова уже пара статей в «Успехах». Статья в «Успехах физических наук» это, знаешь, поважнее диссертации. А что ты решил с делом? Если, конечно, не сверхсекретно.

— Не знаю. Факт, что обвинительного я не подпишу.

— Выгонят.

— Буду драться. В общем, увидим. Я... погоди! Что-то щелкнуло! Может, предохранитель?

Женька прислушался.

— Чепуха, показалось. А предохранители, запомни, не щелкают. Они перегорают — тихо и мирно.

Все-таки он слез со стула и подошел к установке.

— Черт!

— Испортилось?

— Ничего подобного... Все нормально. Я скоро. Да возьми ты там что-нибудь, почитай.

Валерий лениво полистал книгу. Что-то очень специальное — по природе катализа. От нечего делать стал следить за Женькой. Тот возился с приборами: щелкал по крышке, смотрел на свет длинную зеленоватую лен-

ту. Отложил, взял новую. Валерий встал, прошелся по лаборатории.

— Чего ходишь? — сказал Женька нервно. — Садись.

— А что, мешаю?

— Нет, — Женька поморщился. — Сбиваюсь, когда смотрят.

— Ладно, закругляйся. Скоро четыре.

— Это почему?

— Ты же в кино...

— Ради бога, не мешай! — зашипел Женька. — Без тебя собоюсь.

Он взял бутылку («Ты же самую» — удивился Валерий) и залил в установку остаток нефти.

— Вот и все, — сказал он с облегчением. — А ты здорово похудел. И почернел. Целый день на солнце?

— Хватает.

— Ты «Иваново детство» видел? Технично сделано. Бабочка летит, садится — все слышно. Интересно, как это они... — Он вскочил и бросился к установке.

Валерий остался сидеть. Щелчок, как в первый раз. Может, чуть громче. Словно пробка вылетела из бутылки.

— Что случилось? Чего ты молчишь? Женька!

— Случилось, — сказал Женька. — Взрыв.

— Это взрыв?

— А ты что, хотел, чтобы пол-лаборатории разнесло? К опытам, опасным для жизни, посторонние граждане не допускаются.

— Скажи по-человечески...

— Да. Да. Да. Ясно? Пойдем, уже пять.

— Домой?

Женька презрительно фыркнул.

— Я, например, в лабораторию.

Зачем это нужно, Валерий не понял. Сейчас он вообще плохо соображал. Они спустились на первый этаж к сторожу. Женька взял ключи, поговорил о коньяке. «Значит, «Юбилейного» не будет? — старик почему-то вздохнул. Женька рассмеялся. Они поднялись опять на второй этаж. Вошли в лабораторию.

Женька зажег горелку, что-то поставил. Хотел снять и обжечься. Ругался, дул на пальцы. Белая жидкость бурлила, пенилась. Женька улыбался глупо и счастливо. «Перекись, — бормотал он. — Ацетилен... Аммиак...» Он сел и вытер платком пот.

— Неудача? Сначала ты ошибся? Да?

Женька дернулся в его сторону, бережно положил пробирку на стол. Бледно-розовые капли сочились из нее и падали на пол.

— Наоборот, удача, — сказал Женька глухо. — Большая, невероятная удача.

— Значит, она не виновата?

— Боже мой, о чем он думает! Я тебе говорю — успех. Не понимаешь? К этой нефти примешан сильнейший катализатор. Он ускорил реакцию крекинга в сотни, может быть, в тысячи раз. Сделал ее взрывной. Главное, он действует на самые различные вещества. Я проверил: аммиак, ацетилен, перекись...

— Подожди. Ты можешь доказать?

— Даже тебе... Разумеется, я могу доказать.

— И дать заключение?

— Конечно, институт даст заключение. Ты можешь ее выпустить, или взять на поруки, или порвать дело. Как угодно — она не виновата. А это природный катализатор очень сильного и широкого действия. Вероятно, вызовет переворот в современной... Ладно, скажем скромнее: ускорит многие процессы. Понимаешь значение?

— Чего ты привязался с этим дурацким: «Понимаешь?» Что я, идиот?!

— Уже лучше. Гораздо лучше. Сейчас пойду и позвоню, чтобы перекрыли скважину. А теперь... — он церемонно поклонился. — Теперь, коллега Крымов, позвольте поздравить вас с открытием.

ВАЛЕНТИНА ЖУРАВЛЕВА

БУРЯ

Барометр показывал бурю.

Это был старый морской барометр с массивной медной оправой и толстым, выпуклым, потускневшим от времени стеклом. Ирина случайно купила барометр шесть лет назад. Узкая, покрытая потрескавшимся лаком, стрелка уже тогда стояла на слове «Буря». В любую погоду, даже в самые тихие и безветренные дни барометр упрямо предрекал бурю. Это казалось Ирине отголоском жесточайшего урагана, заставившего стрелку навсегда остановиться на слове «Буря», подобно тому, как человек, переживший страшное потрясение, навсегда остается седым.

На оправе было четко выгравировано по-английски: «Отважным жаловаться не подобает». Барометр был стар, вдвое старше Ирины.

Когда-то Ирина мечтала о морских путешествиях. В глубине ее души незримая стрелка с детства показывала бурю. Но жизнь шла размеренно, без особых тревог и волнений. Вместо пронизанного океанскими ветрами капитанского мостика была тихая лаборатория Института экспериментальной медицины. Вместо штормов и кругосветных переходов — вежливые споры с профессором Байдалиным (он всегда легко уступал Ирине) и кропотливая работа над болеанализатором. Однажды она сказала об этом Байдалину. Профессор усмехнулся: «Ничего, Ирина Владимировна, ваш болеанализатор стоит

открытого острова. Большого острова — с горами, реками и кокосовыми пальмами... Спокойно работайте».

Барометр показывал бурю.

Был теплый осенний день. С утра прошел дождь, и теперь солнце старательно вылизывало лужи. В открытое окно втекал вязкий запах влажных листьев. Ветер стряхивал листья с деревьев, они медленно, нехотя кружились и падали на подоконник. Внизу кого-то утомительно отчитывал садовник — был слышен его глуховатый, бубнящий голос.

Ирина посмотрела в оконное стекло, поправила волосы. Стекло стирает морщины, молодит. Стекло лучше зеркала.

Сегодня — день ее рождения. Но все по-будничному просто. Утром профессор просмотрел энцефалограммы и ушел. Ирина осталась одна. Сразу стало грустно — без всяких, в сущности, причин. Она никак не могла сосредоточиться и долго разглядывала висевший над столом барометр. Потом отошла к окну. «Эх, балда ты, балда, — продолжал бубнить садовник. — Разве ж так надо срезать?..»

В коридоре слышались твердые, уверенные шаги. «Логинов! — обрадовалась Ирина. — Но почему так рано?» Она машинально оправила кофточку. Логинов открыл дверь. В руках у него был огромный букет белых хризантем.

— Поздравляю с днем рождения, Ри, — сказал он, целуя Ирине руку. — Ты сегодня такая... Нет, тут надо говорить стихами. А я принес только прозу.

— Спасибо, — тихо произнесла Ирина. — Кроме тебя никто не вспомнил.

— Ничего, немного терпения, коллега, — сказал Логинов. Как всегда, он был в отличном настроении, подтянутый, тщательно выбритый, улыбающийся. — Человечество еще будет отмечать твои юбилеи.

Ирине было приятно, что Николай пришел в новом сером костюме.

— Конференция уже кончилась, — сказала она, снимая приколотый к его пиджаку значок участника международной конференции биофизиков.

— Маститому ученому полагается быть рассеянным, — развел руками Логинов. — Помнишь, Трайнин говорил: «Коэффициент паганизма...» Да, мы говорили о юби-

леях Шутки шутками, а время это приближается. Угадай, что я принес?

— Цветы, — сказала Ирина. — Ты принес много цветов. Теперь нужна колба. А цветы — прелесть...

— Цветы—это цветы, как сказал бы наш уважаемый шеф. Есть и ягодки... — Логинов достал из кармана сложенный вдвое журнал, уселся на подоконник. — Ты становишься знаменитой, Ри. Вот, пожалуйста. Обзорная статья, а в ней... Вот: «Значительный интерес представляет болеанализатор, созданный молодыми учеными И. В. Соболевской и Н. А. Логиновым. Болевые импульсы, поступающие в мозг больного, этот прибор передает в мозг врача. Таким образом, врач сам чувствует боль пациента. Это существенно облегчает сложные случаи диагностики...» Ну, здесь уже детали. Как?

— Хорошо! — сказала Ирина. — Это редакционная статья? Хорошо...

— Еще не все... Закрой глаза. Так. Раз, два, три... Готово! — он достал из кармана еще один журнал. — Полюбуйся, статья Кричевского «Победа над болью». Правда, журнальчик популярный, но...

Ирина улыбнулась: день, начавшийся с грустных раздумий, был все-таки праздничным.

— А что там? — спросила она.

— Дифирамбы. Но я еще сам как следует не читал. Ну-ка... «Издавна люди испытывали страх перед болью. В устных преданиях, дошедших до нас из глубины веков, в древних мифах, записанных на каменных плитах, листах папируса, восковых дощечках и полуистлевших пергаментах, бесконечно повторяется неисчерпаемая тема боли...» Это он кого-то цитирует. Цитата — это цитата. Пойдем дальше. Ага, тут ближе к делу. «Боль носит защитный характер до тех пор, пока сигнализирует о грозящей опасности. Как только сигнал отмечен человеком и опасность устранена, боль становится излишней. Но человек не в состоянии по собственному желанию прекратить боль, когда она из друга превратилась во врага. Боль постепенно покоряет сознание. Она подчиняет мысли человека, расстраивает сон, дезорганизует деятельность различных органов...» Это спокойно можно пропустить. А вот и о нашей работе: «Для нормального существования люди нуждаются в болевой сигнализации. Но необходимо уметь вовремя освобождать организм

от сжигающей его боли, которая в любую минуту может из симптома превратиться в болезнь. В определенной степени эта задача решается замечательным прибором — болеанализатором, созданным кандидатом медицинских наук Николаем Логиновым и аспиранткой Ириной Соболевской». Ах, черт! Все напутал... Я же сказал ему, что твоя фамилия должна стоять первой. Идея болеанализатора целиком принадлежит тебе.

— Ну, какая разница? — возразила Ирина. Логинов протестующе взмахнул рукой, и она сразу уступила. — Хорошо, хорошо, допустим, идея моя. Но согласишься — идеями не лечат. Сама по себе идея не работает, ты понимаешь меня? Я могла что-то придумать, но осуществить... нет, без тебя у меня ничего бы не получилось!

Логинов пожал плечами. Ирина редко видела его таким — неуверенным, сомневающимся. Он как-то сразу погас.

— Да, — сказал он. — Без меня ты вряд ли построила бы эту штуку. Чтобы превратить слова в дело, надо кому-то что-то доказывать, кого-то в чем-то убеждать. Словом, согласовывать и увязывать. «Нет труда тяжелее, чем прокладывать дорогу». Так, кажется, сказано у Джека Лондона? И все-таки... вот, вспомнишь, потом скажут, он пристроился, а идея принадлежит ей. Люди запоминают только того, кто первым сказал «а»...

Ирина молчала, машинально перебирая лежащие на столе цветы. Она знала, что Николай прав: многие считали, что он «пристроился».

— Чепуха! — сказала она, наконец, с нарочитой беспечностью. — Нам дадут справку, что мы одновременно сказали «а». А справка — это справка, как сказал бы шеф.

Николай улыбнулся.

— Да, конечно... Что ж, вернемся к статье. Где это... «Болевой сигнал поступает по нервным волокнам в кору головного мозга. Возникающие при этом биотоки улавливаются болеанализатором, усиливаются и передаются на электроды, приложенные к голове врача. Происходит нечто вроде резонанса. Мозг врача как бы настраивается на те же импульсы, что и мозг больного. Теперь можно ставить объективный диагноз...»

Он бросил журнал на стол.

— Главные новости, Ри, я еще не выложил. Ты даже

не представляешь, как идут дела. Через месяц (пока это официально не объявлено) будет дискуссия по электронным методам в диагностике. Так вот: ты приглашена, готовь доклад.

— Я?! — испуганно спросила Ирина. — Нет, нет! Делай доклад сам. Я боюсь, честное слово!

— Ну, вот. Всегда так...

— Ты же можешь, — тихо сказала Ирина.

Логинов мог. Он мог все, у него все получалось. Он присоединился к Ирине, когда она испытывала первую модель болеанализатора. Это была полоса сплошных неудач. Байдалин отмалчивался, остальные не верили в успех и не скрывали этого. А Логинов сразу поверил. Он уговорил Байдалина объединить их темы и начал работать вместе с Ириной. В лаборатории Логинов показывался редко. Он был постоянно занят: доставал новейшую аппаратуру, приводил специалистов по электронике, улаживал конфликты с начальством. Без Логинова Ирина не сделала бы и четверти всей работы.

Полгода назад Николай защитил диссертацию. «Так легче отстаивать наш аппарат, — сказал он тогда Ирине. — Теперь очередь за тобой. Защищай». Но Ирина никак не могла закончить даже первую главу диссертации. Каждый день был до отказа заполнен работой над болеанализатором. Она не хотела думать ни о чем другом.

— Почему бы тебе не выступить? — спросил Логинов. — Надо привыкать.

— Нет, в другой раз...

— Ладно, еще есть время подумать, — Логинов соскочил с подоконника. — А теперь последняя новость. Шиманский едва не угробил наш болеанализатор. Ты же знаешь Шиманского: «Ах, врачу будет больно... ах, не гуманно...» Гуманисты!.. Сколько они напакостили! Хирургия — ах, больно! Прививки — ах, больно! Переливание крови — ах, больно!..

Логинов быстро ходил по комнате.

— Успокойся... Маститому ученому полагается быть невозмутимым.

— Не до шуток, Ри! Этот Шиманский... Представляешь, после всех ахов он хотел сегодня же поставить диагноз больному из своей клиники. Я просмотрел историю болезни — и ужаснулся. Это был бы конец для боле-

анализатора. Такой каверзный случай, сам черт ногу сломит. Адские головные боли, человек почти невменяем... Иди разберись! Я битый час уговаривал старика. Насилу уговорил.

— А если попробовать? — спросила Ирина. — Может быть, удастся...

Логинов остановился, удивленно посмотрел на Ирину.

— Ты говоришь ерунду, Ри. За успех один шанс из десяти. Будет неудача. И тогда поднимется крик: «Болеанализатор никуда не годится!..» Все полетит в тар-тарары...

Ирина поставила хризантемы в наполненную водой колбу, собрала упавшие лепестки, бросила их в окно. Ветер охотно подхватил смятые лепестки, расправил, понес в сторону, на асфальтированную дорожку, уже высушенную солнцем.

Логинов крепко взял Ирину за плечи. Повернул к себе. Она опустила глаза.

— Нужно слушать старших, Ри,— мягко сказал он. — Наша работа не раз висела на волоске. Неудачи, неудачи, неудачи... Начальство имело право потерять терпение. И вот теперь, когда все только-только налаживается... Это было бы авантюрой, понимаешь? Первое серьезное испытание на стороне — и провал. Как раз перед дискуссией! А я хочу на ней затронуть вопрос о создании специальной лаборатории. Ведь мы кустарничаем, теряем время. В институте должны серьезно заняться болеанализатором. Нужны штаты, оборудование...

Ирина подняла глаза. Логинов улыбнулся, отошел к столу, пощелкал ногтем стекло барометра. Наклонился, рассматривая свое отражение. Пригладил волосы. На столе лежали энцефалограммы, он перелистал их.

— Ты не подумал о человеке, — сказала Ирина.

Логинов отложил энцефалограммы.

— Подумал, Ри, подумал, — грустно сказал он. — Болеанализатор нужен многим больным. Он нужен каждому врачу. Как стетоскоп. Неудача отбросит нас далеко назад, дискредитирует саму идею аппарата. Пойми...

Он ходил по комнате и говорил — негромко, терпеливо, обстоятельно. Его доводы были весомы и непоколебимы. Он излагал их один за другим — так каменщик укладывает кирпичи, воздвигая крепкую стену.

Доводов было много, но именно поэтому Ирина чувствовала какое-то внутреннее сопротивление.

— И знаешь что, Ри? — сказал Логинов наконец. — Хватит об этом. Не нужно искать легких дорог в науке. Наука — это наука, как говорит шеф. Будем работать и... все. Ну, я прав?

Она кивнула.

— Вот и отлично! — он улыбнулся широко, открыто. — Ведь сегодня такой день... Твой день. Что мы делаем вечером? Приказывай.

— Не знаю. Что хочешь.

— Хорошо. Я придумаю. Мы устроим что-нибудь грандиозное, — он озабоченно посмотрел на часы. — Ого! Надо мчаться. Масса дел. Хочу переговорить с Вороновым, от него многое зависит. К тому же старик хозяйничает в редколлегии бюллетеня, а у тебя маловато опубликованных работ. До вечера, Ри! Я зайду в шесть. Как пишут в романах: сегодня я должен сказать тебе нечто очень важное...

Он ушел, по коридору проскрипели четкие шаги — и все стихло. Наступила пустая тишина.

Ирина стояла у открытого окна. Дул тихий, прогретый солнцем ветерок, но она вдруг почувствовала, что зябнет, и плотно прикрыла раму.

Она знала, о чем хочет говорить Николай. Она давно этого ждала. Знала, что ответит ему: «Да» — и все-таки волновалась.

— Надо думать о другом, — громко сказала она. — Думать о другом...

Она заставила себя вернуться к разговору, вспомнила доводы Николая. Но странное дело: сейчас, когда она не слышала его уверенного голоса, те же самые слова, те же самые фразы звучали совершенно иначе. «Это было бы авантюрой... Нужны штаты, оборудование... Нельзя искать легких путей...» Было так, словно она толкнула стену — и стена легко поддалась, оказалась ненастоящей.

Ирина прижала ладони к щекам. Щеки горели. «Но ведь это демагогия, — самая примитивная демагогия, — с удивлением подумала она и сама испугалась этих жестких слов. — Нет, нет, он просто не знает, он ошибается... Это легко исправить. Сейчас же, немедленно!.. Она побежала к столу, сдвинула ворох бумаг, закрывавших те-

лефон, схватила трубку. «Нужно успокоиться, — подумала она. — Подожду две минуты». Она смотрела на часы и не видела стрелку.

Телефонная трубка гудела деловито, успокаивающе. Ирина набрала номер. Отозвался безразличный женский голос: «Да?»

— Шиманского, — торопливо сказала Ирина. — Пожалуйста, попросите профессора Шиманского...

Позже, ожидая Шиманского и думая о случившемся, Ирина решила, что Николай по-своему прав. Неудача действительно помешает дальнейшей работе. Опыт может быть неудачным — это допустимо, даже закономерное. Однако здесь не опыт. И в случае неудачи трудно будет объяснить, что практическое опробование болеанализатора было вызвано особыми обстоятельствами. Кто-то поспешит объявить: «Двое молодых и неопытных работников — чего же ожидать?» И работа замедлится. Придется доказывать, оправдываться, убеждать...

«Разве Николай в этом виноват?» — думала Ирина. — Неудачные испытания всегда бросают тень на новый способ диагностики. Пусть несправедливо, но это так. Победителей не судят, да, да, а побежденных судят, судят несправедливо. Но Николай это выдумал... Но почему он не сказал: «К черту все соображения, надо помочь человеку!» Или болеанализатор нужен многим и нельзя — просто недопустимо! — рисковать?»

Только сейчас она заметила, что машинально вертит в руках значок, снятый с пиджака Николая. «Нет, он не забыл его снять, — подумала она, внимательно рассматривая значок. — Конечно, не забыл. Он никогда ничего не забывает. Носил... Маститый ученый, участник конференции...»

«Боль — сторожевой пес здоровья, — так говорили в древности. Веками — из книги в книгу — кочевало это изречение. Считалось, что боль благодетельна — она сигнализирует о болезни. Но постепенно люди приоткрылись к этому сторожевому псу. Он оказался взбал-

мошным, шальным, зачастую — злым, даже бешеным. Этот пес молчал, когда в организм проникали страшные враги — вирусы рака, бациллы проказы, туберкулеза... Он шаловливо вилял хвостом, когда разрушалось сердце, а потом вдруг поднимал отчаянный лай. Этот сторожевой пес по пустякам жестоко кусал хозяина. Казалось, он только ждет момента, чтобы вцепиться смертельной хваткой.

На панели болеанализатора, выше приборов, была установлена эмблема — собака в наморднике. «Пусть лает, но не кусается, — сказала как-то Ирина. — Надо надеть намордник». Логинов промолчал, а через неделю принес вырезанную из дерева фигурку. Ирина обрадовалась и долго подыскивала подходящее место на приборном щите болеанализатора. Собака была вырезана очень искусно — со злой, оскаленной мордой и маленькими красными глазами-бусинками. Когда в лаборатории зажигали свет, бусинки отсвечивали злыми багровыми искорками.

Официально аппарат назывался «Биотоковый резонансный болеанализатор». Ирина звала его Малышом. Этот Малыш занимал почти половину просторной лаборатории. На темном щите тремя рядами были расположены приборы. Малыш часто капризничал, приборы помогали находить и устранять неисправности.

Малыш любил тишину, поэтому в лаборатории не было окон, только невысокая дверь со звуконепропускаемой обивкой. Исследуемый больной находился в соседней комнате — малейший звук мог отвлечь врача. Ирина привыкла работать одна, в абсолютной тишине, и громкий, хрипловатый голос профессора Шиманского казался ей сейчас странным и неуместным. Шиманский долгое время был военным врачом и сохранил военную выправку. Рослый, с коротко остриженной крупной головой, уже немного грузный, располневший, он ходил вдоль панели болеанализатора и расспрашивал Ирину о назначении приборов.

— Ясно, — сказал он наконец. — Где прикажете поместиться?

— Вот здесь, пожалуйста, у регистратора биотоков, — ответила Ирина. — Я сяду в это кресло спиной к аппарату — свет приборов отвлекает, мешает сосредоточиться. Говорить со мной не надо. Но...

Она умолкла.

— Что «но»? — спросил Шиманский.

Он говорил с ней, как со студенткой, и она поспешно ответила:

— Это экспериментальная установка. Мы собирались ее усовершенствовать. Так, чтобы врач мог при необходимости уменьшить силу идущих к нему болевых импульсов. А сейчас... в общем, пока этого нет. Анализатор даже усиливает болевые импульсы; так было удобнее для опытов...

В серых, жестковатых глазах Шиманского промелькнуло что-то похожее на жалость.

— Послушайте, Ирина Владимировна, может быть, лучше, если я сам, а?

— Нет. Первый раз должна я.

— Да, без регулировки плохо, — недовольно проговорил Шиманский.

Ирина пожала плечами.

— Какая разница!

Шиманский удивленно посмотрел на нее.

— Я хотела сказать, что теперь уже поздно.

— Почему? — спросил Шиманский, пытливо глядя на Ирину. Она не ответила.

Шиманский не спеша прошел вдоль панели болеанализатора, остановился у эмблемы, негромко сказал:

— Надели на пса намордник... Романтика!

Ирина молчала.

А Шиманский думал о романтике. Когда-то она жила на морских пристанях. Там теснились парусники, пиратскими громадами громоздились бочки с ромом, мешки с кофе, связки сахарного тростника. А бородатые, смахивающие на пиратов, матросы продавали обезьян и рассказывали небылицы о чудовищных штормах и заокеанских странах... Потом романтика ушла на аэродромы, с которых взлетали первые самолеты — неуклюжие коробки из парусины, дерева и проволоки... Теперь романтика поселилась в лабораториях, конструкторских бюро, у пультов электронных машин...

— Да, Ирина Владимировна, странная это вещь — романтика! — сказал Шиманский. — Если присмотреться к тому, что мы делаем...

Ирина вздрогнула. Присмотреться! Это слово заставило ее вспомнить микроскоп. В микроскопе есть винт кремальеры — для грубой, приблизительной наводки

и микрометрический винт — для наводки точной, окончательной. «Я крутила только винт кремальеры, — подумала Ирина, — а если повернуть микрометрический винт...»

Она слушала Шиманского и ничего не понимала. Слова проходили стороной. Ирина думала о Николае. Ей казалось, что она повернула микрометрический винт, и изображение, еще мгновение назад расплывчатое и неясное, стало отчетливым и резким, видимым до мельчайших деталей.

Шиманский, наконец, заметил, что Ирина его не слышит. Он умолк на полуслове, кашлянул, затем сухо спросил:

— Начнем?

— Простите, — тихо сказала Ирина. — Да, конечно, начнем. Я только хотела спросить... этот человек... там...

— Его зовут Илья Дмитриевич Кабешов, — ответил Шиманский. — Осколок мины, наспех сделанная операция... и вот четверть века спустя... Старший сержант Кабешов Илья Дмитриевич. Второй Украинский фронт.

Ирина включила аппарат. Стрелки приборов ожили, качнулись вправо, задрожали. Свет в лаборатории погас, была освещена только панель болеанализатора.

Ирина медлила. Она прислушивалась к тихому гудению Малыша. Было нечто успокаивающее в этом едва слышном ворчании аппарата. В такие минуты он казался Ирине живым существом — умным, но строптивым. «Ну, будь молодцом, Малыш, — мысленно произнесла она. — Ты же не подведешь меня... И еще... — она покосилась на Шиманского. Ей не хотелось, чтобы профессор угадал ее мысли.— Не делай мне, Малыш, очень больно. Я немножко боюсь, ну, совсем немножко...»

Под оскаленной мордой деревянной собаки вспыхнула зеленая лампочка. Сестра сигнализировала из соседней комнаты: «Больной готов». Ирина молча надела шлем, туго стянула ремешок, поправила провода. Они напоминали расплетенную косу, их было свыше тридцати и они делали шлем тяжелым. Ирина села в кресло, откинулась, закрыла глаза.

Наступила темнота.

Откуда-то из глубины сознания на мгновение выплыло лицо Логинова, мелькнули спутанные, сбивчивые мысли — и ушли. Снова наступила немая, бездонная

темнота. Было такое состояние, как в минуты, предшествующие сну. Сна еще нет, мозг работает, но мысли уже становятся прозрачными, невесомыми, неуправляемыми. Они редуют и уходят...

Боль возникла внезапно, еще несильная, но острая, как укол булавки. Ирина наклонила голову, сжала руками подлокотники кресла.

Шиманский внимательно следил за регистратором биотоков. Два тонких пера чертили линии на разграфленной бумаге. Верхняя линия (она соответствовала биотокам больного) была изломанной, лихорадочно пульсирующей. Нижняя — сначала представляла собой прямую. Потом, когда Ирина надела шлем, возникли изломы, колебания. В них был определенный ритм, присущий биотокам нормально работающего мозга.

Внезапно этот ритм начал расстраиваться. Нижнее перо регистратора задрожало, вычерчиваемая им кривая стала пульсирующей, чистота колебаний резко увеличилась. Шиманский взглянул на девушку. Ирина сидела с закрытыми глазами. Слабый сиреневый свет приборов, падающий сбоку, делал ее лицо смертельно бледным. Шиманский подумал: «Девчонка, совсем девчонка» — достал платок и вытер неожиданно вспотевшее лицо.

...Боль усиливалась. Сначала она казалась какой-то внешней, посторонней. Ирина не могла бы сказать, где именно болит. Потом она уже знала — болит голова. Тупая, ноющая, пульсирующая боль медленно расползлась от затылка к вискам. Стало труднее дышать. Каждый вдох отдавался в голове жгучей, сверлящей болью.

Мелькнула мысль: «Ничего, так можно терпеть... Можно... Нужно...» И почти сразу же боль резко усилилась, стала нестерпимой. Ирина знала — наступит момент резонанса. Боль, до этого пробивавшаяся тонким ручьем, превратилась в широкий, яростный поток. «Плохо, — подумала Ирина. — Надо... как это... да, да... надо уменьшить масштаб боли... Чтобы врач мог слушать, спокойно слушать больного. Почему я не подумала о регуляторе раньше? Опыты, опыты, а теперь — настоящая боль...»

Ирина согнулась, онемевшие пальцы сжимали подлокотники кресла. Нахлынувшая боль была такой

большой, что Ирина уже не могла думать — какая она, где она. Лихорадочно билась мысль: «Надо вытерпеть... надо вытерпеть...» Потом, оттесняя эту мысль, возникла другая: «Как же он терпит?! Кабешов Илья Дмитриевич... Днями, неделями, месяцами...» Раньше Ирина ставила опыты с умеренной, лабораторной, как она говорила, болью. Настоящая боль отличалась от лабораторной, как тигр от кошки.

«Малыш, Малыш, — хотелось крикнуть Ирине, — не надо так...» Где-то на задворках сознания билась трусливая мысль: «хоть бы аппарат испортился...» Ирина заставила себя сосредоточиться, попробовала выпрямиться. Дышать было трудно, воздуха не хватало.

Боль, как вырвавшийся на свободу хищник, все глубже и глубже вонзала свои когти. И с поразительной, редко достижимой в опытах ясностью Ирина вдруг поняла, что это за боль. Диагноз был настолько прост, что она сначала не поверила. Теперь она внимательно прислушивалась к боли...

— Ирина Владимировна! — Шиманский держал ее за руку. — Как вы себя чувствуете?

Ирина не сразу поняла, что Шиманский выключил болеанализатор. Боль исчезла, и первые мгновения Ирина не могла думать, она просто переживала ни с чем не сравнимое чувство освобождения от боли.

— Я решил прервать опыт, — сказал Шиманский. Голос его звучал виновато.

Ирина быстро сняла шлем. Профессор видел — она улыбалась.

— Сергей Иванович, диагноз довольно простой. Острое воспаление черепномозговых нервов. По-видимому, началось с невралгии тройничного нерва, осложнилось вторичными явлениями...

Шиманский недоверчиво покачал головой.

— При невралгии тройничного нерва должна ощущаться пульсирующая боль. А больной на нее не жаловался.

— Это понятно, — возразила Ирина. — Боль перешла за пределы, при которых человек еще может ее точно локализовать и определить. Она стала слишком сильной, слишком длительной, вызвала другие боли, сопутствующие... Если хотите, вы можете убедиться.

Шиманский энергично кивнул.

— Добро! Так и сделаем.

Ирина помогла ему надеть и застегнуть шлем. Он сел в кресло, махнул рукой.

Свет Ирина не выключила. Она внимательно следила за выражением лица профессора. Седые, клочковатые брови его поднялись, лоб прорезала глубокая вертикальная складка, морщины под глазами начали подергиваться. Это наступала боль. Шиманский закусил губу, закрыл, стиснул глаза.

Ирина отвернулась к регистратору биотоков.

Впоследствии она часто вспоминала этот момент. С первого взгляда, мгновенно она увидела в двух вычерченных прибором изломанных, пульсирующих линиях удивительную закономерность. Эта закономерность была выражена настолько четко, что Ирина сразу забыла обо всем другом. Она забыла о больном, забыла о Шиманском — все ушло куда-то, остались две тонкие изломанные линии. Закономерность, поразившая Ирину, была очень простой: когда врач надевал шлем и настраивался на болевые импульсы исследуемого, тому становилось легче. Ирина еще не видела больного, но регистратор биотоков бесстрастно свидетельствовал: при работе аппарата пульсирующие, расстроенные биотоки мозга больного постепенно приобретали нормальный характер. Регистратор биотоков отметил это дважды: когда Ирина сидела в кресле, и сейчас, когда ее место занял Шиманский.

...Короткий звонок прорезал тишину. В этой абсолютной, напряженной тишине он показался Ирине оглушительным звоном. Она поспешно сняла с панели болеанализатора телефонную трубку. Говорила сестра, наблюдавшая за больным. Голос ее был откровенно удивленным: больной почувствовал облегчение и... заснул.

Ирина выключила болеанализатор. Шиманский встал, ремешок шлема не поддавался, у профессора дрожали руки.

— Вы правы, — взволнованно сказал он. Кашлянул, исподлобья взглянул на Ирину. Его беспокоило — так ли он держался во время опыта. — Вы правы. Это воспаление черепномозговых нервов. Редкая форма... Что с вами?

Только сейчас он заметил, что Ирина не слышит его.

— Что с вами? — повторил он.

Ирина вздрогнула, недоумевающе посмотрела на профессора. Он повторил еще раз:

— Что с вами? Что случилось?

Она молча показала на регистратор биотоков. Шиманский не сразу понял.

— Подождите, подождите... — бормотал он, вглядываясь в запись биотоков.

Ирина передала ему слова сестры.

Шиманский вытащил коробку папирос. Спичек не оказалось, он машинально похлопал себя по карманам, потом скомкал папиросу и сунул ее в карман халата.

— Понимаю, — хриловато сказал он. — Заставляя совместно работать мозг больного и мозг врача, мы распределяем одни и те же болевые ощущения на два мозга. Уже по одному этому больной должен почувствовать некоторое облегчение. Но главное... Да, конечно! Главное в том, что свежий, неистощенный болью мозг врача активно противодействует, борется, его силы еще неизрасходованы... Но ведь это открытие! И какое! Значит ваш аппарат можно применять не только для диагностики, но и для лечения. Скажем, при шоковых состояниях, как вы думаете?

Он внимательно посмотрел на Ирину и продолжал уже совсем другим голосом — негромким, спокойным.

— Я не люблю делать поспешные выводы. Но тут не может быть ошибки. Должен поздравить вас...

Ирина, не отвечая, смотрела на регистратор биотоков. Шиманский с досадой подумал: «Надо было сказать как-то иначе. Эх, сухарь, сухарь!.. Славная девушка...». Ему вдруг вспомнился Логинов, он поморщился «Такая девушка... и этот проныра! Нет, жизнь устроена глупо, глупо!».

Вслух он сказал:

— Вам надо собраться с мыслями...

Ирина медленно вошла в комнату. Машинально сняла халат, повесила у двери. На подоконнике стояли колбы с хризантемами. Ирина долго смотрела на цветы.

Она не думала, не могла сейчас думать. Сказывалось нервное напряжение, усталость сковывала мозг.

Она села на широкий подоконник. Прижалась щекой к нагретому солнцем стеклу. Приближался вечер — тихий, теплый, добрый.

Барометр над столом показывал бурю.

И. МИЛЬКИН

ИДУ К ТЕБЕ

Они встретились и полюбили друг друга.

— Ты большой и сильный, — говорила Женщина, — как викинг, только добрый. Ты какой-то очень дневной, голубой с золотом. Будто лежишь на земле и сквозь колосья смотришь в летнее небо.

Такой он, наверно, и был. Ей лучше знать.

Иногда его взгляд становился странно далеким; он смотрел на нее, а думал о чем-то другом. Но когда это проходило, Мужчина глубоко вздыхал, жадно смотрел вокруг, еще веселее смеялся и еще крепче целовал Женщину. И она прижималась к нему, запустив свои пальцы в его густые светлые волосы. Они смотрели в глаза друг другу и видели там так много, что это можно назвать только волшебным словом — *все*.

Женщина первой отводила взгляд, и губы у нее начинали дрожать и кривиться.

Мужчина был космонавт и скоро должен был уйти к далеким, чужим звездам. Это было его делом, его мечтой.

Сколько уже таких молодых, сильных ушло в Неизвестность... Нет, нет! Она уверена: он вернется. Вернется, но когда?

В сверхскоростном звездолете для него пройдут месяцы, а здесь, на земле, будут сменять друг друга века и поколения.

Звездолет вернется через много-много лет, планета станет еще лучше, люди еще красивей и мудрей, но ее уже не будет. Не будет! Женщина не могла примириться

с этим. Близкий, привычный, живой, как сохранить тебя?
Как удержать!

Она прятала лицо у него на груди и обнимала судорожно и цепко. Мужчина успокаивал ее: говорил что-то ласковое и укоризненное. Тогда она поднимала голову, улыбалась грустной извиняющейся улыбкой... и ничего не говорила.

Люди научились уважать Мечту.

И вот наступил день, когда они должны были расстаться. Мужчина крепко взял ее за плечи и, наверно, только сейчас поняв смысл очень старых стихов, медленно, раздельно произнес:

К тебе иду даже тогда,
Когда ухожу от тебя.

Простился он сдержанно. Но Женщина знала: так надо, так лучше, так уходили от своих любимых бойцы Великой Революции.

Она сразу взялась за резец и весь день, до самых сумерок, работала: она была скульптором.

Потом пришла первая ночь без него.

Женщина хмуро смотрела в хмурое враждебное небо. Вероятно, от набегавших слез звезды дрожали и расплывались, но ей казалось, что они насмешничают: пляшут и ехидно подмигивают.

Ночной ветер раскачивал верхушки огромных деревьев, и в шуме листвы Женщине слышались слова:

На что уж мы — могучи, долговечны,
А все равно и нас разрушит Время!

— Нет! — сказала Женщина, вытерла глаза и опять подняла их к звездам. Гордые, льдистые, они равнодушно смотрели на нее.

Утром она пошла к руководителю Совета Звездоплавания.

Робот-секретарь в приемной Совета спросил, известно ли ей, как занят тот, которого она хочет видеть. Женщина хотела сказать, что может подождать, но робот, видя, уловив что-то необычное, уже зажег в кабинете руководителя красную лампочку «срочно».

Когда она вошла в кабинет, немолодой холодноглазый ученый с морщинкой-горчинкой у рта, молча кивнул ей и указал на кресло.

Женщина объяснила ему, что ей нужно, обязательно нужно уйти к звездам и вернуться примерно в одно время с ушедшим вчера звездолетом.

Ученый не улыбнулся. Он поинтересовался, в качестве кого она хочет лететь.

Женщина немного смутилась, ответила, что она скульптор, математику воспринимает плохо, но... могла бы стать через несколько лет врачом или биологом.

Ученый внимательно посмотрел на нее и сказал:

— Многие стремятся в Космос. Вы должны доказать, что будете полезней тысячи других врачей или биологов. И еще учтите: вероятность возвращения звездолетца не абсолютна.

Женщина как можно спокойней ответила:

— Да, мне все известно.

Немолодой холодногозлый человек внимательней посмотрел на нее, встал и поклонился.

Люди научились уважать Любовь.

Потом он щелкнул рычагом, и одна из стен превратилась в голубоватый экран. На нем появилось изображение нашей галактики, маршруты звездолетов и сроки их запусков на несколько лет. Остановились на том, который отправится через четыре года.

...Все это время Женщина изучала новейшую медицину, и еще работала в своей мастерской. Наверное, ей было трудно.

Через три с половиной года она стала врачом, лучшим, чем тысяча других, и ушла к звездам.

Но работу свою закончить она не успела. Резец взяли другие руки. И спустя несколько лет в Большом городе, на самой большой площади, поставили прекрасную скульптуру из крепкой, как алмаз, пластмассы.

Бархатно-черная, слегка наклоненная назад стена рассечена трещиной. Из трещины вместе с пучком света тянутся к небу две человеческие руки, сцепленные в крепком пожатии.

Одна мускулистая и сильная, другая гибкая, тонкая и тоже сильная.

И хотя вокруг высятся громадные, великолепные здания, но такой монумент простоит на площади гораздо дольше всех этих зданий. Потому что все смертно: и деревья, и здания, и каждый человек в отдельности. И только вместе, только взявшись за руки, бессмертны люди, вечны их Дела и Любовь.

В. АНТОНОВ

ДВЕНАДЦАТАЯ МАШИНА

Конечно, двадцать первый век — это не двадцатый. Не спору. Но есть и свои минусы. Меня, признаться, иногда озадачивает обилие неожиданностей. Например, эта история с зеленым миром. Как-то утром встаю, открываю окно — и вижу, что все стало зеленым. Облака как облака, но зеленые. Прохожие как прохожие, но — зеленые. И вообще все позеленело. Непонятно.

Потом оказалось, что в Институте Неореалистической Эстетики (это в двух кварталах от моего дома) испытывали новую систему альфа-лиссергенции. Говорят, кибернетическая машина, регулирующая движение в нашем микрорайоне, едва не сошла с ума. Еще бы! Машине трудно понять, почему вдруг у всех светофоров со всех сторон огни становятся зелеными...

А через две недели, возвращаясь с репетиции, я обнаружил, что вода в реке течет в обратном направлении. Так сказать, повернула вспять. Сама по себе. У парапета стоит бородатый юноша и странно размахивает руками. Обернулся, заметил меня и говорит: ничего страшного, дескать, перепутали в расчетах знак, бывают ошибки и похуже.

Именно в этот день — я хорошо помню — мой друг Вадим сообщил, что у него появилась новая идея.

Мы сидели на веранде, и ничто не мешало беседе. Я люблю беседовать с Вадимом. Сидишь себе, не слушаешь и думаешь о чем угодно. Вадим этого не замечает.

Вадим о чем-то оживленно и долго говорил. Когда человек проводит рабочий день в обществе безмолвных роботов, ему просто необходимо поболтать. Я не мешал Вадиму. Но неожиданно я услышал нечто такое, что заставило меня насторожиться.

— Это будет совершенно новая машина, — говорил Вадим. — Ты даже не представляешь...

Я представлял. У меня было одиннадцать машин, построенных Вадимом. Одиннадцать совершенно ненужных, отчасти даже непонятных машин. Они занимали всю квартиру. Вместо кровати я вынужден был спать на киберархеологическом анализаторе. Вместо письменного стола я использовал электронное устройство, предназначенное для воспитания моих — еще не существующих — детей. В коридоре торчал громадный электронный шкаф, который, если не ошибаюсь, должен был регулировать конфликты с моей будущей женой. Другие машины были тоже в этом духе.

— Новая машина? — осторожно переспросил я.

— Да, — ответил Вадим. — Это будет шикарная кибернетическая штучка, автоматизирующая лигературное творчество. Представь себе...

— Минутку! — перебил я. — Зачем мне эта штучка? У меня уже есть одиннадцать штучек. Вполне шикарных. И потом я музыкант. Я не хочу быть литератором!

Вадим пожал плечами.

— Тебе надо лечиться. Ты глупеешь прямо на глазах. Машина нужна не тебе, а мне. Я толкую об этом уже полчаса.

Если машина нужна Вадиму — это другое дело. Вообще я — за кибернетику. Необходимо возможно шире внедрять кибернетику в быт.

— Это будет кибернетический критик? — спросил я.

Вадим пожелтел. Он всегда желтеет, когда злится.

— Тебе срочно нужно лечиться! Я же объяснял, дважды объяснял: не критик, а писатель. Кибернетический писатель.

На мой взгляд, целесообразнее автоматизировать критику. Во всяком случае, это проще. Но я не стал возражать.

— Важно найти принцип, — продолжал между тем Вадим. — Тут уже намечаются кое-какие соображения. Допустим, мы вводим необработанный рассказ в дика-

вентный инверсатор Даже не рассказ, а заготовку рассказа. Техническое задание на рассказ. Само собой пакуется, придется взять два дикавентных инверсатора. Обработанная информация пойдет в синтемодульное устройство. Понял, что у нас получится?..

Я выразил надежды, что получится нечто интересное и полезное. Поскольку машина предназначалась Вадиму, я считал пессимизм неуместным.

— Итак, информация поступает на синтемодули. Затем мы устанавливаем связь с блоками памяти и структурной лингвистики, — Вадим начертил в воздухе схему. — Сформируется система эксплинарных уравнений и...

Что должно было произойти с этими уравнениями, я не знаю, потому что снова перестал слушать Вадима. Впрочем, я не забывал время от времени вставлять «да», «разумеется» и «ого»!

Вадим не появлялся месяца четыре. Однажды я встретил на улице странную женщину. Сначала мне показалось, что это робот. Я хорошо помню то время, когда по улицам бегало великое множество человекообразных роботов. Потом, как известно, среди роботов началась эпидемия транспортного хулиганства, и горсовет запретил выпускать их на улицу. И вот, повторяю, мне показалось, что навстречу идет робот. Однако это была женщина. Издали она казалась мне похожей на известную киноактрису Жанну Дёмину. Когда же мы поровнялись, лицо ее мгновенно изменилось. Теперь это была вылитая Майя Савина!

Честное слово, я не знаю, как это делалось. Правда, я заметил тоненькие нити проводов: они шли от сумочки, проходили под рукавом, снова появлялись на шее и исчезали под пышной прической.

Я почему-то вспомнил Вадима. В этот момент я подумал, что ему уместно сделать свой возмутительный автомат. Увы, в двадцать первом веке для науки нет ничего невозможного.

Предчувствие никогда не обманывает меня. Дома меня ждал Вадим. Новая машина стояла на веранде. Она напоминала старинный буфет, поставленный на длинные, хилые ножки.

— Работает? — грустно спросил я.

— Да, — ответил Вадим. Голос у него был мрачный. — Познакомься, ее зовут Эльпигма.

Я не набросился на машину. Еще со школьных времен меня считали исключительно терпеливым человеком.

— Какие-нибудь... гм... непладки? — спросил я, сохраняя слабую надежду.

Вадим, стараясь не смотреть на меня, заверил, что все в порядке. Он объяснил, что это — подарок. Да, подарок. Он так и сказал. Оказывается, машину удалось построить сравнительно легко. Трудности возникли при наладке. Вадиму пришлось прочесть массу книг, изучить творчество многих писателей. Результат был несколько неожиданный: Вадим сам стал писать. Он стал писать раньше, чем закончилась наладка машины. Писал он без автоматике, но рассказы его печатались.

— Я не могу ее держать дома, понимаешь? — говорил Вадим, с неприязнью поглядывая на Эльпигму. — Что подумают в редакциях?! Скажут, что я пишу с помощью машины...

Эльпигма осталась у меня.

Я даже не пытался спорить. Мне никогда не удавалось переспорить Вадима. К тому же я вспомнил, что недавно открылась специализированная мастерская по приему от населения непригодных кибернетических устройств. Я угостил Вадима консервированными ананасами, и мы до поздна обсуждали открывающиеся перед ним новые творческие перспективы.

Утром я позвонил в мастерскую. Мне сообщили, что желающих сдать машины много, и попросили запомнить мой номер в очереди. Запомнить его было нетрудно — 33.339.

Тогда я позвонил в Музей кибернетики.

— Ничем не могу помочь, — сказал мне заведующий сектором Особо Нелепых Уникумов. — Мы только что получили крупную партию совершенно потрясающих экспонатов. Эпоха ранней кибернетики. Вам придется подождать, пока будет построено новое здание...

Черт побери, я не мог держать эту машину дома! Это была нахальная и дикая машина. На второй вечер она сбежала. Вадим зачем-то снабдил ее шагающим устройством. Не спорю, у меня не было особого желания ее разыскивать. Но ее нашли и вернули, пригрозив мне товарищеским судом за нарушение постановления горсовета.

Быть может, я и смирился бы с Эльпигмой, но она непрерывно говорила. Там, где у всех порядочных машин размещается ограничительное устройство, у Эльпигмы торчал блок свободы творчества. Машину нельзя было выключить. Она постоянно работала! В жизни я не видел такой энергичной машины. Она ловила слова — безразлично какие — и немедленно выдавала безукоризненную прозу. Если удавалось подслушать разговор, она превращала его в повесть или пьесу в трех действиях. Подслушав мой разговор с представителем горсовета, она разразилась потрясающей пятиактной трагедией.

Я уходил из дому чуть свет и возвращался в полночь. Я побывал в гостях у всех родственников, друзей и знакомых. Я навещал тех, к кому не заглядывал годами. Но стоило мне вернуться домой, как машина начинала говорить. Я пытался запереться в дальней комнате. Это не помогло. Проклятая машина сочинила за эти дни столько, сколько все писатели XX века, вместе взятые. Голос Эльпигмы, визгливый и дребезжащий, преследовал меня повсюду. Я стал замечать, что и сам начинаю говорить таким голосом...

Я человек терпеливый и ко всему привыкаю. Мог бы привыкнуть и к Эльпигме. Но время от времени с ней что-то происходило, и она начинала сочинять на церковнославянском языке или в сверхмодернистской манере. Это было выше моих сил!

И тогда я разозлился. Я музыкант и в технике разбираюсь слабо, но тут я решил действовать научно. Кибернетику можно осилить только кибернетикой, подумал я, и направился в Центральный Информаторий Системы Главной Памяти.

В огромном безлюдном зале сидела девушка и читала старинный роман «Граф Монте-Кристо». Ей было скучно, и она обрадовалась моему посещению. В течение двух минут мы запрограммировали вопрос четвертому хранилищу Системы Главной Памяти. Ни минуты не сомневаясь в могуществе Главной Памяти, я с волнением ожидал ответа.

— Не волнуйтесь, — участливо сказала девушка. — Она обязательно придумает. Но... вы понимаете... не сейчас. Зайдите месяца через два.

Девушка посмотрела на меня и быстро налила стакан воды.

— Вот, выпейте. Пожалуйста, не сердитесь. У нее, знаете ли, очень большая память. Семьдесят лет накапливалась информация. Она не может быстро, не сердитесь...

Я посмотрел на девушку, посмотрел на книгу и подумал, что графу Монте-Кристо пришлось ждать больше.

Но не успел я сделать и четырех шагов, как Система Главной Памяти ожила. За ее панелями, расположенными вдоль стен зала, послышался рокот. Замигали красные, синие и зеленые огни. На щитах вспыхивали и гасли надписи. Главная Память работала с такой энергией, словно все семьдесят лет она ждала моего визита!

Решение Главной Памяти было сформулировано с древнеримской лаконичностью: «Сдать в экспедицию № 172».

Потрясенный стоял я посреди огромного зала и думал, что Главная Память — выдающееся достижение кибернетики. Мне казалось, что, узнав о моих мучениях, она будет ругаться. Ведь Главная Память хранила, как бы это сказать, разные слова. При желании — ей было что сказать. Но она не ругалась. Она вежливо предложила сдать Эльпигму в экспедицию № 172. Все-таки двадцать первый век — это хорошо! Подумать только, столетие назад люди употребляли в таких случаях страшные слова. А тут вежливо и научно: «Сдать в экспедицию № 172».

Остальное было просто. Я дал знать Центральной службе перемещений, прибыл дежурный автоманипулятор и мгновенно убрал машину из моей комнаты. Конечно, я был в отличном настроении! Единственное, о чем я жалел, это об упущенной возможности сдать ко всем... виноват... сдать в экспедицию № 172 одиннадцать других кибернетических штучек.

Все-таки в XX веке было спокойнее. Техническая самодельность ограничивалась радиоприемниками и катамаранами. Не приходилось опасаться, что получишь в подарок дурно выдрессированного кибернетического слона...

Спустя два года я женился. Представьте себе, уже на четвертый день мне понадобилась электронная машина для объективного рассмотрения конфликтов с женой. Машина эта работала просто изумительно, и мы не раз с теплым чувством вспоминали Вадима. Да, я забыл

сказать, что незадолго до моей женитьбы он исчез, не сообщив нового адреса. Позже я узнал, что ему предложили творческую командировку на Марс и он сразу же вылетел.

Просто непонятно, как я раньше недооценивал технику! Ну, что бы я стал делать, не подари мне Вадим машины для воспитания детей? Это была незаменимая машина. Надо было видеть, с какой заботливостью следила она за каждым действием нашего первенца. А когда появился второй ребенок, машина прямо разрывалась на части, чтобы уследить за обоими.

Моя жена — очень занятой человек. Она участвовала в работе по крайней мере восьми комитетов, точно не знаю каких. Во всяком случае, спасение вымирающего подвида трапезиевидных панцирнокрылых на Венере было делом ее рук. Постоянная занятость жены могла бы плохо отразиться на семейном благополучии, если бы у нас не было специального автомата, регулирующего режим дня. Это была весьма пунктуальная машина. С точностью до одной миллисекунды она сервировала стол и вызывала нас. Она учитывала наши вкусы, словом, делала все необходимое.

Постепенно все машины, подаренные Вадимом, оказались нужными и прочно заняли место в нашей жизни. Когда я включал одиннадцатую машину (это было кибернетическое устройство для прививания любви к поэзии), я с некоторым сожалением вспомнил о машине, которую сдал в экспедицию № 172. Я подумал: а вдруг и она пригодилась бы в хозяйстве?

Вероятно, Эльпигма обладала способностью появляться в тот момент, когда о ней начинали думать. На следующий день она вернулась. Клянусь, я не узнал ее! Она возмужала, стала как-то внушительнее и уже не казалась неуклюжей. А главное — она перестала болтать! Теперь она говорила немногословно, веско, как человек, знающий цену своим словам. Даже голос у нее стал солидным и убедительным.

Машина появилась в тот вечер, когда по странному стечению обстоятельств мы сидели с Вадимом, вернувшимся из командировки.

Я не люблю, когда электронные машины мешают дружеской беседе. Но то, что мы услышали от Эльпиг-

мы, было невероятно интересно. До глубокой ночи слушали мы ее рассказы.

Вместе с экспедицией № 172 (оказывается, это была космическая экспедиция) она побывала на четырех планетах в системе Сириуса. Люди не могли там высадиться, а обычные кибернетические разведчики давали слишком мало информации. Их программировали ученые и инженеры, поэтому приносимые ими сведения были односторонни и суховаты. Представьте себе, скажем, встречу с неизвестным животным. Что может сделать обычная кибернетическая машина? Она, конечно, определит размеры, вес, классифицирует, опишет образ жизни — и все. То ли дело Эльпигма! Когда она, например, говорила о схватке с семирукими ипогаврами, кровь стыла в жилах!

— Ипогавры поджидали нас в скалах, — рассказывала Эльпигма. — Мы обнаружили их ультрафиолетовыми локаторами. Еще никто на планете не видел ипогавров вблизи, и информация — я хранила ее в сто седьмом блоке — измерялась миллибитами. Но мы пошли вперед. Мы двигались так тихо, как только могли. В ночной тишине прозвучал тревожно чей-то далекий крик — и снова все стихло. А потом кибер-разведчик МКР бросился вперед. Он храбрый, этот МКР, но дурак. Он не читал даже «Одиссеи». Не успел он добежать до каменного вала, как его схватили ипогавры. Я услышала отчаянный рев сирены и треск скручиваемого металла. Признаюсь, в этот момент моя электронная схема вздрогнула от страха. Липкая волна неуправляемой индукции сковала синхронные моторы двигательной системы. Это продолжалось стотысячную долю секунды, не больше. За это время я успела перечитать «Три мушкетера» и мой любимый роман «Правнуки Меркурия». Это наполнило меня уверенностью в победе. Включив эпсилон-ограждение, я медленно продвигалась вперед. И тогда над каменным валом вновь поднялись руки ипогавров. Они были гибкие, как щупальца осьминогов, и покрытые жесткой чешуей, как лапы крокодила. Они тянулись ко мне, выпуская лезвия когтей, и я видела...

Тут автомат для воспитания детей перепугался, и мне впервые пришлось его выключить. Только после этого мы дослушали рассказ Эльпигмы.

Да, Эльпигма показала, на что она способна! С тех

пор в состав космических экспедиций всегда включают писателей. Иногда живых, иногда кибернетических.

Вадим хотел забрать Эльпигму, но я ее не отдал. Правда, я не возражаю, когда он приходит по вечерам, слушает рассказы Эльпигмы и литературно обрабатывает их (отчего они, на мой взгляд, сильно проигрывают). Кое-что вы, видимо, уже читали. Всеобщую известность получили повести «Огненный куб», «Ошибка Петра Петрова» и роман «Планета без бурь».

Да, послушали бы вы, как увлекательно рассказывает Эльпигма о своих приключениях! Иногда мне начинает казаться, что она побывала не на четырех, а на сотне планетах. Дети безумно любят Эльпигму. С тех пор, как она вернулась, я так и не включал автомат для воспитания детей. Они стали удивительно прилежны: стараются заслужить уважение Эльпигмы.

Жена теперь почти нигде не бывает. Однажды — я сам видел! — она счищала пыль с Эльпигмы. Это впервые за все время нашей совместной жизни она не доверила такую работу автоматам...

Эльпигма находчива, как подобает космонавту. На днях мне пришлось включить автомат для выяснения отношений с женой, и он никак не мог разобраться в запутанной ситуации. Тогда Эльпигма начала рассказывать о нападении малиновых куру-куру, и автомат мгновенно умолк, а мы с женой забыли о ссоре...

Вчера мне звонили из мастерской по приему негодных кибернетических устройств: напомнили, что очередь моя подходит. Надо будет сдать им одиннадцать ненужных теперь автоматов. Ведь теперь с нами Эльпигма...

Г. АЛЬТОВ

МАШИНА ОТКРЫТИЙ

Человек стоял перед пультом.

На желтой пластмассовой панели была одна только кнопка, прикрытая выпуклым стеклом.

Человек долго стоял перед пультом, не решаясь сломать стекло и нажать кнопку...

Это — не начало рассказа. Читателю предстоит принять участие в следствии, притом несколько необычном.

Суть дела в следующем.

У каждого писателя-фантаста постепенно накапливаются идеи, которые не удалось использовать. Это отнюдь не «отходы производства». Нет, я имею в виду вполне доброкачественные идеи. Казалось бы, нет никаких причин, мешающих переложить эти идеи на язык фантастики. Но «переложение» не удается.

Конечно, научно-техническая идея еще недостаточна для создания рассказа или повести. Такую идею можно сравнить с авиационным мотором: сам по себе — даже запущенный на полную мощность, — он не сдвинется с места. Для полета нужны фюзеляж, крылья, органы управления. Допустим, все это есть. Самолет выруливает на взлетную площадку. Крылья мечты должны поднять в воздух тяжелый мотор. Но испытания заканчиваются катастрофой...

Почему?

В авиации расследование ведет комиссия. Писателю в одиночку приходится искать причины неудач. Я хочу рассказать об одном таком случае. Мне кажется, след-

ствие не только поможет ближе познакомиться с «технологией» фантастики, но и позволит заглянуть в будущее науки.

Я сказал — «следствие». Правильнее было бы применить другое слово. Речь идет об исследовании. Без кавычек.

1

Все началось с того, что я задал себе вопрос: какой будет наука далекого будущего, скажем, наука XXII века?

Чтобы ответить на этот вопрос, надо проследить развитие научного поиска. Тенденции здесь очевидны, выявить их нетрудно.

Начнем с **научного оборудования**. Тут явственно заметен постоянный и все убыстряющийся рост исследовательской аппаратуры. Первый микроскоп, построенный в 1677 году Левенгуком, представлял собой небольшую трубку с линзами. Высота современного электронного микроскопа превышает десять метров, а вес измеряется тоннами. Ту же тенденцию легко проследить и в развитии телескопа. Первый рефлектор Ньютона имел зеркало диаметром в 2,5 сантиметра. Длина телескопа была 15 сантиметров. Ньютон носил телескоп в кармане. Сейчас в Советском Союзе строится телескоп с шестиметровым зеркалом!

Быстрое увеличение размеров исследовательского оборудования — тенденция, общая для всех отраслей науки. Но особенно четко она проявляется в авангардной области современной науки, в физике. В 1820 году Эрстеду потребовались всего полметра проволоки и магнитная стрелка, чтобы поставить свой знаменитый опыт, приведший к открытию магнитного поля тока. Но менее чем за полтора столетия проволока, которую держал в руках Эрстед, превратилась в циклопические термоядерные установки и гигантские ускорители...

Размеры научного оборудования растут все быстрее и быстрее. «Сначала мы предполагали строить ускорители

тель, который придавал бы частицам энергию в 50 или 70 миллиардов электрвольт, — рассказывал академик Топчиев. — Знаменитый советский ускоритель в Дубне рассчитан на 10 миллиардов... Мы должны идти дальше. Но пяти-семикратное увеличение энергии теперь уже кажется маленьким. Нужно поднять энергию разгоняемых частиц хотя бы раз в сто. Значит, нужен ускоритель на 1000 миллиардов электроновольт!

В подобном сверхмощном ускорителе скорость частиц приблизится к скорости света... При таком разгоне частица, как и скоростной самолет, не сможет вращаться по маленькому кольцу. Орбита, радиус «разворота» частицы поневоле возрастают. Если ускоритель в Дубне имеет радиус кольца 30 метров, то здесь он около трех километров!»¹

Быстро растут и размеры вспомогательного научного оборудования. Первые маятниковые часы были не больше обычных «ходиков». Астрономические часы начала XX века представляли собой внушительный прибор почти в человеческий рост. Затем появились «кварцевые» часы, не уступающие по размерам шкафу. А для размещения механизма современных «молекулярных» часов нужно уже специальное помещение.

Характерная особенность: когда одно оборудование сменяется другим, принципиально новым, размеры сразу же, как бы скачком, увеличиваются. «Юные» радиотелескопы были крупнее «взрослых» оптических телескопов. «Новорожденные» электронные машины намного крупнее, чем «пожилые» механические счетные аппараты.

И еще одна особенность: производительность исследовательского оборудования (количество опытов, наблюдений, замеров в единицу времени) непрерывно увеличивается. В свое время Гершель направлял телескоп, пользуясь громоздкими лестницами, системой скрипящих катков и блоков. Рассказывают, что сестра Гершеля однажды упала с этих лестниц и сломала ногу... Современными телескопами-гигантами астрономы управляют, нажимая на кнопки.

«Производительность» исследовательского оборудования растет еще и потому, что увеличиваются точность

¹ «Неделя», 23—29 сентября 1962 г.

и скорость измерений. Сто лет назад выдержка при фотосъемке составляла 10 минут. Сейчас уверенно фотографируют явления, протекающие за миллионные доли секунды.

Увеличение производительности научного оборудования, естественно, вызывает сокращение времени, затрачиваемого на один эксперимент. Обычно эксперимент представляет собой цепь последовательных операций. Каждая такая операция раньше проводилась вручную или шла «сама по себе». Требовалось, например, несколько недель, чтобы отстоялись мелкие частицы, взвешенные в жидкости. С помощью современной ультрацентрифуги это осуществляется в течение минуты.

2

Я предупреждал, что мы ведем исследование. Это работа нелегкая, и я подозреваю, что читателю хотелось бы скорее перейти к фантастике. Скажем так.

Человек, стоявший у пульта, медленно оглядел комнату. Она была пуста. Бетонные, ничем не прикрытые стены — и больше ничего: ни стола, ни стула. Только массивная железная дверь рядом с желтой панелью. Из ниши в невысоком потолке светила яркая лампа...

Мы действительно скоро перейдем к фантастике. Пока же, коль скоро о ней зашла речь, отметим любопытное обстоятельство.

Стремительный рост научного оборудования почти не замечен фантастами. Как известно, герой романа Уэллса «Человек-невидимка» сделал свое открытие в домашней лаборатории: «Я пользовался двумя, небольшими динамомашинками, — рассказывает невидимка, — которые я приводил в движение при помощи дешевого газового двигателя»¹. Шестьдесят с лишним лет спустя герой повести А. Днепровы «Суэма» точно в таких же условиях создал электронное разумное существо: «...я начал работу над своей Суэмой дома... я стал приобретать материалы для будущей машины... по моему проекту была

¹ Г. Уэллс. Избранные произведения в трех томах, «Молодая Гвардия», 1956, т. 2, стр. 94.

изготовлена многолучевая электронная трубка в форме шара диаметром в один метр...»¹.

Нетрудно заметить, что фантастика здесь похожа на историческое повествование. Создатель сложнейшей кибернетической машины работает так, как, например, работал в конце прошлого века Рентген. «Для всего исследования, — писал об открытии рентгеновских лучей А. Иоффе, — почти не потребовалось сколько-нибудь сложных приборов: электроскопы, кусочки металлов, стеклянные трубки...»².

Фантастика опережает действительность, когда речь идет об итогах науки. Герои современных фантастических произведений совершают межзвездные перелеты, создают кибернетические машины, не уступающие по силе разума человеку, перемещают планеты с орбиты на орбиту... Но, если верить фантастам, и через несколько столетий ученые будут работать так, как они работали во времена Рентгена.

3

Вместе с увеличением размеров научной аппаратуры растет и исследовательское поле — минимальная «жилоплощадь», необходимая для размещения всего комплекса оборудования. Еще в конце прошлого века исследовательским полем был стол ученого. Через двадцать-тридцать лет физику нужна была уже лаборатория, состоящая из нескольких комнат и мастерских. Ныне исследовательское поле выросло до размеров настоящего поля (в первоначальном значении этого слова). Здание, в котором размещен синхрофазотрон на 10 млрд. электрон-вольт, имеет объем в 335.000 куб. метров. Эрстед получал ток от химического элемента, уместившегося в бокале. Синхрофазотрон питает электростанция, способная обеспечить энергией целый город!

Исследовательское поле (в физике) растет — если сравнивать с ростом оборудования — непропорционально быстро. Тут проявляется тенденция к использованию все более и более высоких потенциалов. Исследователю

¹ А. Д н е п р о в. «Уравнение Максвелла», стр. 69.

² А. И о ф ф е. «Встреча с физиками», стр. 22.

уже небезопасно оставаться рядом с прибором. Электронный микроскоп, например, создает сильнейшее рентгеновское излучение; поэтому управляют прибором на расстоянии, а изображение рассматривают на телеэкране.

И еще одна — исключительно важная — тенденция. Во времена Галилея требовались десятки лет, чтобы новое открытие стало известным широкому кругу ученых и — в свою очередь — было использовано для следующего шага вперед. К началу XX века период освоения новых открытий уменьшился примерно до года. В наше время этот период измеряется днями, а в наиболее важных случаях даже часами. Развитие телевидения и радио, укрепление контактов между творческими коллективами позволяют в принципе уже в самое ближайшее время сократить период освоения до нескольких минут.

4

Остается сделать полшага: вообще говоря, фантастическая идея уже наметилась.

Допустим, прошло полтора-два столетия. Исследовательское поле выросло настолько, что занимает всю поверхность планеты. Не Земли — она населена. И не Марса — а вдруг там живут марсиане? Пусть это будет Ганимед, спутник Юпитера, по размерам лишь немногим уступающий Марсу.

На поверхности Ганимеда расположены комплексы исследовательских установок. Размеры каждой установки измеряются километрами и десятками километров, а каждый комплекс (он включает «набор» установок, вычислительные центры, вспомогательное оборудование и электронные управляющие устройства) занимает площадь, равную, скажем, Московской области.

Кроме исследовательских комплексов, на Ганимеди находятся и производственные центры. Это гигантские автоматизированные мастерские, способные при необходимости быстро изготовить любое новое оборудование.

Единая (всепланетная) энергетическая система обеспечивает энергией исследовательские комплексы и производственные центры. В складах хранятся запасы сырья

(в частности, все химические элементы), металлов, пластмасс, стекла, типовых электродеталей и т. п.

«Командует» всем главный электронный центр. В его блоках памяти содержатся сведения, накопленные данной отраслью науки (и смежными отраслями). Он координирует работу системы взаимосвязанных исследовательских комплексов, вычислительных, производственных и энергетических центров.

Итак, на поверхности Ганимеда создана **Машина Открытий**. Эта машина, в сущности, представляет собой кибернетический аналог целой отрасли науки, скажем, физики. Надо добавить: физики будущего. Оснащенная мощнейшим исследовательским оборудованием, не разделенная ведомственными и иными барьерами, способная к молниеносному обмену информацией, лишенная присущей человеку инерции мышления и работающая круглосуточно, машина эта приобретает новое качество — **динамичность**. Путь, которой физика проходит за десятилетия, Машина Открытий пройдет в течение нескольких часов или дней.

Работать Машина Открытий будет так:

Главный электронный центр (назовем его «Мозг» — так проще) получит задание с указанием направления и желаемых результатов (например: исследовать явления при температурах, близких к абсолютному нулю, собрать новые данные о строении вещества и найти практически пригодные способы хранения энергии без потерь). «Мозг» выработает программу первого цикла исследований. Характерная особенность Машины Открытий состоит в том, что она работает по единой программе. Поэтому Машина Открытий сможет одновременно ставить большое число разных вариантов одного опыта. При таких условиях цикл исследования — от имеющегося уровня знаний до первого следующего открытия — будет весьма непродолжительным. Машина сделает новое открытие и на этой основе (**тут очень важный момент в цепи наших рассуждений!**) сама скорректирует программу исследований: повернет исследования в наиболее интересном, неожиданном направлении. Второй цикл пойдет по программе, которую человек, не зная сделанного в первом цикле открытия, мог бы и не предусмотреть.

Продолжительность циклов самая различная: от

миллионных долей секунды до недель и месяцев. В основном это зависит от соответствия оборудования направлению исследования. И еще от того, насколько быстро Машина Открытий сможет собирать новое оборудование, необходимое «по ходу дела». Иногда в течение нескольких секунд Машина Открытий будет проходить путь, на который «обычной» физике потребовались бы десятки лет. Иногда она будет останавливаться, поджидая пока автоматы (сами или с участием людей) соберут оборудование, «заказанное» для очередного цикла. Не исключено, что Машина Открытий, пройдя какое-то количество циклов, зайдет в тупик: исчерпаются принципы, заложенные в ее основе. Если бы машина, например, начала с опыта Эрстеда, она легко открыла и «освоила» бы явление магнитной индукции, вывела бы закон Ленца и пришла бы к уравнению Максвелла. Но, обнаружив внешний фотоэффект и вплотную подойдя к понятию квантов, Машина Открытий, построенная на основе классической механики, не смогла бы вступить в «сферу действия» теории относительности. Таким образом, время от времени людям придется переналаживать машину, в частности, учитывать достижения других наук.

Но это идеальный случай — мирная остановка машины, исчерпавшей свои возможности. Не исключено и другое: машина придет к «взрывоопасным» открытиям.

Допустим (в порядке мысленного эксперимента), что Машина Открытий имеет сведения, соответствующие физике начала XX века. Известна естественная радиоактивность. Открыты электроны и рентгеновские лучи. В блоках памяти Мозга есть информации о квантах и специальной теории относительности. Программа первых циклов сформулирована в самом общем виде: исследовать радиоактивные свойства химических элементов и попытаться получить искусственную радиоактивность.

Человек нажал кнопку. Машина Открытий начала работать. Оборудование на первых порах несложное — циклы стремительно следуют один за другим. Машина открывает изотопы у нерадиоактивных элементов. Она воспроизводит опыт Резерфорда и расщепляет атомное ядро...

Логика открытий при этом не обязательно совпадает с тем, что было в «обычной» физике. Например, пози-

троны обнаружены физиками при исследовании космических лучей. Машина Открытий, не имеющая понятия о космических лучах, скорее всего обнаружит позитроны при бомбардировке легких элементов альфа-частицами. Мезоны «обычная» физика также открывала, изучая космические лучи. Машина найдет мезоны с помощью ускорителей...

Наступит время, когда Машина Открытий осуществит цепную реакцию деления ядер урана. «Обычная» физика шла к этому более 30 лет. Я не знаю, во сколько времени прошла бы этот путь Машина Открытий. В фантастическом произведении можно было бы, например, сказать о двух неделях. Этот срок вряд ли вызвал бы внутренний протест читателя. Но если говорить «без фантастики», я думаю, что Машина Открытий проскочила бы этот этап за несколько секунд.

А вот что произошло бы дальше — трудно сказать. Машина Открытий не имеет систем защиты от неоткрытых еще явлений. Тут принципиально немыслима защита. Нажимая кнопку, исследователь не знает, с какой скоростью и куда придет Машина Открытий. Можно, конечно, время от времени прерывать ее работу и «вручную» контролировать безопасность. Перед первым паровозом шел человек, помахивая флажком, и дудел в трубу: «Берегись!..» Это плохой метод.

Значит, Машине Открытий предстоит работать без тормозов.

5

Это последнее обстоятельство, казалось бы, создает все условия для «организации» научно-фантастического сюжета.

Самое простое — построить сюжет на конфликте: «Бить (стекло, прикрывающее кнопку) или не бить?». Действительно, не так просто нажать кнопку, впервые пустив в ход Машину Открытий.

Человек посмотрел на часы. Он должен был нажать кнопку шесть минут назад. Сигналам нужно еще пять-десять две минуты, подумал он, чтобы дойти до Ганимеда.

Он прижал ладонь к стеклу и надавил. Трещины разорвали гладкую поверхность стекла, оно смялось, как целлофан. Через это, ставшее податливым, стекло человек нажал кнопку. Потом, осторожно вытащив осколок стекла, еще раз нажал кнопку и долго ее не отпускал...

Здесь и терпит крушение первый вариант сюжета: читатель с самого начала уверен, что человек нажмет кнопку. И действительно — люди не отступят. Они, конечно, примут меры предосторожности (например, будут включать Машину Открытий на расстоянии), но ничего не остановит человечество в его извечном стремлении к познанию тайн природы.

Логично (это разумеется, особая логика — фантастическая) возникает вариант: пусть это будут не люди. Предположим, на какой-то далекой планете космонавты обнаружили полуразрушенную Машину Открытий. Они еще не знают — что это такое. Сначала они надеются найти обитателей планеты. Но планета «заселена» лишь гигантскими исследовательскими установками, многие из которых даже известны людям. Изучая чужой мир, космонавты постепенно приходят к мысли, что перед ними — Машина Открытий. Ее создатели не решились нажать кнопку. А люди решаются!

Вероятно, это один из наиболее удачных вариантов. Тайна (большая и нешаблонная), постепенное ее раскрытие и связанные с этим приключения — все это интересно. «Подводит», в сущности, пустяк: можно не сомневаться, что наука придет к Машине Открытий задолго до первого межзвездного перелета.

Значит, надо все-таки говорить о Машине Открытий, которую построят люди. Быть может, просто приключения? Здесь множество вариантов, ведь машина может делать самые различные открытия. Приключения могут быть и веселые, и «страшные». Получив, например, безобидное задание исследовать свойства кристаллов, машина — после каких-то промежуточных открытий — свернет в сторону и вдруг начнет управлять ходом реакции в недрах Солнца...

Предположим, что трудности преодолены и все должным образом «увязано». Идея-мотор благополучно поднимает сюжет-самолет. Скорость быстро увеличивается... и снова катастрофа.

О барьере, вызвавшем эту катастрофу, надо сказать подробнее.

6

Жюль Верн четко разграничивал достоверное («научно-познавательное») от фантастики. Скажем, трое путешественников подлетают к Луне. Жюль Верн пишет: «Вот точное описание всего того, что видели Барбикен и его друзья с указанной высоты. Лунный диск, казалось, был усеян обширными пятнами самой разнообразной окраски. Исследователи Луны и астрономы по-разному объясняют окраску этих пятен. Юлиус Шмит утверждает...» И так далее. Казалось бы, при чем здесь Юлиус Шмит? Ведь путешественники должны видеть то, что никто до них не видел: им не мешает земная атмосфера, они летят на высоте менее десяти километров и у них есть телескоп! Но Жюль Верн «выключает» фантастику и добросовестно, сухо вато излагает имеющиеся у науки данные. С точки зрения литературы, здесь очевидный проигрыш. Повествование разорвано и к нему приклеен кусок научно-популярного текста. Но зато читатель получает знания.

Во времена Жюль Верна научно-популярная литература была крайне бедна. Читатели с радостью поглощали лекции, «вмонтированные» в текст романов. В наше время существует обширная научно-популярная литература, об итогах науки сообщают газеты, журналы, радио, кино, телевидение ..

Фантастика — в этом смысле (и только в этом смысле!) перестала играть роль распространителя знаний. Изменились и требования к литературной форме; фантастам пришлось отказаться от механического приклеивания лекций. Задачей современной фантастики все отчетливее становится изображение будущего человека и будущего человеческого общества. Фантаст перестает быть популяризатором и превращается в «инженера будущих человеческих душ».

В фантастике последних лет познавательные сведения либо вообще отсутствуют, либо находятся как бы в растворе — они замаскированы. Это повышает художественные достоинства произведения, но резко снижает ценность сообщаемых сведений. Уже нельзя отличить,

где кончаются данные науки и начинается фантазия автора. Вот сценка из современной повести. Герои разговаривают о Венере. Они крупные ученые и им, конечно, незачем делиться сведениями, имеющимися в школьных учебниках астрономии. Разговор ведется «на читателя». Автор снабжает читателя познавательными сведениями и одновременно «конструирует» такую планету, которая нужна для дальнейшего развития сюжета.

«— Да, гиря в один килограмм будет весить на Венере приблизительно 810 граммов...

— Вот видите... значит, передвигаться и переносить тяжести там несколько легче, чем на Земле. Прямые измерения температуры верхнего слоя облаков дают колебания от минус 25 градусов на теневой стороне планеты до плюс 60 градусов на освещенной... Известно, что там много углекислоты»¹.

Попробуйте угадать, что здесь научно (и потому имеет познавательное значение), а что придумано! По ходу повести героям придется переносить тяжелые грузы, поэтому сила тяжести на Венере заведомо снижена: один килограмм будет весить там не 810, а 850 граммов. Данные о температуре — совсем уже чистая фантастика. А вот углекислого газа на Венере действительно много...

Писатель, разумеется, имеет право создавать условия, необходимые для воплощения его замысла. Алексей Толстой, например, «создал» на Марсе почти земную атмосферу: он знал, что атмосфера там разреженная, но не мог надеть на Лося и Гусева скафандры, это все бы испортило.

Нет средств, которыми современный фантаст может «присигнализировать» читателю: вот здесь точные данные, а отсюда начинается фантастика. Подчеркиваю еще раз: в большинстве случаев этого и не требуется. Но как быть с идеей Машины Открытий? Ведь читатель, привыкший к свободному обращению фантастов с научными данными и фактами, может принять за выдумку даже приведенные выше совершенно достоверные соображения о росте исследовательского оборудования. А когда пойдет речь о самой Машине Открытий, даже искушенный читатель отнесется к этому, как к чистой выдумке...

¹ К. Волков, «Звезда утренняя», 1957 г., стр. 62.

Между тем, Машина Открытий — при всей своей кажущейся фантастичности — точное предвидение будущего. Единственное произвольное допущение — это сроки. Но и сроки можно уточнить.

Я попытался, основываясь на фактических данных о росте научного оборудования, подсчитать, через какое время наука придет к Машине Открытий. Получилось, что машина займет площадь, равную поверхности Ганимеда, не через 150—200 лет, а уже через полстолетия! Плюс-минус 10 лет..

И тогда я подумал: надо прежде всего просто рассказать о Машине Открытий. Ведь она будет!

Прошло почти два часа, пока ответный сигнал вернулся с Ганимеда на Землю. Машина Физических Открытий работала, и люди на Земле, Марсе, Луне и шести космических станциях следили за её работой. Задание было простое: исследовать кристаллическое состояние вещества.

Двое суток производственные центры на Ганимеде готовили аппаратуру. Затем начался первый цикл — он продолжался 11,3 секунды. Четыре минуты на подготовку нового оборудования — и второй цикл...

После седьмого цикла машина послала сигналы на Титан, спутник Сатурна. Включилась расположенная там Машина Астрономических Открытий. Четыре секунды спустя новые сигналы были посланы Машинам Открытий на Япет и Тефию. Это был первый опыт совместной работы всей системы машины, и люди напряженно ждали результатов.

Шел одиннадцатый день работы Системы, когда с наблюдательного пункта на Каллисто увидели взлетающий с Ганимеда блестящий шар диаметром около двух метров. Радио с наблюдательного пункта сообщило: «Шар удаляется... Вычисляем траекторию... Внимание! Внимание! Впервые получено вещество с отрицательной массой!..»

Опыт продолжался.

Н. ГЯНДЖАЛИ

**СОКРОВИЩА
СГОРЕВШЕЙ ПЛАНЕТЫ**

**НАУЧНО-ФАНАСТИЧЕСКАЯ ПЬЕСА
В 6 КАРТИНАХ**

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Экипаж звездолета «Рассвет»:

1. Профессор.	4. Нина.
2. Аяз.	5. Ами.
3. Рена	

Работники межпланетной научной станции:

6. Николай Юрьевич.	9. Жале.
7. Зоя.	10. Фатьма.
8. Гулам.	

Экипаж звездолета «Венера»:

11. Хаммерт.	14. Браун.
12. Бона.	15. Роберт.
13. Черри.	16. Джордж.

Жители планеты:

17. Зарруш.	22. Ребенок и другие.	
18. Арфа.	23. Шаррил.	
19. Дурр.	24. Террар,	животные
20. Эсва.	25. Бибия.	
21. Заррит.		

КАРТИНА ПЕРВАЯ

Гаснет свет. Со сцены слышны радиопозывные.

Диктор — Внимание! Внимание! Говорит бакинский космодром. Скоро начнется первый испытательный полет звездолета «Рассвет» в созвездие Центавр. Капитану корабля космонавту Аязу занять свое место. Бригаде по подготовке полета покинуть летное поле космодрома.

На темной сцене мигают звезды. Видны силуэты людей. В глубине сцены громадным силуэтом вырисовываются очертания нижней части звездолета. Постепенно светлеет. Космодром. Командир корабля Аяз выходит на сцену. За ним, помахивая провожающим, на сцену выходят профессор и Нина.

Профессор (Нине) — Осталось уже совсем мало.

Нина — Привет, Аяз!

Аяз — Здравствуй! Значит, добилась все-таки своего?

Нина — Разве профессор полетит без меня?

Профессор — Нина и Рена будут первыми ласточками созвездия Центавр.

Нина — Где же Рена? (Смотрит по сторонам. Указывает на зрительный зал). Идет.

Аяз — Ну, пора.

Диктор — Космонавт Аяз! Начальник космодрома вызывает вас к рапорту!

Аяз уходит. Нина и профессор идут в сторону корабля. На сцену поднимаются Рена и Ами.

Рена — Что случилось?

Ами — Дочь моя, семена всех растений, опыляющихся ветром и насекомыми, я собрал и упаковал. А теперь звонят и говорят, чтобы я обязательно положил еще семена бамбука. Говорю: дорогой мой, они меня не слу-

шают. А он мне в ответ: они ошибаются. Ты же ботаник, ты-то знаешь значение бамбука?!

Р е н а — Да разве семена этого растения так уж нужны?

А м и — А как же? Нужно думать и о плохом, чтобы достичь хорошего. Вдруг не будет так, как мы предполагаем, и вы попадете в такой мир, где будет недостаточно кислорода. Посеете эти семена (*показывает маленькие мешочки с семенами*), и через 10—15 лет этот мир превратится в рай.

Р е н а — Ну ладно, давайте, я отнесу, вы можете не успеть.

А м и — Нет, доченька, не надо. Лучше я сам, а заодно поговорю и с профессором. На корабле все имеет свое место и свое назначение.

Р е н а — А что это за цветы?

А м и — Розовая герань! Эти растения все время будут очищать воздух на корабле.

Р е н а — До старта осталось очень мало. Не успеешь, дядюшка!

А м и — Думаешь, я стар? Идем, идем. Сама увидишь как я обернусь!

Идут в сторону корабля. Появляются Аяз, Николай Юрьевич и вспомогательный персонал.

Н и к о л а й Ю р ь е в и ч — Значит, поддерживаем связь по установленному графику. Не забывай, что мы будем беспокоиться. Вовремя выходи на связь.

А я з — Будьте спокойны, Николай Юрьевич!

Целуются, обнимаются. Аяз поднимается на корабль. Через некоторое время он виден в иллюминаторе. Мы слышим его голос.

Товарищ главный конструктор, «Рассвет» готов к полету.

Николай Юрьевич и персонал оставляют стартовое поле.

Д и к т о р — Главный начальник бакинского космодрома дает разрешение на полет.

Долгая пауза.

А я з — Внимание! Взлет!

Звездолет «Рассвет» медленно взмывает в небо.
Сцена и зал погружаются во мрак.

Диктор — Внимание! Внимание! Передаем сообщение ТАСС. В соответствии с программой Международной ассоциации по астронавтике, девятого мая с бакинского космодрома в сторону созвездия Центавр отправился звездолет «Рассвет». Полет корабля будет длиться более десяти лет. По полученным предварительным данным корабль «Рассвет» движется по траектории, близкой к расчетной. Самочувствие всех пяти членов экипажа отличное. Аппаратура, установленная на борту корабля, функционирует нормально.

Пауза.

Внимание, внимание! Передаем запись песни «Среди звезд», которую члены экипажа корабля пели в космосе.

Земля гнездом для нас была*,
птенцами были мы,
наука крылья нам дала —
и в небо взмыли мы!
Пускай поэты воспоют
поэмой золотой
ученых наших славных труд,
сдруживших явь с мечтой!
Летим мы, гости всех планет,
в космической пыли...
Луне сияющей — привет
от матери-Земли!

Занавес.

КАРТИНА ВТОРАЯ

Научная станция наблюдения за полетом «Рассвета». На стенах портреты Циолковского, Гагарина, Титова и других ученых и космонавтов. Здесь — светящиеся атласы и карты южного полушария звездного неба, нашей солнечной системы и созвездия Центавр, телерадиофон, электронная машина-переводчик.

Николай Юрьевич, Зоя и Гулам стоят перед картой, отмечающей полет «Рассвета». Когда открывается занавес, мы еще слышим песню «Среди звезд».

Николай Юрьевич — Все живы и здоровы! Аппаратура работает точно. Мы вправе гордиться.

Звонит телефон. Гулам берет трубку.

* Стихи здесь и далее даны в переводе С. Соложенкиной.

Гула м — Алло!.. Да, Гулам Карагеззаде. Спасибо. Сию минуту. *(Николаю Юрьевичу)*. Николай Юрьевич, вас вызывает Москва.

Николай Юрьевич — *(в телефон)*. Алло! Здравствуйте, Иван Григорьевич. Благодарим вас. Очень хорошо... Да, моя статья напечатана в сегодняшнем номере. Что? И Хаммерт полетел? На каком корабле? На «Венере»? Понимаю. Все ясно. До свидания... *(Кладет трубку, нервно прохаживается.)* Хаммерт тоже летит в созвездие Центавр.

Зоя — Но как же так, Николай Юрьевич?

Николай Юрьевич — От них всего можно ожидать. Для них законы не писаны.

Телерадиофон — «Все прогрессивные газеты мира пишут о том, что союз Черри с реакционными учеными Хаммертом и Брауном является изменой делу мира. Говорит Анкара. Вы слушали последние сообщения со звездолета «Венера».

Гула м — Черри? Изменил делу мира?

Николай Юрьевич — Черри был прогрессивным ученым. Он отдавал все свои знания развитию передовой науки. Он так много сделал для выполнения программы международного общества по исследованию космического пространства и ближайших солнечных систем! Неужели он польстился на деньги, неужели он принес науку в жертву политике?

Гула м — Да, совесть хорошая вещь.

Телерадиофон — «Говорит Варшава. Как сообщают буржуазные немецкие газеты, Черри неожиданно заболел и отправлен в психиатрическую больницу, он находится в тяжелом состоянии, и к нему никого не допускают».

Николай Юрьевич — Шантаж.

Гула м — *(иронически, к телефону)*. Никого не допускают! Совесть!

Зоя — Стыдно, ты же ученый.

Гула м — Ты разве не слышала? Совесть хорошая вещь! Провокаторы!

Николай Юрьевич — Зоя, садись, подай радиogramму Аязу.

Зоя садится к телеграфной машине.

Звездолет «Рассвет», космонавту Аязу. За час до вас Хаммерт со своей экспедицией вылетел на звездо-

лете «Венера» в направлении созвездия Центавр. Включите аппарат номер три. Надо определить направление полета «Венеры». Вполне возможно, что «Венера» направляется на четвертую планету звезды Альфа созвездия Центавр. Вам нужно преследовать «Венеру». Однако будьте осторожны.

Г у л а м — Почему они так делают?

Н и к о л а й Ю р ь е в и ч — У треста Хаммерта может быть только одна цель — покорить четвертую планету Альфы.

Телерадиофон передает радиogramмы на французском, турецком и английском языках. Гулам подключает к телерадиофону переводящие аппараты. Мы слышим радиogramмы на иностранных и на русском языках.

Б а к у — Институт астронавтики, академику Николаю Юрьевичу Светлову. Поздравляем вас и членов экспедиции с успешным полетом звездолета «Рассвет». Копенгаген. Главный секретарь Международного общества по изучению космического пространства и ближайших солнечных систем. Тута Андерсен.

Б а к у — Институт астронавтики. Преклоняюсь перед учеными, сконструировавшими звездолет «Рассвет». Целую. Желаю космонавтам долгих лет жизни. Анкара, космонавт Догрул Каплан.

Н и к о л а й Ю р ь е в и ч — Зоя, передай все эти радиogramмы Аязу. Приятные вести поддерживают человека.

За кулисами слышится звонок телефона. Николай Юрьевич проходит в свой кабинет. Зоя передает радиogramмы.

Г у л а м — Зоя, не забудь передать Нине мой искренний привет.

З о я — Твоя душа летит с Ниной вместе.

Г у л а м — В восторге мир не сводит глаз.
с возлюбленной моей...

Средь ярких звезд она сейчас
сама — всех звезд ясней!

З о я — Опять ты в поэзию ударился. Забудь о Нине. Десять лет туда, десять лет обратно. Когда она вернется, тебе будет больше пятидесяти лет.

Г у л а м — Вернется Нина молодой
с заоблачных высот, —

и вдруг ее твой друг седой
женою назовет!
Тебя на свадьбу в добрый час
мы позовем тогда,
и с удивлением на нас
ты поглядишь...

Да-да!

Зоя — Как бы не так! Ты думаешь, Нина вернется и выйдет за тебя, старика? *(Звонит телефон, Зоя берет трубку.)* Алло, как то есть пропал? Со вчерашнего дня? Может быть, он в саду? Вы везде искали? *(Гуламу)* Гулам, ты не встречал садовода Ами?

Гулам — Я видел его во время проводов Рены.

Зоя *(в телефон)* — Гулам тоже только вчера видел. А вы звонили в больницу? И там нет? Ну, хорошо, пока. *(Она кладет трубку. Загорается зеленый глазок телерадиофона.)*

Гулам — Вызов!

Зоя выбегает за Николаем Юрьевичем. На большом экране телерадиофона появляется изображение всех членов команды корабля, кроме Ами. Входят Зоя и Николай Юрьевич.

Профессор — Здравствуйте, мои дорогие. Как видите, мы живы и здоровы.

Аяз — Все приборы работают точно и исправно. За нас не беспокойтесь.

Николай Юрьевич — Профессор, вас приветствует весь мир. Мы все приветствуем вас.

Аяз — Радиogramмы мы получили.

Профессор — Все ясно. Николай Юрьевич, ваши поручения будут выполнены.

Зоя — Как вы себя чувствуете, профессор?

Профессор — Спасибо, Зоя.

Гулам *(машет Нине на экране)*. Нина!..

Нина — Будь здоров, Гулам!

Гулам — Мы ждем с нетерпением!

Аяз — Зоя, передай от меня привет Жале.

Зоя — Хорошо, Аяз, хорошо.

Николай Юрьевич — Профессор, не забывайте нас, ждем ваших радиogramм.

Профессор — Разве можно забыть вас и Родину? Целуем всех.

Николай Юрьевич — Счастливо.

Машут друг другу, экран гаснет.

Николай Юрьевич — Самое меньшее—двадцать лет. Доживу ли я до этого дня? До две тысячи двадцать пятого года? *(Выходит. За стеной слышен голос Жале: «Пустите, я вам говорю. Я буфетчица космодрома!». Входит Жале с газетой в руке).*

Жале — Привет, где Николай Юрьевич?

Зоя — Жале, если бы ты пришла на минуту раньше, то увидела бы Аяза.

Жале — Ты мне скажи, где этот уважаемый ученый?

Зоя — А что такое?

Жале — Ты читала статью?

Зоя — Читала.

Жале — Смотри, что он пишет. *(Читает.)* «Согласно теории относительности Альберта Эйнштейна, в каждом теле, летящем с субсветовой скоростью, время сокращается. Следовательно, наши герои, летящие на корабле «Рассвет», вернутся через двадцать лет на Родину примерно в том же возрасте, в каком они вылетели».

Жале смотрит на Гулама.

Гулам — Что ты смотришь, я не понимаю?

Жале — А мне понятно теперь, что Аяз, который улетел отсюда двадцатичетырехлетним, через двадцать лет вернется таким же молодым человеком. А я эти двадцать лет должна сидеть и смотреть в небо в ожидании своего возлюбленного? Когда он вернется, я буду сорокалетней старой девой.

Гулам — Если ты это понимаешь, то ты просто молодец.

Зоя — Ты ждешь возлюбленного, Жале!

Жале *(иронически)*. — Возлюбленного! Разве он женится на мне после возвращения?

Гулам — Сама виновата. Училась бы в этой области, тоже полетела бы с ним.

Жале — Я? Да если бы на корабле было бы лишнее место, ты бы сам полетел. Можешь быть спокоен, когда они вернутся, тебе будет за пятьдесят лет. И твоя двадцатипятилетняя Нина не станет смотреть на тебя.

Зоя *(шутя)* — Может быть, вы не станете ждать возвращения Нины и Аяза и поженитесь?

Гулам — Вовек я клятвы не нарушу, пока я жив, я буду ждать ее!

Жале — Скажите пожалуйста. Думаешь, я так и пошла за тебя?

Входит Николай Юрьевич.

Николай Юрьевич — Жале, добро пожаловать!

Жале — Спасибо, Николай Юрьевич. Скажите, здесь все верно написано?

Зоя (*держит ее за рукав*). Как тебе не стыдно, ну, конечно, верно.

Николай Юрьевич — Ты имеешь в виду так называемый парадокс времени? Да, безусловно, это так.

Жале — Спасибо, Зоя, если ты еще раз будешь говорить с Аязом, передай, пожалуйста, пусть он возвращается из своего созвездия с женой и детьми. Я не могу двадцать три года жить без семьи. (*Уходит*).

Николай Юрьевич — Видите, есть и такие.

Гулам — И такие есть, и такие есть, Николай Юрьевич. (*Ударяет себя в грудь. За сценой слышен голос Фатмы: «Пусти я тебе говорю, когда я работала на этом космодроме, тебя еще на свете не было. Что это за неуважение к пенсионерке? Пусти!» Она появляется на сцене*).

Фатма — Дорогой мой, что же это такое? Где он, где этот уважаемый ученый?

Гулам — Фатма-хала!

Николай Юрьевич — Я слушаю, Фатма-баджи.

Фатма — Я погибла, дорогой ученый. Вчера он ушел из дому и до сих пор не вернулся. Что это такое? Этот старик-ботаник твой садовод или нет?

Николай Юрьевич — Как это не вернулся?

Фатма — Не вернулся, и все!

Зоя — Николай Юрьевич, мы справлялись во всех организациях. Звонили даже в центральную больницу. Его нигде нет.

Гулам — Зоя, может быть, он в милицию попал?

Фатма — Послушай, что мой муж — хулиган или вор? Ты на свой аршин не мерь!.. Знай, что говоришь!

Николай Юрьевич — Успокойтесь, пожалуйста!

Гулам — Тетушка, зачем же вы сердитесь? Ну, пропал он...

Фатма — Послушай, что мой муж — курица, чтобы пропасть?

Николай Юрьевич — Фатма-хала...

Ф а т ь м а — Нет, я вас спрашиваю, такой большой мужчина — курица?

Н и к о л а й Ю р ь е в и ч (*берет Фатьму под руку, вводит в комнату*). Войдите сюда.

З о я — Заходите, тетя Фатьма, успокойтесь. Он никуда не денется.

Загорается зеленый глазок телерадиофона. Гулам настраивает его.
На экране появляется изображение А м и.

Г у л а м — Ами, тетя Фатьма, Ами, Ами!

Услышав голос Гулама, Н и к о л а й Ю р ь е в и ч, Ф а т ь м а и З о я возвращаются.

Ф а т ь м а — Киши, где ты?

Г у л а м — Летит в небе.

Ф а т ь м а — Где ты?

А м и (*находясь в состоянии невесомости, плывет по воздуху*). На орбите... Фатьма, я провожал Рену. Заглянул в корабль, а он оторвался от земли, я свалился в кухню. Береги себя. Прощай.

Ф а т ь м а — Послушай, ты болен? Что ты такое говоришь?

А м и — Фатьма, да кружиться мне век по твоей орбите. Видишь, вот, лечу... Не волнуйся, береги себя. Кто знает, через двадцать лет...

На экране вспыхивает цветная радуга, свет гаснет. Все встревожены. Гулам хватается за ручку приборов.

Г у л а м — Николай Юрьевич, посмотрите на приборы.

Все встревоженно смотрят на приборы.

Н и к о л а й Ю р ь е в и ч (*выходит вперед. Обращаясь к залу*). Поток высокозаряженных частиц. Вы знаете, что такое попасть в речной поток или быть застигнутым бурном в степи или штормом в море?

Пауза.

Ф а т ь м а — Николай Юрьевич, почему мой старик погас? А? Дорогой ученый, почему он погас?

Занавес.

КАРТИНА ТРЕТЬЯ

Вид летящего корабля «Рассвет» в профиль. Корабль условно разделен на кабину и комнату. В кабине — разные приборы, часы и большой экран. В комнате немного просторнее. Здесь, обращенный к зрителям, установлен экран телерадиофона, на стене висят освещенные электрическим светом макет солнечной системы и карта созвездия Центавр. Одна дверь комнаты открывается назад. Из иллюминаторов кабины и комнаты видны звезды. Все спят. За пультом управления профессор. Он встает, прохаживается. С большой грустью смотрит на спящих и поворачивается к зрителям.

Профессор — Разве можно столько летать?! (*Поворачивается к спящим.*) Какие вы все смелые и терпеливые люди — настоящие герои!.. Если бы мы не попали в беду, то уже давно бы достигли созвездия Центавр. (*Снова подходит и садится за пульт. Иногда смотрит вперед. Корабль затемняется и через некоторое время снова освещается. Уже за пультом сидит Нина, Аяз лежит на койке. У всех на лице печаль. Профессор, облокотившись на иллюминатор, о чем-то думает. Нина, опустив голову, сидит в стороне. Грустная музыка.*)

Нина — Земля!.. Земля!..

Профессор — Не пытайся, дочка. Наладить связь с землей невозможно.

Рена (*Подходит к профессору*). — Продукты кончились. Все голодны.

Аяз — Надо перейти на высококалорийные химические таблетки.

Рена (*раздает таблетки членам экспедиции, обращается к Ами*). — Эта таблетка равняется по калориям 200 гр. мяса.

Ами — Я по цвету вижу. Эх, а как хочется кебабума, шашлыкнума... Это же — бозбашиум!¹

Все смеются. Рена заменяет таблетку Ами другой.

Аяз — Если бы не было с нами Ами, то мы бы, наверное, умерли. (*Пауза.*) Мне тоже дай одну такую.

Ами — Что ты хочешь? Хаишилиум или хингалиум? Если бы я был молод, принял бы кебабиум.

Рена дает ему таблетку. Смех. Нина от слабости теряет сознание и падает.

Профессор — Аяз!

¹ Шутливо переименованные названия азербайджанских блюд.

Аяз сменяет Нину. Ами и Рена переносят Нину в комнату.

Профессор — Воды!

Ами (*приносит воду*). — Все, что осталось.

Профессор — Давай!

Нине дают воду. Она постепенно приходит в себя. Вдруг корабль начинает трясти. Все в смятении.

Аяз — Профессор, заработали! Приборы заработали!

Грусть сменяется радостью. Профессор проходит в кабину и смотрит на прибор расстояния.

Рена — Где мы, профессор?

Аяз — Смотри на экран!

Все смотрят на экран.

Профессор (*показывая на прибор*) — Эх! Что это за расстояние? Мы проскочили созвездие Центавр.

Аяз — Верно, профессор (*Длительная пауза*). — Я поверну корабль обратно.

У всех на лице радость.

Нина (*радостно*) — Мы вышли из потока высокозаяженных частиц.

Аяз — Ты права, Нина! Мы возвращаемся к созвездию Центавр.

Сцена темнеет. Слышна их песня, постепенно удаляющаяся. Сцена снова освещается. Они смотрят в иллюминатор.

Ами — Профессор, я хочу вас спросить: неужели правду говорит Аяз? Будто бы в галактике есть такая планета, где круглый год сохраняется одно из времен года. Без весны не бывает зимы, а без зимы весны, — разве не так? Если же и есть такая планета, то не хотел бы я жить на ней! Не зря же сказал поэт:

Если б не было ненастья —
мы весну б не так встречали:
только тот и ценит счастье,
кто изведал все печали

Профессор — Ами, эта философская мысль верна только по отношению к нашей планете... Нина, открой атлас солнечной системы. (*Нина открывает атлас.*) Обратите внимание: ось нашей планеты наклонена к плоскости орбиты на 66,5 градуса, благодаря этому происходит смена времен года. Если ось была бы перпендикулярна орбите, то на всей планете была бы единая темпе-

ратура, предположим, весенняя, тогда у нас имелись бы хорошие условия для развития живых существ. Люди не тратили бы сил на борьбу с природой и отдавали бы их развитию общества и науки. И они были бы счастливы — почему нет?

А ми — Значит, то, что сказал Аяз, вполне возможно?

Профессор — Конечно.

Р е н а — Профессор, что это?

За иллюминатором появляется корабль в виде детской игрушки и вскоре исчезает.

Н и н а — Похоже на корабль.

А я з — Правильно!

А ми — Дочь моя, ты говорила, что Хамхам полетел, может, это он.

Н и н а — Хаммерт...

Р е н а — Может, и они попали в наше положение...

Профессор и Аяз смотрят друг на друга. Через короткое время в иллюминаторе появляется ярко-голубая планета.

Н и н а (*показывает*). — Профессор?

Профессор — Планета! (*Смотрит на Аяза.*)

Р е н а — Посадка будет?

Профессор — Обязательно! Сбавь скорости!

А ми — Нина, доченька, я ничего не понимаю!

Н и н а — Мы прибываем на новое место.

А ми — В смысле, на родину предков?

Р е н а — Нет, Ами (*видимая на экране планета постепенно начинает светиться*). На новую планету...

А я з — Профессор, выпускаю разведывательные ракеты. (*Аяз нажимает 4 кнопки, и за иллюминатором 4 раза вспыхивает пламя.*) Нина! Прошу принять сообщение разведывательных ракет.

Н и н а — Сию минуту. (*Принимает радиogramмы.*)

А ми (*Аязу*) — Сынок, я столько принял таблеток, что сам чуть не превратился в таблетку. Давай-ка лучше сойдем.

Профессор — Нет, Ами, сначала надо собрать сведения об этой планете, а потом сойдем.

Нина подносит ленты профессору.

Н и н а — Прошу вас, профессор.

Профессор начинает читать.

Профессор — Плотность вещества почти такая же, как и на Земле.

Все — Значит, корабль можно посадить.

Профессор — Посмотрим, что сообщат нам остальные ракеты.

Нина снова подносит ленты.

Профессор — Радиоактивность в норме. *(На лице появляется счастливая улыбка. Нина подает 3-ю радиограмму. Лица профессора и Аяза грустнеют.)* На планете атмосферное давление почти в три раза больше, чем на земле. Мы здесь жить не сможем.

А ми — Профессор, нам хватит и своего воздуха, лишь бы было что поесть и что выпить.

А яз — Всем надеть скафандры!

Все с радостью начинают собираться. Из иллюминатора видна планета, вращающаяся вокруг своей оси. Создается впечатление, что корабль кружится вокруг ракеты.

Занавес.

ЧЕТВЕРТАЯ КАРТИНА

Планета. Ночь. Высокие скалы, виднеющиеся вдали, похожи на языки пламени. Эти скалы и склоны гор покрыты причудливыми деревьями. Над планетой появляются два спутника фантастической формы. Пестрые облака, проходящие над планетой, придают ей еще более таинственный вид.

Появляется странное человекоподобное существо. Оно поднимается на возвышенность на сцене и с ужасом смотрит вдаль. Человекоподобное существо в тревоге убегает и вскоре возвращается с подобными себе. Лица у этих существ очень красивые, но фигуры неуклюжие. Ходят они мелкими шажками, быстро-быстро, словно перепархивают с места на место. Когда слушают кого-нибудь, вытягивают шею.

Арфа — Что это, Дурр? К нам гости? Посмотри!

Дурр — Да, вечером с небес они спустились.

Арфа — Ах, Дурр! На них одежда из зари!

Узнать бы: кто они? Зачем явились?

Эсва — Давайте же к ним спустимся с горы, ведь здесь стоять — совсем неинтересно!

Арфа — Постой! Спешить не надо до поры: нам замыслы пришельцев неизвестны!

Дурр — Мне мать Зарруш дала такой наказ, и должно с мудростью ее считаться:

чтоб мы с пришельцев не спускали глаз,
но близко к ним не смели приближаться.
Вернее, как на дело ни взгляни,
пообождать с приветными речами...

А р ф а — Да и потом, при виде нас они,
пожалуй, могут испугаться сами.

Д у р р — Всем оставаться на местах своих.
Побаиваюсь я, скажу вам честно:
быть может, есть оружие у них

А р ф а — Они идут!

Д у р р — Скорее прячься, Эсва!

Появляется Н и н а с маленьким чемоданом. За ней входит Ш а р р и д, похожий на кенгуру с хоботом. Увидев его, Нина вскрикивает.

Н и н а — Ами!

Нина и Ами со страхом прижимаются к дереву. Шаррид вертится вокруг них, приближается к чемодану и толкает его хоботом — магнитофон автоматически включается. Животное вздрагивает и скрывается.

Магнитофон (*голосом профессора*) — На этой планете атмосферное давление почти в три раза больше, чем у нас на Земле. Наденьте скафандры. Возьмите с собой переводящие микрофоны. Ни к чему не прикасаться. Пока нет смертельной опасности, огня не открывать.

Человекоподобные существа осторожно выглядывают. Нина и Ами выходят из своего укрытия.

А м и — Иди, его нет. (*Садится на камень, камень отъезжает. Ами вздрагивает и вскакивает.*) Нина, ну скажи только, какого дьявола я сюда забрался? (*Хватается за сердце, садится. Нина подходит к нему*). Ах, родина, Земля, моя милая! Вертеться бы мне век по твоей орбите!

Н и н а — Ами, я же сказала, чтобы ты остался на корабле.

А м и — Чудная планета. И камни не камни, и деревья не как деревья.

Н и н а — Животные здесь крылатые, с хоботами. А ноги, как у людей.

А м и — Одним словом, винегрет. (*Подходит к магнитофону.*) Даже не знаешь, где сесть.

Появляются профессор, Рена и Аяз.

Р е н а — Профессор, а как здесь? (*Оглядывается.*)

Профессор — Пока можно. Очень странная планета. (*Указывает на небо.*) Солнце и спутник поднимаются в одно и то же время. Цвет неба и планеты часто меняется

Рена — Очень интересно!

Ами — Эх, кружиться бы мне по орбите нашей планеты...

Рена (*указывает вдаль*). Профессор, человек! (*Все смотрят*). Бежит!

Аяз — Дикарь.

Профессор — Полуголый.

Ами — М-да... Цивилизация... Наука. Убежал!

Профессор — Может быть, тут жизнь позднее зародилась?

Аяз — Следы ног, человеческих ног!

Рена — Профессор, следы!

Смотрят.

Аяз — Следы людей в скафандрах!

Профессор — Ами, вы с Реной останетесь здесь. А ты, Аяз, иди со мной. (*Тихо Аязу*). Экспедиция Хаммерта где-нибудь поблизости.

Уходят, рассматривая следы. Ами прохаживается, ударяя палкой по цветам. Рена убирает магнитофон. Вдруг появляется Шаррид. Рена пугается. Шаррид направляется к ней. Рена прячется за деревом. Шаррид подходит и останавливается около нее. Ами приходит на голос Рены. Видит животное.

Ами — Животное, убирайся!

Шаррид — Убирайся!

Ами — Эй, ты!

Шаррид — Эй, ты!

Ами — Он, оказывается, разговаривает?

Шаррид — Он, оказывается, разговаривает?

Ами — Я человек.

Шаррид — Я человек.

Ами — Ты животное.

Шаррид — Ты животное.

Ами (*Хватается за пистолет*) — Сейчас пристрелю тебя.

Шаррид (*чешет бок*) — Сейчас пристрелю тебя.

Ами — Убирайся, тебе говорят! (*Отходит в сторону*).

Шаррид — Убирайся, тебе говорят! (*Отходит в сторону*).

Они ходят по кругу, меняются местами.

Ами — Рена!

Шаррид — Рена!

Ами (*удивленно Рене*) — Вы знакомы?

Ами трогает Шаррида своей палкой. Шаррид бодается подобно барану Рена скрывается в укрытие в пне. Ами еще раз тычет палкой в Шаррида. Животное сердится. Оба смотрят на животное и смеются. Эсва, Арфа и Дурр выглядывают.

Эсва — Арфа, Арфа, жаль их все же,
не спасти мы их не вправе, —
позови его, прошу!
Ведь ничто им не поможет,
если крылья он расправит,
позови его, прошу!

Ами еще раз тычет палкой в Шаррида. Животное встает на дыбы и расправляет крылья. Под крыльями сверкает огонь. Ослепленный Ами закрывает глаза и падает. Шаррид вскакивает на Ами и ревет. Дурр набрасывается на Шаррида, вскакивает на него верхом, поглаживает, успокаивает.

Арфа — Будь вечен, Дурр, как небо! Молодец!

Эсва — Он дышит, Арфа! Дышит! Сердце бьется...
Он оживает! Это не конец!

Арфа — Но повозиться с ним еще придется.
Ты видишь — он открыть не в силах глаз.
Он слишком слаб, нельзя терять мгновенья...

Эсва — Мы отнесем его к Зарруш сейчас:
лишь в ней и только в ней — его спасенье!

Ами кладут на спину Шарриду и уносят. Роберт, поймав одного из детей планеты, пытается унести его с собой. Появляется Заррит с оружием каменного века и бросается на Роберта. Ребенок убегает. Роберт стреляет в Заррита, тот падает. Из-за дерева выглядывает ребенок. Берет с земли камень, бросает в Роберта, Роберт поднимает камень, разглядывает его.

Роберт — Алмаз, чистый алмаз!

Ребенок сердито смотрит на Роберта, бросает в него еще один камень. Роберт поднимает и этот камень, идет вслед за ребенком. Рена пугливо выглядывает из своего укрытия. Потом выходит.

Рена — Что это за пламя тут сверкало? (*Трет глаза.*) Ами, ами! (*Видит лежащего Заррита.*)

Заррит — Шаби, шебба, шиби шели шебба,
Лафи, шишра, шира, шегги, шагга.

Рена — Не понимаю. Сию минуту (*она заводит микрофон-переводчик, который стоит посередине сцены, этот*

аппарат во всех картинах должен быть на сцене). Теперь можете говорить. Этот аппарат будет переводить все, что ты мне скажешь, и все, что я тебе скажу. Ты ранен? *(Перевязывает рану Заррита).*

Заррит — Скажите, кто вы и с какой планеты,
Прошу вас на вопрос ответить мой.
Вы — порождение мрака или света?
Добро иль зло несете вы с собой?

Сверкает молния. Заррит хватается за голову. Небо темнеет. Снова освещается. Прежняя картина. Однако цвет всего вокруг изменяется. На ближайших скалах виднеются гранитные письмена и рисунки. На возвышенном месте установлен громоотвод. Нина стирает пыль с нескольких изображений.

Нина — Профессор, вы говорите, это письмена? А, может быть, узоры?

Профессор — Нет, Нина, это письмена. Узоры такими не бывают. *(Он срисовывает изображение, заглядывает в книгу.)* Где Рена запропастилась? Нина, этим я займусь сам, а ты не отходи от радиофона.

Нина подходит к палатке, берет радиорупор.

Нина — Рена! Рена!

Профессор — Как бы с ней не случилось чего,

Нина — Рена! Рена!

Профессор — И Заррита нет до сих пор.

Нина — Он пошел искать Рену. Я все обстоятельно выяснила у Заррита, профессор. Глава их племени — женщина.

Профессор — Они переживают период матриархата.

Нина — Огонь пламени погас во время дежурства Заррита. За это его изгнали вместе с внуком. И он шел, куда глаза глядят. *(Пауза).* Ребенок очень скучал по своему племени. Я дала ему спички и вернула к своим. Я попросила его, если он увидит таких людей, как мы, то пусть сообщит нам. От радости он полетел, как птица.

Профессор — Ты хорошо сделала. Без помощи местного населения мы ничего не сделаем.

Нина — Вы знаете, как он стал хорошо разговаривать! Когда его соплеменники услышат, как он ясно разговаривает, они просто поразятся. Я настоятельно поручила ему следить за своими наушниками.

Профессор — Для того чтобы верно произносить слова, надо хорошо слышать. Именно поэтому в медицинской науке одним из лучших методов лечения косноязычия считается применение наушников. (*Вешает карту*). Вот так. Вот карта этой планеты.

Нина — Профессор, у нашей планеты два спутника?

Профессор — Вот это спутники планеты.

Нина — Профессор, пусть у этой планеты будет хоть пять спутников! Куда лучше наша Земля. И наш спутник Луна.

Профессор — Дочка, у матери недостатков не ищут. Лишь бы на нашей планете была вечная весна, как здесь. (*Звонит радиотелефон*). Я слушаю, Аяз, где ты? Я давно здесь. Нет. О Рене и Ами я ничего не знаю. Если камень с надписями небольшой, то дай его, пусть Заррит принесет.

Снова сверкает молния. Взмолвивший Заррит вбегает и показывает на небо. Нажимает кнопку микрофона-переводчика.

Заррит — Снова молнии — взгляните:
вспыхнет все сейчас подряд!
Берегитесь, берегитесь —
нас они испепелят!

Профессор указывает Зарриту на громоотвод.

Профессор — Не бойся, молния не причинит нам вреда. Видишь этот громоотвод? Он вбирает в себя силу молнии, охраняет от пожара и смерти и тебя, и меня, и эти деревья, и все, что здесь есть.

Еще чаще сверкает молния. Убедившись, что она не причинит им вреда, Заррит улыбается. Льет дождь. Профессор и Нина собирают приборы и проходят в палатку. Заррит подходит к громоотводу, становится на колени, целует его.

Заррит — Ты молодец! Зарруш сама
была б тобой довольна!
Пред силой твоего ума
склоняюсь я невольно.

Молния сверкает все чаще. Светящиеся и темные спутники планеты заговаривают друг с другом, и планету покрывает темнота. Вскоре снова появляется свет. Теперь на сцене другой пейзаж. Заррит берет гранитную глыбу и собирается уходить. Входит его внук.

Заррит — Куда, сынок?

Ребенок — К нам, в племя... Вот,
взгляни — огонь несу я!
Пусть мать-Зарруш его возьмет, —
от гнева вас спасу я!
Заррит — Огонь? Да что ты говоришь?
И впрямь — свершилось чудо!
Да где ж ты взял его, малыш?
Откуда он? Откуда?

Ребенок — А это Нина...

Заррит — Нина?

Ребенок — Да!

Послала нас с приветом...

Заррит — О! Не забудет никогда,
поверь, Зарруш об этом!

Они расходятся. Заррит уходит. Входит Роберт и преграждает
путь ребенку.

Ребенок — Отец, Аяз!

Роберт связывает ребенку руки, пытается связать ему ноги, но в
это время входит Аяз.

Аяз — Что ты делаешь, безумец?

Роберт — Кто ты такой? Ах, это вы? И здесь...

Они достают пистолеты, схватываются. Пистолеты падают, Аяз и
Роберт хватаются за копья. Ударившись друг об друга, копья
извергают пламя. Ребенок в растерянности.

Ребенок — Террар! Террар! *(Появляется еще одно
животное и останавливается около ребенка. Ребенок
указывает на Роберта).*

Скорей, Террар, не упускай,
прижми его, как надо!

Уйти врагу ты не давай, —
его беде мы рады!

Пушай поплачет! Ничего!

А после — пусть смеется,
пока дыхание его

навек не прервется!

Террар кружится вокруг Роберта и Аяза, становится между ними.
Удары копья Роберта не действуют на него. Его взгляды то нас-
мешливы, то устрашающи. Роберт не выдерживает и убегает. Тер-
рар преследует его. Это двуногое животное — Террар, погнавшись
за Робертом, падает. Роберт убегает. Террар, поднявшись — тоже.
Аяз прижимает к себе ребенка.

Ребенок — Спасибо! Словно горы, будь велик!
Пусть всем ты будешь дорог, как родник!
Хочу, чтоб был всегда счастливым ты,
Чтоб, где ты ни ступил — цвели цветы!

Занавес.

ПЯТАЯ КАРТИНА

Фантастический вечер. Становище Хаммерта. Черри ударяет молотком по собранным им минералам. Его руки в специальных перчатках. Он берет из найденных им на планете крупных камней и подносит к нему радиометр. Радиометр загорается. Входит Роберт. Произносит: «радий» и прячется. Черри откладывает радий в одну кучу с другими минералами. Входит Браун. Оглядывается вокруг.

Браун — Кто знает, сколько таких же таинственных планет в космосе! Гнездо молний! В течение часа планета несколько раз меняет окраску. *(Пауза)*. Черри, мне кажется, что здесь есть жизнь. Или же она гибнет, Черри, что вы молчите? Как по-вашему, здесь жили такие же, как и мы люди? Разумные существа?

Черри — Я не могу сказать, жили ли здесь такие люди, как вы. Можно предположить...

Браун *(Перебивает)* — Черри, но вы же ученый. Почему вы язвите?

Черри *(горько усмехнувшись)* — Почему вы говорите, что я ученый?

Браун — Ваши открытия! Разве вы мало приложили усилий и труда для использования солнечной энергии?

Черри — Благодарю вас. Что же произошло потом? Почему вы молчите? Нет, господин Браун, ученые — это глава вашего треста миллионер Хаммерт и вы. Только вы, господин Браун!

Браун — Я же не отрицаю ваших открытий. Я и сейчас признаю ваши заслуги в усовершенствовании этого космического корабля.

Черри *(С иронией)* — Поэтому вы и привезли меня сюда, да?

Браун — Без вас наша экспедиция была бы безуспешной. Вы сами виноваты. Если бы вы согласились и не протестовали...

Черри *(С язвительной усмешкой)* — Против чего.

господин ученый? Против подлости по отношению к ученым всего мира? Против шпионажа? Нет, я никогда не соглашусь пойти на это.

Браун (*нервно*) — Черри, не забывайте, что воздух на этой планете очень тяжелый.

Черри — Не пугайте меня, господин ученый. Я и у себя на родине не дышал чистым воздухом. Воздух страны, в которой живут такие люди, как вы, продающие совесть и человечность за деньги, не может быть легче воздуха этой планеты.

Входит Роберт.

Роберт — Черри, где находятся залежи радиоактивных веществ?

Браун — Что за радиоактивные вещества?

Черри — О чем вы, собственно говоря? (*Хочет взять со стола радиий, но Роберт хватается его за руку: грозит ему пистолетом*).

Роберт — Где находятся залежи радиоактивных веществ?

Черри — Зачем вам?

Роберт — Я спрашиваю, где?

Черри — Вот только этот кусок.

Роберт — Ты лжешь. (*Отходит в сторону, разглядывает свое оружие, говорит про себя*) — Если бы можно было шприцем выгнать мозг человека... (*Пауза*). Одна пуля... Нет, он должен указать залежи радиоактивных веществ. (*Брауну*) — Как, по-твоему, может ли человек хоть один час прожить в атмосфере этой планеты?

Браун — Можно проверить.

Роберт — Может быть, господин Черри проживет дольше?

Браун (*с иронией*) — Прогрессивные ученые шли и на смерть ради своих идей, ради развития науки. (*Смотрит на Черри. Подмигивает Роберту. Вдвоем они кидаются на Черри, связывают ему руки. Снимают шлем. Привязывают его к скале. Черри задыхается, кашляет.*)

Черри — Палачи!

Браун — Задыхается, как собака.

Роберт прибором с радиометром ищет среди минералов радиий. Лампочка радиометра загорается. Браун и Роберт дерутся из-за радиия. Между скалами появляются жители планеты.

Житель планеты—Мать Зарруш, душа моя горит
жаждой мести, горечью потери.

Входит животное Шаррид. Житель планеты укладывает Черри на Шаррида, и его уносят. Роберт и Браун продолжают драться. Браун снимает шлем Роберта, волочит его к реке. Возвратившись, замечает отсутствие Черри. Приходит в ужас.

Браун—Где он, куда девался? *(Смотрит по сторонам.)* Эх, куда бы он ни пошел, все равно погибнет. *(Снова ищет радий. Загорается лампочка радиометра. Он жадно разглядывает радий. Входит Бона.)*

Бона—Радий! *(Следит за Брауном. Браун подходит к телерадиотелефону.)*

Браун—Алло! Алло! Джордж, Джордж. *(На экране телерадиофона появляется Джордж)* Привет, где ты?

Джордж—На расстоянии трехсот километров от вас.

Браун—Джордж, ты видишь? *(Подносит радиометр к радию. Лампочка загорается и гаснет.)*

Джордж—Радий!

Браун—Точно.

Джордж—Кто нашел его?

Браун—Черри.

Джордж—Браун, брат мой, узнай у Черри, где место залежей? *(Бона внимательно слушает, достает пистолет).* Знают ли другие про радий?

Браун—Никто.

Джордж—Довольно эти Хаммерты правили нами!

Браун—Конечно, если мы вернемся с радием, значит, будем властвовать над всеми трестами. Один килограмм радия—это тонны золота.

Джордж—Браун, надо уничтожить Хаммерта. Спрячь радий.

Браун—Есть! *(Выключает телерадиофон, собирается спрятать радий. К нему подходит Бона.)*

Бона—А ну, положите на место!

Браун—Бона, мадам!..

Бона—Положите сюда!

Браун—Я собирался дать вам.

Бона—Не лги, я все слышала. Значит, вы хотите уничтожить моего мужа Хаммерта? Вы задумали прибрать к рукам трест!

Браун — Бона, мадам, извините меня. Я готов быть вашим рабом, мадам. Вы же знаете, что я вас люблю.

Бона (*смотрит вдаль. Она кого-то ждет*). Поднимись. Не смей больше никогда быть таким алчным. Я не ожидала этого от тебя. (*Машет рукой Хаммерту. Берет уран и выходит. Входит Хаммерт.*)

Хаммерт — Неважные дела! Русские тоже высадились здесь.

Браун — Что вы говорите! Они вероятно, прилетели в соответствии с программой международного общества по изучению космического пространства.

Хаммерт (*иронически улыбувшись*). Изучение этой планеты входит в план будущего года общества.

Браун — Значит, они прослышали!

Хаммерт — Наверное. Ах, эти советские, эти коммунисты, ну и нюх же у них! Они сели в лесу... Между прочим, на этой планете живут люди.

Браун — Люди?

Хаммерт — Первобытные люди. Я дал указание выловить хотя бы одного.

Браун — Это будет интересный эксперимент.

Хаммерт — Роберт не приходил?

Браун (*растерянно*) — Роберт? Нет.

Хаммерт — Это не планета, а очаг молний. Надо установить над планетой громоотвод.

Браун — Слушаюсь. (*Уходит. Хаммерт достает спрятанный им магнитофон и включает. Магнитофон повторяет весь разговор Брауна с Джорджем и Боной*).

Хаммерт — Так... (*Входит Бона. Хаммерт обнимает ее и целует*). Моя дорогая, верная Бона!

Бона — Хаммерт, ты знаешь, что право колониального управления Соломоновыми островами было предоставлено испанским императором в 1574 году Менданья Денейра Альверо, открывшему эти острова?

Хаммерт — Знаю, моя прелестная Бона.

Бона — Ты можешь рассказать мне о дальнейшей судьбе Альверо?

Хаммерт — Из-за беспечности Альверо среди членов его экспедиции началась тяжба из-за золота... Не беспокойся, Бона. Я прекрасно знаю Брауна и его брата Джорджа. (*Смотрит вдаль, достает пистолет.*)

Бона — Что ты хочешь делать?

Хаммерт — Свести счеты с Брауном.

лекарство, капает им на губы Рены. Все с нетерпением смотрят на Рену).

Арфа — Мать-Зарруш, зачем пришельцы эти так спешат друг друга убивать?

Зарруш — Много непонятного на свете.

Я не знаю, что тебе сказать.

Бидишь, — стрелы так и сыплют градом, отовсюду смерть грозит огнем...

Кто тут прав, кто нет — гадать не надо.

Будет лучше, если мы уйдем.

Рена вздыхает, шевелится, все радостно переглядываются. Зарруш обращается к Арфе.

Отойди... Сейчас она очнется, может испугать ее наш вид, — и душа от страха в ней зайдется, сердце, как листочек, задрожит!

Все выходят. С противоположной стороны входит Дурр, приближается к Рене, гладит ее волосы. Рена пробуждается. Дурр прячется среди белых цветов. Рена трет глаза и оглядывается. Встает, подходит к цветам. Берет их в руки и гладит.

Рена — Где я? (*Появляется Дурр*). Ты человек?

Дурр — Добро пожаловать! Гостям всегда мы рады.

Я — человек, во всем подобный вам, и опасаться вам меня не надо...

Доверьтесь же, прошу, моим словам!

Рена — Где я? Я вижу сон? У вас есть имя?

Дурр — У каждого живущего есть имя.

Меня звать Дурр.

Я — тот, кто жизнь вам спас.

Чудовище зубищами своими легко перекусить могло бы вас!

Рена — Вы меня спасли? Спасибо. Значит, ваше имя Дурр. Какое у вас красивое имя! А мое имя Рена... Вы соловей с умом человека. Какая у вас приятная речь! А где же Ами? Я ищу его. Вы его не видели?

Дурр — Не бойтесь, Рена! Кто его здесь тронет?

Он бродит по лугам и рвет цветы, —

весною пахнут у него ладони,

и мысли, видно, у него чисты.

Рассеялись сомнения и заботы,

улыбка на губах его — не зря,
и, радостный, он тихо шепчет что-то,
с самим собой и с небом говоря!

(Срывает с дерева цветущую ветку, протягивает Рене).

Р е н а — Спасибо, красивые цветы. Сколько вам лет?

Д у р р — Три раза по тридцать и добавить три.

Р е н а — Как вы сказали?

Д у р р — Три раза по тридцать и добавить три.

Р е н а — Три раза по тридцать — это девяносто. Еще три — это девяносто три. Что вы говорите, вам девяносто три года? Нет, вы шутите, вы неправду говорите.

Д у р р — Да, это все на правду не похоже...

О, эта мысль! Она меня гнетет:
ведь говорить неправду тот не может,
кто человеком сам себя зовет!

Р е н а — Вы женаты?

Д у р р — Что это значит? Тише — вдруг, как раз,

услышит кто, — поднимут на смех нас!
Моей сестре — пять раз по тридцать лет.
Красива так, что трудно не дивиться!

Пора бы замуж выйти ей, но нет:
о муже скажешь, — плачет и гневится.

Р е н а — Пять раз по тридцать. Это сто пятьдесят.
Да что вы говорите! Вашей сестре сто пятьдесят лет, и
она еще не замужем?

Д у р р — Завидная ей доля суждена,
и, право, есть для зависти причина:
мне мать Зарруш сказала, что она
в ней видит лучшую жену для сына!

Р е н а — У вас и отец и мать есть? А сколько им лет?

Д у р р — Отец родился много раньше нас,
когда — не знаю точно, лгать не буду.
А матери по тридцать — десять раз,
не выпал ни единый зуб покуда!

Р е н а *(радостно)*. Десять раз по тридцать — значит
триста? Кто знает, может, вы и по четыреста, и по пять-
сот лет живете!.. А у нас мало кто доживет и до ста.

Д у р р — Нет, этого я не могу понять!

Коль человек — любимый сын природы,
то должен жить века он, а не годы,
зачем ему так рано умирать?

Р е н а — И дедушка ваш жив?

Дурр — Нет, умер он... А мудрость — нам оставил.
Он просветил нас — и ушел навек...
Он долго жил, и жизнь пред смертью славил,
твердя: «Для счастья создан человек!
Когда умру, не плачьте, не рыдайте:
любой — лишь гость на жизненном пиру,
вы обо мне с улыбкой вспоминайте,
затеявши веселую игру!»

Музыка. Дурр танцует. Берет за руки Рену. Рена машет рукой. Дурр не отстает. Они танцуют и уходят. Входят Ами и Эсва с цветами в руках. Ами тоже без шлема.

Ами — Послушай, девчонка, отстань от меня, что ты привязалась к моей бороде?

Эсва — Красивы ваши волосы... Не скрою, —
мне хочется иметь вот эту прядь!
Отрежьте мне ее — ночной порою
подарок ваш я буду целовать!

Ами — Ах, ты господи боже!

Эсва — Отрежьте же ее, ну что вам стоит?

Ами — Да отстань же от меня, я тебе в отцы гожусь, что ты разыгрываешь меня?

Эсва — О, подарите мне ее, молю!

Я вас люблю, — и вам подумать стоит

О том, какие муки я терплю!

Ами (*Отворачивается в сторону, про себя.*) Кажется она верно говорит. Нет, нет, прочь дьяволы, прочь соблазнитель, прочь! (*Обращается к Эсве.*) Дочка, я подумал и вспомнил, что и в нашем краю были такие вещи... Седоголовые люди женятся на девушках, которые им в дочери годятся. И даже есть такие девушки, которые выходят за стариков в возрасте их дедов. И вдобавок еще любят их. Поэтому я не упрекаю тебя. Ведь не зря же говорится: «Любви все возрасты покорны». Только, дочка, я сюда не жениться приехал. В борьбе разума и чувств мой разум всегда одерживал верх. У меня на земле есть жена, красивее, чем ты. (*В сторону.*) Если посыпать на ее рябое лицо пшено, то оно не просыплется. У меня дочери постарше тебя. Я верен своей жене и своим детям. О Меджнуне только говорят, а я куда верней в любви, чем он. Понятно? Перемени разговор!

Эсва смеется. Дурр и Рена с цветами в руках, танцуя, входят. Ами смотрит на них с интересом и радостью. Рена подходит к Ами, обнимает его.

Рена — Ами, это ты? Как ты себя чувствуешь?

Ами — Я-то хорошо.

Рена — И я хорошо.

Ами — Вижу. Да закружиться мне по твоей орбите!

Рена — Как вы сумели так быстро приспособиться к этой атмосфере, Ами?

Ами — Не понимаю!

Рена — И я не понимаю.

Оба смотрят на Эсву и Дурра.

Дурр — Вас исцелила мать Зарруш.

Рена — Исцелила? Как?

Дурр — Она напиток сделала особый:

бежит по сердцу жаркая волна
и все смывает: грусть, усталость, злобу...
Напиток чудодейственный такой
из рук ее вы пили, что, поверьте,
разлился по душе у вас покой —
и будет в ней царить до самой смерти!

(Показывает на лекарство в сосуде. Рена пьет).

Рена — Ами, кто бы ни была эта мать Зарруш, она умная женщина. *(Слушает пульс)*. Она дала нам такой чудесный сок, что наш пульс упал с семидесяти двух до пятидесяти ударов. Но каждый удар значительно сильнее. *(Задумывается, радостно говорит)*. Поздравляю. Здесь люди по четыреста лет живут. Ты знаешь, сколько лет Дурру? По ихнему — три раза по тридцать и добавить три — значит, девяносто три!

Ами — Не может быть. Тебе три раза по тридцать?

Дурр подтверждает хлопками.

Рена *(К Эсве)* — Сказать и ваш возраст? Вам больше пяти по тридцать. *(Эсва подтверждает хлопками)*. Видишь, Эсве сто пятьдесят лет.

Ами — Слушай, она же дитя!

Рена — Ее в этом году выдадут замуж.

Ами — Вот оно что! Извините меня, Эсва-ханум. Вы, оказывается, засиделись в девушках. Я не знал. *(К Рене)*. Ради аллаха, ты правду говоришь?

Рена — Конечно, Ами.

Ами — Эх, да закружиться мне по твоей орбите! Чего же ты стоишь? Надо сообщить профессору. *(Мечется по сцене)*. Где они? Я даже не знаю тут дорог. Эсва-ха-

пум, да закружиться мне по твоей орбите, отведи меня к нашим.

Эсва — Мы пойдем, ты не сердись, не суди нас строго, поброди здесь, оглядись, потерпи немного, поживи у нас в горах, — разгадай их душу, — посиди у родников, пенье их послушай!..

Уходят. Дурр и Рена машут им вслед. Входит Арфа. Дурр представляет ее Рене.

Дурр — Вот, познакомься: мать моя...

Теперь,

Не веришь мне, — глазам своим поверь!

Рена (*Подает ей руку, Арфа целует ее лоб.*) Я очень рада, что познакомилась с вами. Хотя вам десять раз по тридцать, вы молодо выглядите.

Арфа — Ну, а тебе — раз пять по тридцать лет?

Чему ты удивилась так?

Рена — Что вы? Мне двадцать пять лет.

Арфа (*с удивлением смотрит*)...

Рена — Поверьте мне!

Арфа — Поклянись!

Рена — Кем, чем поклясться вам?

Арфа — Человеком!

Его умом и чистотой души.

Жить для людей — нет назначенья выше...

Рена (*задумавшись*) — И мы всегда клянемся человеком. (*Поднимает руки, потом протягивает их вперед*). Клянусь человеком, что мне двадцать пять лет. У нас люди живут два раза по тридцать. Самое большее — два раза по тридцать и еще двадцать. На нашем языке — семьдесят-восемьдесят лет. То есть наша жизнь почти в двенадцать раз короче вашей.

Арфа — Что я слышу!

Я слов от изумленья не найду.

О, как мгновенна ваша жизнь земная!

Пойдем, тебя к Зарруш я отведу, — она тебе обрадуется, знаю...

Уходят. Входит Зарруш, смотрит им вслед.

Зарруш — О, до чего душа ее нежна!

Как в робости своей она прелестна!..

Мне кажется, что рождена она перед зарей сиянием небесным.

Входит ребенок, целует Зарруш в лоб.

Ребенок — О мать Зарруш, я их привел сюда.

Зарруш (*целует ребенка в лоб*).

Ты молодец!

Тобою я довольна.

Ребенок (*указывает на звездолет, виднеющийся вдали*).

Вон — птица их... Нет крыльев и следа,
а как взлетит — зажмуришься невольно!

Зарруш — Как хорошо ты начал говорить!

А слышишь как?

Ребенок — Прекрасно! Все до слова...

Они меня сумели исцелить.

Зарруш — От счастья я расплакаться готова.

Пусть все твои желанья и мечты
Сбываются, дитя мое, и вечно,
как рада я сейчас, — будь рад и ты!

Ребенок — Позвать мне их сюда?

Зарруш — Да-да, конечно!

Ребенок уходит. Входят профессор, Аяз и Нина

Зарруш — Добро пожаловать, мы рады видеть вас!
Примите от меня благодаренье:
вы прибыли к нам, видно, в добрый час
и принесли ребенку исцеленье!

Профессор — Если бы мы знали, что здесь живут
такие люди, как вы, мы привезли бы подарки, достойные
вас. Глухоту и заиканье лечить очень просто.

Зарруш — Добро несущих — как не привечать,
как им добром не отвечать на деле?
Откуда вы, могу ли я узнать,
и к нам с какою целью прилетели?

Профессор — Наша планета называется «Земля».
Мы летаем на другие планеты с одной целью: чтобы сде-
лать жизнь наших людей еще краше.

Зарруш — Мы подарить готовы на века
все, что здесь есть: леса и горы эти,
серебряные струи родника
и все цветы, — прекрасней нет на свете!

Ребенок с помощью Нины устанавливает громоотвод.

Зарруш — Что это?

Ребенок — Это — то, что не дает
нас молниям испепелить зловещим
и называется «громоотвод»...

Не знаю, право, я чудесней вещи!
Зарруш — Как вас благодарить? Вы нас спасли:
от молний постоянно мы страдали
и ничего поделать не могли —
громоотвода мы еще не знали!

Входит Ами с цветами. Все удивляются, что он без скафандра.

Ами — Где вы, я вас ищу. Мать Зарруш, это мои
друзья.

Нина — А где Рена?

Ами — Рена, Рена!

Входит Рена, здоровается со всеми. Аяз и Нина, видя, что они
без скафандров, хотят снять шлемы.

Аяз — Нина, я тоже снимаю.

Нина — Давай снимем.

Ами — Нельзя.

Рена — Нельзя.

Достают из чемоданчика цветы и растения, показывают им.

Рена — Мать Зарруш приготовила из этих растений
лекарство и дала нам выпить. (*Все смотрят на расте-*
ния). Мать Зарруш говорит, что эти растения продлева-
ют жизнь человека.

Ами (*радостно*). Профессор, гуланчар! Его у нас в
лесах Азербайджана сколько хотите. Как мы раньше на
него не обращали внимания?

Аяз — Это же открытие! Так вот благодаря чему вы
так легко приспособились к здешней атмосфере.

Рена — Да, Аяз, благодаря их соку.

Нина — Где он? Дайте и нам выпить!

Рена открывает чемодан, достает бутылку жидкости. В это время
Шаррид на спине вносит Черри. Все собираются вокруг него.
Рена хочет капнуть жидкостью на губы Черри, но Зарруш препят-
ствует.

Ребенок — Глядите, — в голубой одежде он!

Зарруш — Он должен умереть!

Не приближайтесь:

его рассудок тяжко поврежден,

Как хищника, его вы опасайтесь!

Тот, кто его от гибели спасет,
низвергнут им же будет в бездну смерти:
ведь человек другого не убьет,
коль не безумец тот, другой, — поверьте!

Профессор, узнав Черри, взволнован.

Профессор — Это же ученый Черри.

Рена — Черри?

Аяз — Черри?

Рена — Мать Зарруш, поклон тебе глубокий!

Хочешь знать, кто этот человек?

Не безумец он, не зверь жестокий,
никого он не обидел в век!

Умный он, с душою, полной света...

Как мне жаль, что с ним стряслась беда!

Кто сказал: он враг? Неверно это, —
он врагом нам не был никогда!

Зарруш — Что ж, я исцелить его готова.

Позабочусь, если так, о нем...

А не образумится он, снова
мы его дыхание прервем!

Черри уносят. Ами сталкивается с Эсвой. Она надевает на него ожерелье из драгоценных камней.

Ами — Эсва-ханум, что это значит? Зачем ты меня украшаешь? Видно, я в твоём понимании — красotka, а не мужчина?

Эсва — Ах, не трогай — прошу — не трогай,
как подходят тебе украшения!

Ну, потерпи же еще немного:

о, как горят, как сверкают каменья...

Ами — Эсва-ханум, как ты богата! Я таких брильянтов сроду не видел. Ты, наверно, из бекского рода, да?

Эсва — Нравятся камни тебе? Я рада.

Они не могут не нравиться, знаю...

А что это значит, скажи мне — «богата»,
«бекского рода»? Не понимаю!

Ами — Ах ты, простушка! Да знаешь ли ты, что в обмен на два-три таких камня можно взять весь мир!

Эсва — Такое может быть едва ли...

Не понимаю ничего:

кому же этот мир отдали,

Что брать мы вновь должны его?

А ми — Дочка, извини, ты старше меня, Эсва-ханум. Ты даришь мне эти камни, но я ведь улечу.

Эсва смеется и убегает, возвращается с пригоршней алмазов.

Эсва — Что, нравится?.. Как вы на них глядите!

Я принесу еще, коли хотите...

А ми — Эсва-ханум, эти жемчуга — сокровище.

Эсва — У нас их целый океан! Сейчас

Я трижды столько принесу для вас!

(Убегает со сцены. Ами удивленно смотрит ей вслед, потом разглядывает драгоценные камни. Подбрасывает их на ладони).

А ми — Алмазы, жемчуга. *(Смеется.)* Золото. *(Хочет.)* Я понимаю—матриархат. Они сообща работают и сообща едят и сообща обороняются от животных. Они еще не знают, что самое дикое животное — это ты, золото, ты, брильянт! Нет, нет, не сверкай, как лживые люди. Ты не сможешь обмануть меня, жителя Земли. Это вы тысячелетиями держали человека в рабстве и покорности. Золото, я хорошо знаю тебя. У, подлое! Ты превращаешься в доллары, динары, лиры, вползаешь в карманы и сердца людей. Ты, как пиявка, сосешь их кровь. О, многоликое и подлое, кто делает людей лживыми взяточниками? Ты! Кто разлучает друзей и братьев? Сына с матерью? Ты, ты! Кто превращает благородных в неблагородных, а неблагородных в благородных — ты! Кто душит таланты и оправдывает мерзавцев и жуликов? Ты! *(Топчет драгоценности).* Ага, ну как? *(Берет несколько брильянтов).* Вы знаете, что я с вами сделаю? Нет, я не стану объяснять здешним жителям, что вы собой представляете. Я скажу им, что вы — просто побрякушки. Я научу их украшать вами двери. Даже двери уборных. Только аллаху известно, что натерпелись от вас люди. У, подлые!

Эсва приносит на большом деревянном подносе грудку жемчуга.

Эсва — Ну, как, довольны? Нет — так подождите: Я принесу вам, сколько захотите!

Ами берет деревянный поднос и выбрасывает драгоценности.

А ми — Убери это прочь. Это болезнь и горе.

Появляются профессор и Черри.

Профессор — Познакомьтесь, это наш садовод.

Черри и Ами здороваются. Из рук Ами под ноги падают драгоценности. Входит Зарруш.

Зарруш — Профессор, собираетесь вы в путь?
Как рады были мы, что вас узнали,
и вот — увидимся ль когда-нибудь?
Все, все сердца исполнены печали...
Хоть праздник урожая встретьте здесь!
Наш праздник вы украсите собою,
и, видя: нам вы оказали честь, —
возрадуется небо голубое..

Профессор — Спасибо. Мы сегодня ночью улетаем.
Как видно, у вас богатый урожай.

Зарруш — От града, ливней, гроз у нас
сады страдали — и нередко...
А поглядите-ка, сейчас
от фруктов низко гнутся ветки!

Профессор — Пусть у вас всегда будет изобилие!

Зарруш — Я не могу вас отпустить
безо всего в земные дали
Скажите, что вам подарить,
чтоб вы о нас не забывали?

Профессор — Нам ничего не надо дарить, лишь
бы вы всегда были здоровыми и счастливыми.

Зарруш — Лекарством полон этот маленький кувшин.
Кто выпьет, станет юным в миг один!

Профессор хочет взять кувшин.

Ами — Дайте мне!

Зарруш — Возьмите, но прошу вас не забыть:
не каждый может то лекарство пить!

Ами — Ничего, я выпью.

Зарруш — Знаю, знаю, Ами, ты смел,
Только суть не в храбрости твоей:
если ты ни разу не болел
лет до сорока — тогда лишь пей!

Ами (*подумав*) — Возьмите, профессор, мне не повезло! Я в двадцать лет болел люмбаго.

Профессор призадумался.

Профессор — Я тоже не смогу выпить. В тридцать
два года у меня был рак.

Н и н а — Дайте мне, профессор.

А м и — Нет, доченька, тебе нельзя. Тебе даже не исполнилось и 30 лет. Это для старых. *(Отбирает кувшин у Нины).*

Н и н а — Я хотела взять для Гулама. Когда мы вернемся на родину, Гуламу уже будет 53 года.

Ами, подумав, улыбается.

А м и — Для Гулама? А моя Фатьма? Фатьма, считай, что ты помолодела! *(Ами прижимает к груди кувшин).* Для Фатьмы, для Гулама, для всех сыновей и дочерей нашей Родины!

Э с в а — Везите, везите его с собою:

хоть каплю испить его—счастье большое!

Профессор — Зарруш, вы из каких растений получили это чудо-лекарство?

З а р р у ш — Что ж, от вас нет у меня секрета:

Слезы Библии — лекарство это!

Музыка. Входит Арфа, Дурр, ребенок и другие с корзинами, полными фруктов. Танцуют. Наступает вечер. Один из жителей планеты снимает шкуру, висящую на столе. Минерал на скале начинает ярко светиться. Жители Земли заинтересованно смотрят на минерал. Профессор что-то все время записывает в свою тетрадку. Все, танцующие, выходят вслед за Зарруш. С копьем в руках входит З а р р и т.

З а р р и т — За что несчастье такое —

стал человек врагом нам лютым!

Кровь льют и льют они рекою,
покоя нет ни на минуту!

(Смотрит на свои руки)

Руки, руки...

Добро до сих пор

вы творили,

кровь ничью вы ни разу еще не пролили,—
и должны убивать!..

Как мне горько и больно!

Руки, бедные руки!

Я плачу невольно...

(Глядя на свои руки целует их, плачет. Входит Ами).

А м и — Что с тобой? Почему плачешь? *(Увидев его, Заррит пытается рассердиться, стать строгим).*

З а р р и т — Плачу я, что руками, святыми от века,
должен я — и не медля — убить человека!

А м и — Человека, значит, меня?

З а р р и т — Да, тебя... Как бы я ни терзался, скорбя—
должен — ты понимаешь? — убить я тебя!
(Плачет).

А м и — Ну, убей, не мучься так! Зачем же ты плачешь?

З а р р и т (с сарказмом)

Убей... Не так легко убить!

Тебе-то просто, может быть!..

А м и — Тем лучше, дорогой мой, если не легко. Отбрось черные мысли и не плачь. Если хочешь знать правду, то, откровенно говоря, мне тоже не хочется умирать.

З а р р и т — Нет, нет! Ты должен умереть!

Пощады не проси напрасно!

кто вас просил сюда лететь,

кто звал сюда вас, ты, несчастный?

Террар! Террар!

(Входит животное.)

Смеси его!

Пускай до слез смеется,

пока дыхание его

навек не прервется!

Террар оборачивается к Ами, и тот, не в силах отвести от него взгляда, начинает истерически хохотать. Он плачет, смеется, и, наконец, совсем выбивается из сил. Появляется мать Зарруш.

З а р р у ш — Прочь, прочь, Террар! Что тут такое?!

Нет ни минуты мне покоя!

Террар уходит. Зарруш, дав Ами лекарство, успокаивает его.

А м и (придя в себя). В чем моя вина?

З а р р и т — Мать Зарруш, душа моя горит

жаждой мести, горечью потери:

дорогой отец — врагом убит,

тем, что в голубом,

двуногим зверем!

Если их не уничтожим мы

всех, до одного, — погибнем сами...

Вон они, — везде глядят из тьмы,

дикими, безумными глазами!

(Снова набрасывается на Ами, но Зарруш преграждает ему путь. Сердитый Заррит отступает назад).

З а р р у ш (Зарриту) — Пойми же, наконец, и ты —
не топчут все, что под ногами:

не путают с травой цветы,
друзей — с заклятыми врагами!
Пусть те, в одеждах голубых,
несут нам смерть, как звери, дики —
зачем губить нам остальных?

Карать невинных — грех великий!

Заррит — О мать! Должны они умереть!

Должен я клятву выполнить эту!

Зарруш — Да, да! Должны они все сгореть —

Чтоб ветер развеял их пепел по свету!

Заррит хватается за оружие, хочет броситься в атаку, но разгневанная Зарруш поднимает руку. В это время Черри, Нина и Рена приходят вместе с Эсвой. Эсва показывает им на Ами и Заррита.

Они стоят в стороне и слушают Зарруш.

Зарруш — Пойдите! Есть у этих дикарей

оружье, что разит издалека!

Зачем нам рваться к гибели своей?

В открытый бой не выйдем мы пока!

Бросать камнями надо в них, — но так,
чтоб сам не виден был ты из укрытья,
и в ужасе отступит, дрогнув, враг, —
а вы и жизнь, и силы сохраните!

Заррит целует Зарруш в лоб.

Заррит — Верно, что не знать мне поражение,

если мудрый твой совет приму...

Мать Зарруш, поклон и уваженье
твоему великому уму!

Все — Мать Зарруш, поклон и уваженье
твоему великому уму!

Черри (*поднимает руку*). Пойдите! (*Все останавливаются. Заррит и Зарруш гневно смотрят на Черри.*) Мать Зарруш и вы, Рена, и вы, и вы, и вы, вы все принесли мне спасенье, вы вернули мне жизнь. Послушайте меня... Куда же вы уходите? Нина, Рена! Объясните же им! Разве можно идти с таким оружием против них? Они и без вас перебьют здесь друг друга из-за залежи радиоактивных веществ. Они знают, что залежи известны только мне. Нет сомнения, что они ищут меня. Прошу вас, не ходите туда, вы погибнете!

Террар приносит на рогах шлем Джорджа. Все в ужасе.

Черри — Джордж? Как это могло случиться?

З а р р и т — Террар! (*Обнимает животное, целует его*)
Живи, как горы! Что там ни случится,—
неколебим, в седую даль гляди
и знай — всегда спокойно сердце биться
отныне будет у тебя в груди!

Ч е р р и — Это животное убило Джорджа, вооруженного человека?

З а р р у ш — Никакое оружие
его не возьмет никогда:
чуть пробьет скорлупу он,
крадем мы его из гнезда!

А м и — Клянусь жизнью, они принимают нас за простачков.

Н и н а — Тише, все может быть, разве ящерица не вылупляется из яйца? Это ведь тоже животное!

А м и — То — ящерица, а не такой бык!

Входят профессор и Аяз. У них в руках тетради и ручки.

Профессор — Все, все, наконец, должны знать то, что нам удалось расшифровать записи на гранитных скалах.

Аяз — Принесите передатчик.

Профессор — Правильно, эти письма надо прочесть всему миру, всем жителям Земли.

Нина берет рупор и говорит.

Н и н а — Всем, всем. Нашей матери Земле, всему миру. Наша экспедиция, прилетевшая на одну из планет, у звезды Альфа созвездия Центавр, обнаружила надписи на гранитных скалах. Предоставляю слово капитану корабля Аязу.

Аяз — На планете, на которой мы сейчас находимся, когда-то существовала жизнь и люди достигли высокого уровня культуры. Расшифрованные нами надписи свидетельствуют о том, что когда-то на этой планете было 15 континентов. Между государствами вспыхнула атомная война, и планета погибла. Научный руководитель нашей экспедиции сейчас прочтет эти надписи всему миру.

Профессор — «Век атома! Он пламенной чертою
в бездонной тьме наукой проведен..
Но мудрость тысяч мудрецов — пустое,
коль власть — у тех, кто разума лишен!
Огонь священный может стать смертельным,—

и трижды этот мир сгорал до тла...
Но вновь его сиреновой метелью
весна кружила, празднично — светла!

Нет, это не легенда и не сказка:
когда-то государства были здесь, —
и каждый на других смотрел с опаской.
готовый черную услышать весть.

Напрасно звезды дерзко вырывали
ученые из вековой тьмы:
все пять веков, что мы существовали —
за жизнь свою в тревоге были мы!

И триста лет вседневно и всечасно,
мир уберечь пытаюсь от огня,
я к разуму взывал — но все напрасно:
правители не слышали меня!

Угрозам и хвальбе не зная меры,
над пропастью они очнулись вдруг...
Была чужда им искренность и вера,
и ум их жалок был и близорук!..»

А я з (*читает другой листок*).

«Все, все, в огне безжалостном сгорело!
Народы, племена — их больше нет!
Давно ли мать, склоняясь над люлькой, пела?
Давно ли сказкой тешил внуков дед?
Давно ли книги мудрые листались?
Давно ль музеи всех к себе влекли?
Лишь пепелища без числа остались
от всех сокровищ вековых земли!..»

Профессор (*читает другой листок*).

«Надвигается смерч ядовитый все ближе и ближе,
Человечество гибнет, мечты его меркнут звезда...
Пелена застилает глаза — ничего я не вижу —
вот сейчас остановится сердце мое навсегда...»

Черри — Для жителей нашей планеты Земли не может быть большего сокровища, чем эти надписи.

Зарруш (*профессору*) — А этот атом есть у вас?
Скажи!

Арфа — Признайся, — тайну в сердце не держи!

Профессор — Да, есть!

Все задумчивы. Появляются Хаммерт, Браун, Бона, увидев Черри, бросаются к нему.

Хаммерт — Черри, где ты, дорогой?

Бона — Черри, мой дорогой друг!

Браун — Черри!

Черри — Прочь, убирайтесь прочь! Вам нужен не я, а залежи радиоактивных веществ. Отныне я не с вами, а с людьми. Вот с ними! С этими чистыми сердцами, не знающими, что такое «твое» и «мое».

Рена — Здесь нет «мое», «твое» — запомни это.

Эсва — Всем поровну принадлежат рассветы,
поля, луга, сады и родники —
те, что близки, и те, что далеки!

Зарруш — Будь у нас ваш ум, богатство ваше,
наша мощь — о, как бы жили мы!
Мы бы пили счастье полной чашей,
не боясь ни холода, ни тьмы!

Дурр (*Хаммерту, Боне и Брауну*) —
Скажите, разве вы — не люди,
И разве нет у вас детей?
Как дети, искренними будьте
в любви и верности своей!

Зарруш (*Хаммерту, Боне и Брауну*) —
Признайтесь, — неужели вам без страха,
без крови, драки обойтись так трудно?
Сто тридцать лет живет там черепаха —
а люди сеют смерть каждую секунду!

Рена — Мать Зарруш, к чему вопросы эти?
От укоров удержишься:
Смерть и зло нужней на их планете,
чем для нас — добро и жизнь!

Зарруш (*Хаммерту, Боне и Брауну*) —
Привечать я не буду
кровожадных зверей:
уходите отсюда,
уходите скорей!

Хаммерт, Бона, Браун прижимаются друг к другу. Все поворачиваются к ним спиной. Появляется Террар, увидев его, они еще сильнее прижимаются друг к другу. Отступают перед Терраром.

Зарруш — Наши гости покинут нас скоро, —
не грустите же, пойте, играйте:

не туманьте слезами взоры,
миг разлуки не омрачайте!

Танцевальная музыка. Танцуют и поют все жители планеты.

Песня:

Высоки наши скалы,
высоки и отвесны,
и цветов там немало
расцветает чудесных...
Так пускай к нам спешат
друг за другом удачи!
Урожай наш богат —
пусть он будет богаче!

Эсва (*любуюсь танцующими*) —

Право, нет на свете ничего чудесней...

А у вас там тоже танцы есть и песни?

Ами — Еще какие! А ну, ребята, сыграйте «Инна-бы»!¹

Музыка. Ами танцует.

Профессор — Мать Зарруш, пришла пора проститься.

Зарруш — Свидимся еще хотя бы раз?

Профессор — О, конечно. Мы еще не раз будем веселиться вместе!

Зарруш — Будем в небо мы глядеть с надеждой...

Передайте всем от нас привет!

Лишь бы эти, в голубых одеждах,

Там не омрачили ваш рассвет!

Профессор — Мать Зарруш, нас не пугает это:

сбыться планам их не суждено!

Мы — сильны, за нами — вся планета,

А они — они мертвы давно!

Как зарю, мы поднимаем знамя, —

и, бледнея, отступает мрак,

и народы — все — идут за нами,

с каждым днем все радостней их шаг!

По-дружески берет под руку Черри. Улетающие машут на прощание жителям планеты. Идут в сторону корабля. Жители планеты под-

¹ Азербайджанский танец.

прыгивают, провожая гостей. Через некоторое время корабль медленно взмывает в небо, сцена темнеет. По звездному небу, словно молния, проносится корабль. Полный мрак. Слышится песня, которую поет экипаж корабля. Сцена освещается. Николай Юрьевич стоит в левом углу сцены и показывает рукой на «Рассвет», который виден за тюлевой занавеской на космодроме. Действующие лица стоят перед «Рассветом» следующим образом: в середине профессор и Черри. На полшага впереди них Рена. Она протягивает зрителям чудо-лекарство, «удлинитель жизни». Слева от Черри Аяз, Ами, Фатма, справа от профессора Нина, Гулам, Зоя. У всех в руках охапки цветов. Слышен голос Николая Юрьевича — «голос мыслей».

Я не дожил до этих дней,
вас не дождался из Вселенной,
но верил я душою всей,
что вы вернетесь непременно!

Сыны и дочери Земли,
еще не раз о вас услышат:
теперь вы крылья обрели,
летите к звездам — выше, выше!

Вас все планеты в гости ждут,
раскрыто небо перед вами...
Сроднили вы мечту и труд,
и явь сдружили с чудесами!

Не богу верь — а верь уму,
учась упорно, ежечасно:
ведь вся Вселенная ему
и силе рук людских подвластна!

Занавес.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Войскунский, И. Лукодянов</i> — Формула невозможного. Научно-фантастическая повесть	3
<i>Э. Махмудов</i> — Лекарство из облака. (Перевод Р. Бах-тамова)	44
Феномен. (Перевод И. Лукодянова)	49
<i>М. Ибрагимбеков</i> — Исчезновение Стива Брайта.	58
<i>Р. Бахтамов</i> — Прыжок в высоту.	68
Открытие.	76
<i>В. Журавлева</i> — Буря.	104
<i>И. Милькин</i> — Иду к тебе.	119
<i>В. Антонов</i> — Двенадцатая машина.	122
<i>Г. Альтов</i> — Машина открытий.	131
<i>Н. Гянджали</i> — Сокровища сгоревшей планеты. Пьеса. (Перевод Г. Наджафова и С. Соложенкиной).	145

ЧЭТИН ИШИН ФОРМУЛУ

(Елми-фантастик йекајэлэр, повест вэ ијес)

Редактор *Фанк Мамедов*. Художник *А. Гаджиев*. Художественный редактор *Ю. Агаев*. Технический редактор *С. Ахмедов*. Корректоры *И. Внукова, С. Агейчева*

Сдано в набор 28/IV-1964 г. Подписано к печати 15/VIII-1964 г. ФГ 061-9. Формат бумаги 84×108¹/₃₂. Физ. п. л. 5,87. Условн. п. л. 9,63. Учетн. изд. л. 10. Заказ № 309. Тираж 200.000. (1—100 000). Цена 32 коп., переплет 10 коп.

Азербайджанское государственное издательство, Баку, ул. Гуси Гаджиева, № 4.

Типография им. 26 комиссаров Государственного Комитета Совета Министров Азербайджанской ССР по печати, Баку, ул. Али Байрамова, № 3.

42 коп.

АЗЕРНЕШР — 1964

Формула Невозможного